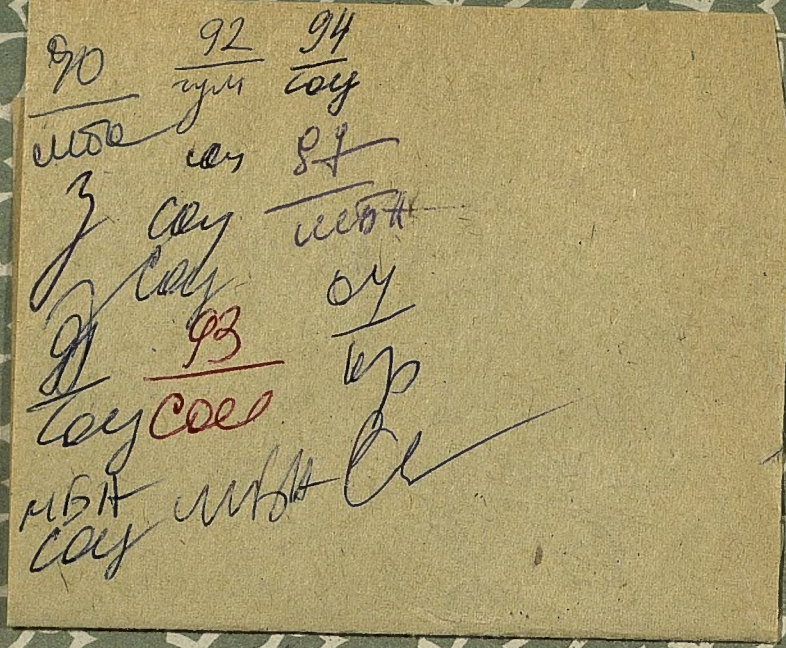
П.К.
251.500



1976

251.500.

947
D

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго района, члена разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ.

Выпускъ VIII:

КЪ ИСТОРІИ ЗАУРАЛЬСКОЙ ТОРГОВЛИ. БАШКИРІЯ

при началѣ русской колонизаціи.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
№ 251.500
19 г.

ПЕРМЬ.
Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.
1900.

9(47)
пк

Дозволено цензурою. Казань, 19 Февраля 1900 г.

Отъ автора-издателя.

Настоящимъ выпускомъ законченъ II томъ «Пермской Старины», которому можно присвоить общее заглавіе «*Исторія Пермскаго Зауралья*» подобно тому, какъ I-му тому (выпуски 1—4) уже присвоено названіе «*Исторія Перми Великой*». По первоначальному плану, нами было задумано издать 12 выпусковъ этого сборника, т. е. еще III-й томъ, имѣвшій обнять исторію юго-западной части обширной Пермской губерніи, для чего нами и собранъ уже значительный научный матеріалъ. Но разныя внѣшнія обстоятельства, особенно матеріальныя затрудненія, крайній недостатокъ свободнаго отъ службы времени и полная невозможность одному работать по-прежнему на этомъ поприщѣ при отсутствіи какой-либо поддержки побуждаютъ насъ нынѣ отложить на неопредѣленное время продолженіе настоящаго изданія. Удовольствуемся тѣмъ, что и двѣ трети плана намъ удалось, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, осуществить въ теченіе 12 лѣтъ, а со всѣми подготовительными трудами по собиранію и критической обработкѣ матеріала—почти въ 20 лѣтъ. Мы довольны сознаніемъ, что за это время нашъ небольшой досугъ и таковыя же средства не пропали даромъ для родного края, и что въ эти два десятка лѣтъ сдѣлано нѣчто полезное для него и помимо рядовой службы.

«Пермская Старина» сомкнула районы изслѣдованій нашихъ ближайшихъ предшественниковъ—проф. *Перетятковича* (Поволжье), *Витевскаго* (Южный Уралъ) и проф. *Буцинскаго* (Западная Сибирь), вдвинувъ

между ними также обширный, но доселѣ болѣе забытый историками Пермскій край, являющійся въ этомъ случаѣ соединительнымъ звѣномъ. Восполнивъ этотъ пробѣлъ, нашъ сборникъ вмѣстѣ съ тѣмъ раздвинулъ далеко на сѣверъ районъ прежнихъ изслѣдованій, названныхъ выше.

Остается выразить искреннее и глубокое пожеланіе, чтобы начатое нами дѣло совсѣмъ не заглохло, а было продолжено другими лицами, поставленными въ болѣе счастливыя условія. III-й томъ «Пермской Старины», въ свою очередь, соединилъ бы въ одно цѣлое первые два, составивъ одну законченную работу.

Александръ Дмитріевъ.

Пермь.
1 февраля 1900 года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Со времени выхода въ свѣтъ VII выпуска „Пермской Старины“ по настоящій 1900 годъ въ печати появились слѣдующіе труды по исторіи нашего края, которые должны быть отмѣчены нами въ библіографическомъ указателѣ.

Вс. Удинцевъ: „Поссессіонное право“. Кіевъ 1896 г.
Ив. Сиговъ: „Народъ и поссессіонное право“. Въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1899 г. кн. 3—4.

Эти двѣ работы, не одинаковыя по объему, но сходныя по выводамъ, къ коимъ приходятъ оба автора, посвящены вопросу и мало еще разработанному, и въ тоже время интересному именно для Урала, гдѣ поссессія имѣетъ особенно широкое примѣненіе. По Уставу Горному (томъ VII Свода Законовъ, изд. 1893 г.), „къ частнымъ горнымъ промысламъ и заводамъ, состоящимъ на правѣ поссессіонномъ, принадлежатъ тѣ, которые имѣютъ пособіе отъ казны или въ земляхъ, или въ лѣсахъ“ (см. статью 5-ю). Однако понятіе поссессіи, какъ особаго вида землевладѣнія, въ разное время имѣло не одинаковый объемъ: оно то расширялось, распространяясь и на нѣдра земныя, то снова ограничивалось. Проф. Удинцевъ въ своей работѣ, сначала появившейся въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и потомъ уже вышедшей особымъ оттискомъ, шагъ за шагомъ прослѣдилъ историческое развитіе этого понятія, поступивъ такъ же и съ другимъ кореннымъ вопросомъ: кому принадлежитъ право на поссессіонныя земли и лѣса? Конечно, онъ приходитъ къ заключенію, что собственницею ихъ является казна. Сами же поссессіонеры-заводчики разсуждаютъ наоборотъ, признавая за собою право собственности, но неполной. Стремленія ихъ всегда и направлялись къ расширенію этого права пользованія до права

владѣнія, вопреки интересамъ казны. Въ конечномъ выводѣ авторъ находитъ институтъ поссессіоннаго владѣнія казенной собственностью вреднымъ для государства и требующимъ поэтому безусловной отмѣны. Къ тому же выводу приходитъ и авторъ журнальной статьи по тому же вопросу, г. Сиговъ, который главное вниманіе сосредоточиваетъ на положеніи народа въ поссессіонныхъ имѣніяхъ на Уралѣ. Чего-либо новаго объ работы почти не сообщаютъ намъ съ фактической стороны, но проф. Удинцевъ подвинулъ разработку понятія поссессіи въ теоретическомъ отношеніи.

Свящ. *Петръ Пономаревъ*: „Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда". Кунгуръ. 1897 г.

Въ концѣ послѣдней главы этого выпуска мы указываемъ значеніе этой полезной, трудолюбиво составленной, монографіи—особенно полезной для историка колонизаціи. Если бы такія работы существовали по всѣмъ уѣздамъ Пермской губерніи, то наша мѣстная исторія далеко ушла-бы впередъ въ детальной разработкѣ даже мелочныхъ вопросовъ, чѣмъ историкъ не долженъ пренебрегать, если хочетъ близко знать мѣстную исторію края. Къ сожалѣнію, такое описаніе церквей и приходовъ имѣетъ еще Соликамскій уѣздъ въ прекрасныхъ статьяхъ свящ. *Ипполита Словцова* (въ „Пермс. Епарх. Вѣдомост. 1860-хъ годовъ) и частью Екатеринбургскій въ статьяхъ *Н. С. Смородинцева* (въ „Екатеринб. Епарх. Вѣд.). Относительно книги свящ. Пономарева нельзя не выразить въ частности сожалѣнія о томъ, что въ ней нѣтъ описанія церквей и приходовъ въ самомъ городѣ Кунгурѣ, съ чего эта книга должна бы начаться. Лучше было бы подождать выпускомъ всей книги въ свѣтъ, только не лишать ея самой интересной и важной первой части.

И. Покровскій: „Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в., ихъ открытіе, составъ и предѣлы". Томъ I-й (XVI—XVII в.в.) Казань. 1897 г.

Свящ. *Іаковъ Шестаковъ*: „Краткій историческій очеркъ столѣтія Пермской епархіи". Пермь. 1899 г.

Обѣ эти книги мы также разсмотримъ вмѣстѣ въ силу близкой ихъ связи по содержанію. Сочиненіе И. М. Покровскаго, нынѣ профессора Казанской духовной академіи, имѣетъ значеніе общее для Русской исторіи, но въ этомъ общемъ содержаніи заключаются главы, посвященныя и нашему краю и сопредѣльнымъ съ нимъ. Тутъ мы находимъ обстоятельные историческіе очерки епархій Пермской, Вятской и Великопермской, а также Вологодской и Сибирской. Всѣ эти главы имѣютъ очень важное значеніе для нашей мѣстной исторіи, такъ какъ проф. Покровскій для своей работы воспользовался такими источниками и пособіями, многія изъ которыхъ для насъ не были доступны. Вообще книгу его мы считаемъ необходимымъ пособіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто занимается вопросами мѣстной епархіи и сосѣднихъ съ нею. Что касается юбилейной книжки свящ. Шестакова, то она имѣетъ чисто мѣстный и при томъ компилятивный характеръ. Самая интересная и дѣльная статья въ ней: „Епархіальное устройство Пермскаго края отъ древнихъ временъ и образованіе нынѣшней Пермской епархіи" (стр. 5—80). Но эта статья принадлежитъ не автору о. Шестакову, а тому же проф. И. М. Покровскому, что и слѣдовало-бы оговорить въ предисловіи. Но и всѣ послѣдующія статьи о пермскихъ и екатеринбургскихъ владыкахъ имѣютъ чисто-компилятивный характеръ. Такимъ же характеромъ отличается и изданная о. Шестаковымъ по случаю 100-лѣтія епархіи памятная книжка для духовенства, почему разбирать отдѣльно это изданіе не представляется надобности.

Закончимъ теперь списокъ нашихъ изданій и статей, начиная съ 1897 до настоящаго 1900 года (см. ранѣе I, III, V и VII выпуски этого изданія), конечно, предоставляя другимъ судить о ихъ качествахъ.

Отдѣльное изданіе:

83. „Пермская Старина", выпускъ VII: „Верхотурскій край въ XVII вѣкѣ. Къ 300-лѣтію Верхотурья". Пермь. 1897 г.

Въ „*Памятной книжкѣ Пермской губ. на 1899 годъ*", издаваемой Губернс. Статист. Комитетомъ:

84. „Древности Верхотурья".
(Къ юбилею города 15 сентября 1898 г. I. Внѣшній видъ стараго города. II. Древніе храмы. III. Николаевскій монастырь и IV Старый Верхотурскій уѣздъ).

Въ „*Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Универс.*".

85. „Забытый трудъ Икосова о Строгановыхъ и Ермакѣ". 1897 г. томъ XIV, вып. 2-й и оттиски.

86. „Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ". 1900 года томъ XVI, вып. 2-й и оттиски.

Въ „*Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*":

87. „Вниманію г.г. членовъ экспедиціи Варпаховскаго, предпринятой на р. Печору". 1897 г. № 213 отъ 1 октября.

88. „Къ трехсотлѣтію города Верхотурья" 1898 г. № 1 отъ 1 января.

89. „Городъ Верхотурье въ XVII вѣкѣ. Къ 300-лѣтнему его юбилею". 1898 г. № 44.

90. „Изъ исторіи Верхотурской таможни". 1898 года №№ 79—80.

91. „Памятникъ крестьянскаго освобожденія въ Перми".
(*Къ открытію московскаго монумента Императору Александру II*)
1898 г. № 179 отъ 18 августа.

92. „Памяти В. М. Флоринскаго". 1899 г. № 66.

93. „Историческій очеркъ Башкиріи до и послѣ подчиненія ея русской власти". 1899 г. №№ 78, 79 и 81.

94. „Зауральская Башкирія и Исетскій край въ XVII и XVIII вѣкахъ". 1899 г. №№ 99, 100 и 101.

95. „Къ исторіи Прикамской Башкиріи и Осинскаго края". 1899 г. №№ 120, 121, 123 и 124.

Примѣчаніе: Статьи подъ №№ 90, 93, 94 и 95 въ переработанномъ видѣ вошли затѣмъ въ составъ настоящаго VIII выпуска „Пермской Старины".

96. „По поводу столѣтія Пермской епархіи". 1899 г. № 224 отъ 16 октября.

97. „Въ виду наступленія новаго столѣтія". 1899 г. № 258.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

О торговлѣ въ Пермскомъ Зауральѣ и Сибири. Верхотурская таможня. Начало Ирбитскаго торга.

Въ предисловіи къ VII выпуску „Пермской Старины“ мы обѣщались дать въ слѣдующемъ выпускѣ этого изданія историческій очеркъ торговли въ Пермскомъ Зауральѣ. Исполняемъ здѣсь наше обѣщаніе, избѣгая однако, по недостатку мѣста, излишнихъ подробностей.

Слѣдуетъ сказать, что по данному вопросу до нашего времени сохранилось много цѣнныхъ документовъ какъ въ Пермскомъ краѣ, такъ въ особенности въ центральныхъ архивахъ Москвы, до начала XVIII вѣка*). Многіе изъ документовъ были уже раньше напечатаны въ разныхъ изданіяхъ, но много еще сохранилось ихъ въ рукописяхъ. Извѣстно, что на Уралѣ главнымъ пунктомъ для правительственнаго контроля и казенныхъ сборовъ съ торговли служила Верхотурская таможня, для исторіи которой особенно важное значеніе имѣютъ: „Новоторговый уставъ“ 22 апрѣля 7175 (1667) г., „Наказъ 1692 г.“, другой „Наказъ Сибирскимъ таможеннымъ головамъ“ отъ 30 августа 7201 (1693) года и „Торговый уставъ“ отъ 2 ноября 7207 (1698) года. Важными источниками для исторіи зауральской торговли

*) О торговлѣ въ нашемъ Зауральѣ мы уже говорили по поводу 300-лѣтняго юбилея Верхотурья въ «Перм. Губ. Вѣдом.» 1898 г. №№ 79—80. См. еще почтенный трудъ *Н. Н. Оглоблина*: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибир. приказа». Часть 2-я: «Документы таможеннаго управленія» Москва 1898 г.

служатъ кромѣ того приходныя и расходныя таможенныя книги Верхотурья и Ирбита за первыя столѣтія ихъ существованія, книги „соболиныя“, „обыскныя“, „счетные списки“ и т. п. рукописные архивные матеріалы, сохранившіеся въ большомъ числѣ *). Многіе изъ нихъ еще ждутъ своей научной разработки и издателей. Древнѣйшія верхотурскія приходныя и расходныя книги 1624—25 годовъ мною теперь изданы въ VII выпускѣ „Пермской Старины“ по спискамъ „Тобольскаго Губернскаго Музея“. Здѣсь мы воспользуемся для общаго очерка разными источниками, какіе могли быть въ распоряженіи провинціальнаго бытописателя давно минувшаго времени.

Районъ, который вѣдала верхотурская таможня, обнималъ всю Сибирь—отъ Урала до границъ китайскихъ. На противоположныхъ концахъ этой обширной территоріи въ XVII вѣкѣ было двѣ главнѣйшихъ таможни: одна въ г. Верхотурьѣ для наблюденія за торгово-промышленными сношеніями Руси съ Сибирью и обратно—это была внутренняя таможня. Другая внѣшняя таможня находилась въ Нерчинскѣ для наблюденія за сношеніями Сибири съ Китаемъ. Всѣ другія внутреннія и внѣшнія таможни въ Сибири имѣли второстепенное значеніе; таковы были таможенныя избы въ Чердыни и Соликамскѣ, или за Ураломъ, далѣе Верхотурья,—тобольская, иркутская, якутская, селенгинская и другія таможни.

Въ первое время по завоеваніи Сибири, туда везли изъ Руси хлѣбъ, соль, холстъ, выдѣланныя кожи, оружіе и военные снаряды и т. д.—словомъ предметы первой необходимости въ новопокоренной некультурной странѣ, гдѣ почти не было ни земледѣлія, ни мануфактуры **). Московскіе знатные

*) Верхотурскія и Ирбитскія книги, сохранившіяся въ Москвѣ, подробно перечислены въ названномъ трудѣ *Оглоблина* часть 2-я, стр. 27—28. Мѣстныя см. въ указателѣ *Мамыева*.

**) «Акты Археогр. Экспед.» II, № 163; «Дополненія къ Актамъ Историч.» IV, 276. *Костомаровъ*: «Очеркъ торговли Московскаго государства». СПБ. 1862 г., стр. 113 и др.

„гости“ или купцы чрезъ своихъ агентовъ, называвшихся тогда прикащиками или „покрученниками“, зимою закупали въ большомъ количествѣ хлѣбъ, складывали его на мѣстѣ закупки въ Казани и „поморскихъ городахъ“—Устюгѣ, Вяткѣ, Перми Великой (Чердыни), Кайгородѣ и т. д. и отправляли его въ сибирскіе новопостроенные города, гдѣ тогда только начиналась русская пашня „государева“ и крестьянская, водою до Соликамска, потомъ везли волокомъ до Верхотурья и далѣе опять плавили водою уже на другой годъ, въ весеннее половодье. Въ Верхотурьѣ хлѣбъ оплачивался установленною таможенною пошлиною, послѣ чего достигалъ Тобольска по Турѣ и Тоболу въ такъ называемыхъ „дощаникахъ“, или большихъ лодкахъ. Здѣсь, въ главномъ городѣ Сибири, былъ тогда главный складъ хлѣба, заготовлявшагося ежегодно для продовольствія всѣхъ сибирскихъ служилыхъ людей, получавшихъ не только денежное, но и „хлѣбное жалованье“. Въ напечатанныхъ въ VII выпускѣ „Пермской Старины“ приходныхъ и расходныхъ книгахъ Верхотурья 1624—25 г.г. можно найти крайне любопытныя и полныя свѣдѣнія о размѣрахъ этого жалованья, которое переводилось на деньги по мѣрѣ постепеннаго расширенія собственной пашни въ Сибири.

Указанными обстоятельствами объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что наша хлѣбороднѣйшая колонія сначала снабжалась привознымъ изъ метрополіи хлѣбомъ. Съ теченіемъ времени подвозъ хлѣба постепенно сокращался, но Сибирь долго нуждалась въ деньгахъ на жалованье служилымъ людямъ. Та же Казань и „поморскіе города“, взамѣнъ хлѣба, стали доставлять Сибири деньги, что составляло для нихъ своего рода повинность. Это объясняется тѣмъ въ свою очередь, что вся Сибирь, а съ нею и Верхотурье, по гражданскому управленію первоначально состояла въ вѣдѣніи

„Казанскаго и Мещерскаго дворца", изъ котораго только въ 1637 г. выдѣлился особый „Сибирскій приказъ" *).

Съ усиленіемъ русской колонизаціи, въ Сибири развивалось земледѣліе; съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивался количественно классъ служилыхъ людей съ его потребностями, которыя были, конечно, выше требованій крестьянина—пахаря. Это побуждало частныхъ промышленниковъ—людей торговыхъ изъ городовъ Европейской Россіи везти въ Сибирь произведенія мануфактурной и другихъ отраслей промышленности, а оттуда привозить главнымъ образомъ пушнину, которая особенно цѣнилась на Руси и далѣе—на западѣ Европы. Этотъ торговый транзитъ усиливался съ годами и создалъ своеобразный сибирскій торгъ съ нѣсколькими крупными центрами и съ неизбѣжными уловками, плутнями и обходомъ законныхъ требованій русской власти.

Въ главномъ городѣ тогдашняго Зауралья-Верхотурьѣ собственная торговля въ первой половинѣ XVII вѣка была довольно значительна. Служилые люди, назначавшіеся на службу въ разные сибирскіе города, проѣзжая чрезъ городъ Верхотурье, какъ пограничный, дѣлали здѣсь закупки необходимыхъ предметовъ потребленія, иногда въ большомъ количествѣ, желая купить ихъ здѣсь дешевле и часто не надѣясь найти ихъ дальше въ Сибири **). Это заставляло мѣстныхъ торговыхъ людей всегда имѣть въ запасѣ въ достаточномъ количествѣ всѣ предметы спроса. Нѣкоторые изъ нихъ, предметы туземнаго происхожденія, они вымѣнивали у инородцевъ на хлѣбъ и водку, наприм. мѣха, рыбу, оленьи и лосиныя кожи и т. п., конечно, на очень выгодныхъ для себя условіяхъ. Съ Вогуличами главный обмѣнъ совершался *въ Ляминской волости*, гдѣ въ селеніи того же имени была

*) О гражд. управленіи въ Сибири подробно сказано нами въ 4-й главѣ VII выпуска «Перм. Старины», гдѣ см. стр. 110, 111 и другія.

**) О гостиномъ дворѣ и числѣ торговыхъ лавокъ въ Верхотурьѣ въ первой половинѣ XVII вѣка подробно сказано въ VII вып. «Перм. Старины», стр. 44—45.

особая таможня для сбора пошлинъ съ этой мѣновой торговли. Словомъ, въ началѣ XVII вѣка мѣстная торговля въ Верхотурьѣ процвѣтала.

Но во второй половинѣ XVII вѣка торговля въ самомъ Верхотурьѣ стала падать *вслѣдствіе конкурренціи съ Ирбитской слободой*, торговые обороты которой съ каждымъ десятилѣтіемъ увеличивались въ ущербъ гостиному двору Верхотурья. Возвышенію ирбитскаго торга способствовала удаленность слободы отъ главной таможни и возможность обходить ея контроль. Своей таможни эта слобода не имѣла, а посылавшіеся туда изъ Верхотурья таможенные цѣловальники, надо полагать, были люди подкупные, какъ и многіе изъ самихъ воеводъ того времени, сквозь пальцы смотрѣвшіе на злоупотребленія при пошлинныхъ сборахъ. Все это способствовало возвышенію Ирбита на счетъ Верхотурья *). Правительство принимало мѣры къ искорененію злоупотребленій, но совершенно пресѣчь ихъ не могло. Въ 1694 г., напримѣръ, предписано было, чтобы торговцы въ Ирбитской слободѣ во время ярмарки торговали непремѣнно въ государевыхъ, а не въ собственныхъ амбарахъ и лавкахъ, но эта мѣра все-таки не устранила таможенныхъ безпорядковъ, какъ и предыдущіе царскіе указы 1687 и 1689 г.г. таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ **).

Если внутренняя торговля Верхотурья въ разное время подвергалась колебаніямъ и не имѣла постояннаго роста, то таможня его все таки представляла собою устойчивое учрежденіе, хотя и оно не обходилось безъ крупныхъ злоупотребле-

---

*) Особыя приходныя книги по Ирбитской слободѣ сохранились за нѣкоторые годы въ Москвѣ, въ Сибирскомъ приказѣ, и перечислены *Оглоблинымъ* въ его «Обозрѣніи» этого приказа, часть 2-я, стр. 28.

**) «Акты Историч.» т. V, 132—135 и 335. *Костомаровъ*: «Очеркъ торговли Московск. государства». СПБ. 1862 г. стр. 115—116 и друг.

ній. Дѣло въ томъ, что пріѣзжіе изъ Руси купцы часто подвергались здѣсь вымогательствамъ таможенныхъ чиновъ, неудовлетвореніе которыхъ вело къ разнымъ проволочкамъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи товаровъ въ Сибирь. Это ясно видно изъ самаго торгового устава отъ 2 ноября 1698 г., гдѣ въ первой же статьѣ сказано: „А лишнихъ цѣнъ для большаго пошлиннаго сбору таможеннымъ головамъ отнюдь на товары и запасы не накладывать и тѣмъ торговыхъ и всякаго чина людей не грабить, и не оскорблять, и не отгонять". Въ статьѣ же 21-й еще яснѣе проведена та же мысль устава; строго запрещая чинить торговымъ людямъ какія бы то ни было задержки въ таможнѣ, эта статья дѣлаетъ оговорку: „какъ *въ прежнихъ лѣтѣхъ* многими воровскими вымыслы *купецкихъ людей задерживали и великіе непомѣрные грабежи и нападки имъ чинили*". У такихъ таможенныхъ головъ уставъ (въ концѣ той же 21 статьи) велитъ отбирать на государя „всѣ ихъ животы" и сверхъ того взыскивать съ нихъ всѣ убытки въ пользу потерпѣвшихъ торговыхъ людей. Изъ статьи 14-й того же торговаго устава видно, что въ восточной Сибири таможенные „порядки" были еще хуже; особенно доставалось разнымъ „иноземцамъ", которые, напримѣръ въ Якутскѣ, „не стерпя мученія (на таможняхъ), сами себя смерти предавали и врознь на китайскую сторону разбѣгались, а достальные къ великому государю присылали челобитчиковъ". Много являлось такихъ челобитчиковъ въ Москвѣ и съ жалобами на верхотурскихъ таможенныхъ служилыхъ людей.

При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что многіе торговые люди старались тайно, украдкой обходить верхотурскую таможню не потому, что избѣгали установленной пошлины по 10 копѣекъ съ рубля со всѣхъ товаровъ, а изъ страха быть почти ограбленными на таможняхъ, если товаровъ везли съ собою немного и недорогихъ. А кому приходилось платить большую пошлину съ провозимаго то-

вара, тотъ иногда могъ избѣгать таможни и ради личнаго разсчета. Какъ бы то ни было, но тайный обходъ верхотурской таможни и безпошлинный провозъ товаровъ въ Сибирь и обратно былъ въ тѣ времена явленіемъ нерѣдкимъ, что и было извѣстно верхотурскимъ и другимъ воеводамъ. Это заставило правительство, по ихъ донесеніямъ, устроить по западной границѣ Сибири нѣсколько „заставъ“ для поимки такихъ торговыхъ людей и сбора съ нихъ пошлинъ; таковы Киртасская и Обдорская заставы. Въ Верхотурскомъ же уѣздѣ съ той же цѣлью были устроены такъ называемые „караулы“ въ селеніяхъ Павдинскомъ, Лялинскомъ (нынѣ село „Караульное“) и Кошайскомъ *). Западнѣе ихъ такой же караулъ былъ устроенъ на самомъ перевалѣ Уральскихъ горъ въ селѣ Ростесъ, а при началѣ верхотурской дороги находилась „таможенная изба“ въ Соликамскѣ. Впрочемъ эта изба, какъ и Чердынская, были учрежденія старыя, упоминаемыя еще въ древнѣйшихъ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ.

Когда такимъ образомъ безпошлинный провозъ товаровъ чрезъ сѣверо-западную границу Сибири сталъ затруднителенъ, торговые люди нашли *новый обходный путь въ Сибирь чрезъ Кунгуръ или Уфу на Катайскій острогъ*, что и понынѣ извѣстное торговое село въ южной части Камышловскаго уѣзда. Отсюда дорога шла далѣе въ предѣлы Сибири—на Ялуторовскъ. Изъ Катайскаго острога часть товаровъ попадала въ Ирбитскую слободу, гдѣ постепенно образовался ежегодный торгъ, хотя и нелегально въ первые годы. Это обстоятельство побудило правительство учредить въ 1680 году новую Катайскую заставу для таможенныхъ цѣлей **).

*) *Костомаровъ* въ названномъ выше сочиненіи см. стр. 114. См. также нашу «Пермскую Старину» вып. VII, стр. 82—83. Костомаровъ упоминаетъ Собскую заставу, въ дѣйствительности не существовавшую особо. *Оглоблинъ* считаетъ ее за ту же «съ Обскаго устья Обдорскую заставу» см. часть 2-ю, стр. 27.

**) «Акты Истор.» V, 363. О началѣ Ирбитской слободы и Катайскаго острога см. «Перм. Стар.» VII, 78 и 84—86.

Само собою разумѣется, что правительство не могло оставлять безъ преслѣдованія лицъ, уличенныхъ въ безпошлинномъ провозѣ товаровъ, налагало на нихъ штрафы и тѣлесныя наказанія, а таможенные чины опять же пользовались для своей корысти этими штрафами, взимая ихъ по своему усмотрѣнію. Такова была тогда нравственная физіономія сибирскаго служилаго люда, измѣнить которую могло только очень продолжительное время! Торговый уставъ 1698 г. во второй статьѣ дѣлаетъ очень внушительныя предписанія по этому поводу. „А чтобъ мимо Верхотурья безъ пошлинъ никто ни съ какими товары и запасы, и животами не проѣзжалъ,— велѣть впредь таможеннымъ головамъ, пристойно противъ прежнихъ обыкностей, крѣпкія поставить заставы и ставить тутъ цѣловальниковъ съ служилыми людьми, посколку человѣкъ пристойно; а въ цѣловальники взять добрыхъ людей грамотныхъ, ненакупныхъ, а служилыхъ людей воеводамъ присылать къ головамъ добрыхъ же и некорыстниковъ и непьяницъ". Но такихъ то „добрыхъ" людей тогда и было мало въ служилой средѣ; иначе незачѣмъ было писать далѣе въ той же статьѣ устава слѣдующую угрозу: „А буде которой цѣловальникъ съ служилыми людьми кого съ тѣмъ пропустятъ безъ указу и безъ выписи или таможенныхъ узолковъ—и тѣмъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутьемъ нещадно, чтобъ въ такихъ воровствахъ всѣ были опасны и страшны... А кто, сказано далѣе, сильно (т. е. самовольно, насильственно) заставу проѣдетъ, а того поймаютъ, и на такихъ имать пошлину вдвое, да имъ же чинить наказанье—бить батоги нещадно". Часто-ли удавалось торговцамъ насильно проѣзжать заставу—сказать трудно, а что цѣловальники даже съ вѣдома воеводъ налагали на виновныхъ штрафы и наказанія не по уставу, а по своему усмотрѣнію—объ этомъ есть свидѣтельства. Въ статьѣ 5-й того же устава читаемъ: „А воеводамъ для своихъ корыстей и головамъ и всякаго чина людемъ никакой задержки и оста-

новки по какому ложному вымыслу для своихъ прихотей отнюдь, также и такихъ *наглыхъ грабежей и разореній* его, великаго государя, людемъ, *какъ при прежнихъ воеводахъ было, не чинить*".

Слишкомъ частыя уклоненія торговыхъ людей отъ платежа установленныхъ пошлинъ объясняются не только злоупотребленіями таможенныхъ людей, но и размѣрами самого платежа, который въ разное время былъ неодинаковъ. Мы сказали, что по торговому уставу 1698 г. пошлины полагалось платить по 10% съ рубля деньгами или самымъ товаромъ—безразлично (по статьѣ 1-й). Но до изданія этого устава дѣйствовалъ особый „Наказъ таможеннымъ головамъ 1693 г.", который требовалъ пошлину втрое выше, если еще не больше. По этому „Наказу" на верхотурской таможнѣ полагалось брать: со всякаго товара по 10% безъ зачета пошлинъ, уже взятыхъ въ Россіи; сверхъ того амбарныхъ съ товаровъ по 9% за каждую недѣлю; съ хлѣба изъ первыхъ рукъ или съ своей пашни по $2^1/_2$%, а съ перекупщиковъ по 10%; со скота, лошадей и рыбы деньгами или товаромъ по 10%; съ чаевъ и тканей китайскихъ или бухарскихъ десятый ящикъ или кусокъ и т. д. *). Понятно, что такая пошлина была очень разорительна для торговыхъ людей, которые всячески старались избѣгать ея платежа, а казна не видѣла приращенія своихъ доходовъ. По уставу 1667 г. пошлина хотя и была нѣсколько ниже указанной, но все-таки не легка. Петръ Великій пониженіемъ пошлинъ хотѣлъ достигнуть увеличенія доходовъ, но немного успѣлъ въ этомъ, потому что таможенное зло уже слишкомъ глубоко пустило свои корни въ Сибири, да и добросовѣстныхъ служилыхъ людей тамъ было мало. Поэтому лучшею мѣрою достичь главной цѣли—увеличенія казенныхъ доходовъ и развитія самой торговли въ Сибири *была отмѣна внутрен-*

*) *Словцовъ*: «Историческое обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г. I, 151.

нихъ таможенъ по указу 1754 года, послѣ чего верхотурская таможня оставлена была только для торговли съ иородцами сѣвера и средней Азіи *).

О значительныхъ размѣрахъ сибирскаго транзита еще въ первые годы по завоеваніи страны русскими и даже до основанія Верхотурья можетъ дать понятіе „Роспись хлѣбныхъ запасовъ, соли, пороху и свинца“ отъ 30 ноября 1596 года, посланная изъ Москвы къ лозвинскому воеводѣ Ивану Троханіотову **). Это очень любопытный и важный документъ по экономической исторіи Сибири, какъ и царская грамота отъ 11 іюля 1606 г. объ устроеніи яма въ Соликамскѣ ***). Судя только по этимъ документамъ, можно заключить, что верхотурская таможня съ самаго своего основанія собирала ежегодно довольно значительные доходы въ казну, даже при всѣхъ, указанныхъ выше, злоупотребленіяхъ и неустройствахъ. Напечатанныя теперь въ VII выпускѣ „Пермской Старины“ приходныя и расходныя книги Верхотурья 1624—25 годовъ даютъ полныя свѣдѣнія о таможенныхъ сборахъ разныхъ категорій. Можно сказать, что въ теченіе XVII вѣка пошлинный сборъ съ товаровъ на верхотурской таможнѣ съ 500 рублей возросъ до тысячи, что по тому времени составляло большую сумму, потому что деньги цѣнились тогда гораздо дороже. Не слѣдуетъ забывать, что не менѣе того казна еще теряла отъ хищеній служилыхъ людей. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе таможни, по этой статьѣ доходовъ ежегодно получался остатокъ въ пользу казны. Такъ, въ „Смѣтной книгѣ денежныхъ доходовъ и расходовъ“ Верхотурья за 1625 годъ общій остатокъ показанъ 1758 рублей, а въ 1629, т. е. всего

---

*) Тамъ же, часть 1-я, стр. 317.

**) Подробное извлеченіе изъ нея см. въ «Пермской Старинѣ» вып. VI, стр. 20—21.

***) О ней см. тамъ же, стр. 21 и 76—77.

чрезъ 4 года, онъ уже равнялся 3089 рублямъ, при чемъ по статьѣ таможенныхъ сборовъ (собственно пошлинъ) оставалось около 500 рублей*).

До сихъ поръ мы говорили о пошлинныхъ сборахъ съ верхотурской таможни; но задача тогдашнихъ внутреннихъ таможенъ не ограничивалась этими сборами съ провозимыхъ товаровъ и предметовъ мѣстной торговли. На таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ тогда было возложено и все акцизное дѣло. Они занимались сборомъ кабацкихъ денегъ, согласно особыхъ царскихъ указовъ, въ 1698 г. также объединенныхъ въ одинъ уставъ по повелѣнію Петра I. Только въ немногихъ мѣстахъ Сибири были особые „кабацкіе головы", вѣдавшіе „кружечные дворы"; большею же частью, въ томъ числѣ и на Верхотурьѣ, питейное дѣло состояло въ вѣдѣніи тѣхъ же „таможенныхъ головъ". Съ изданіемъ особаго „винаго" устава въ 1698 г., питейные доходы болѣе регулярно стали записывать въ особыя „винокурныя книги", „книги пивныхъ варей", „книги питейныя", „книги винныя" и наконецъ „книги винной дачи", большинство которыхъ, поэтому, относится къ самому концу XVII и началу XVIII столѣтій **).

„*Государева винная казна*, говоритъ Н. Н. Оглоблинъ, въ Сибири находилась въ началѣ въ завѣдываніи воеводъ, такъ какъ вино было тогда главнымъ образомъ привозное изъ Московской Руси, на мѣстѣ же варилось въ небольшихъ размѣрахъ, а потому завѣдываніе имъ не было дѣломъ сложнымъ и не требовало особыхъ органовъ управленія. Но съ теченіемъ времени „государевы поварни" (для куренья вина, варки пива и меду) и „кружечные дворы" (для храненія и

*) «Пермск. Старина», VII, 51.

**) По Верхотурью, Соликамску, Кунгуру и Ирбити полный перечень сохранившихся въ Москвѣ, въ Сибирскомъ приказѣ, книгъ см. въ «Обозрѣніи» *Н. Н. Оглоблина*, часть 2-ю, главу 19-ю, стр. 122—124.

продажи ихъ) заводятся во всѣхъ почти сибирскихъ городахъ, и дѣло завѣдыванія винною казною настолько осложняется, что воеводское управленіе, сохраняя за собою только высшій надзоръ и контроль, непосредственное веденіе винной казны передаетъ таможенному управленію" *).

Что порядки въ этой области управленія въ таможняхъ, не исключая верхотурской, были не лучше описанныхъ нами выше, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. При указѣ Петра Великаго отъ 22 ноября 1698 г. во всѣ сибирскіе города къ таможеннымъ и кружечныхъ дворовъ головамъ были разосланы особо составленныя „винныя статьи" для руководства и исполненія. Въ предисловіи къ нимъ между прочимъ говорилось: „И во многихъ дѣлахъ явилось, что воеводы сверхъ указного числа многое вино въ Сибирь, въ тѣ городы, гдѣ имъ воеводами быть велѣно, провозили, и дорогою ѣдучи по Турѣ и въ Тобольску, хлѣбъ покупали, и хлѣбъ покупая, а индѣ безденежно взявъ, на себя курили, и знакомцамъ, и людемъ своимъ въ ведра и въ скляницы, въ ковши и въ чарки на своихъ дворѣхъ постороннимъ и туточнымъ многимъ людемъ продавать велѣли, и его, великаго государя, о томъ жестокіе указы презирали"..... Несомнѣнно, въ устраненіе такихъ злоупотребленій Петръ I и повелѣлъ издать въ 1698 г. особый „винный" уставъ.

Въ статьѣ 1-й этого устава таможеннымъ головамъ велѣно было вѣдать кабаки и все „винное куренье, и пивные варенья, и медъ, и квасы ставить". Далѣе въ той же статьѣ предписывалось, „чтобъ винное куренье, когда изъ государева хлѣба и хмѣлю учнетъ сидѣть, было на особомъ и высокимъ заборомъ огороженномъ и пространномъ дворѣ, на которомъ бы погребъ и житницы и посуда въ поварнѣ стояла въ бережи". Далѣе давались самыя подробныя инструк-

*) Тамъ же, во 2-й части, въ «Документахъ таможеннаго управленія» *Оглоблина* см. стр. 80—81. Москва. 1898 г.

ціи о томъ, какъ курить вино, какъ его хранить въ складахъ и при перевозкѣ, какъ продавать и вести ему полный учетъ въ книгахъ, отнюдь не убавлять крѣпости вина примѣсью воды и т. д. „А въ куреньѣ надъ винокурами смотрѣть, чтобъ большимъ огнемъ вина не прижигали, и дымомъ и пригаромъ не отзывалось, и отъ нихъ, винокуровъ, съ двора хлѣбу, хмѣлю и вину кражи и отдачи и продажи мимо кабака отнюдь не было,.... а котораго вора въ такой кражѣ поймаютъ, бить кнутьемъ нещадно, или по винѣ смотря, безъ пощады“ (конецъ 1-й статьи) *). „А буде изъ русскихъ городовъ чрезъ Верхотурье вино привезутъ подрядное, по подрядомъ Сибирского Приказу, и того вина на Верхотурьѣ всякую бочку.... отвѣдывать и опыты чинить..... И приказывать, чтобъ дорогою то вино везли со всякимъ береженьемъ и изъ бочекъ бы не крали.... и отдавали въ такой же силѣ, а не плоше, безъ всякого примѣсу.... И такіе жъ и въ пивѣ, меду и квасахъ осторожности имѣли“ (статья 2-я). Оберегая казенный интересъ, уставъ не забывалъ, однако, и интересовъ потребителей. Въ статьѣ 4-й читаемъ: „А буде придетъ на кабакъ.... служилой человѣкъ и учнетъ пропивать не по своимъ пожиткамъ многіе деньги, или ружье, или платье..... и за деньги продать ему вина.... по разсмотрѣнію умѣренно, а не въ большое пьянство.... А ружья, ни платья, а у торговаго никакихъ товаровъ на пропой или подъ закладъ головамъ за вино, опричь денегъ, не принимать, а приводить такихъ задорныхъ пьяницъ для наказанія къ воеводамъ,..... а имъ говорить, чтобъ пили умѣренно и честно—въ веселіе и отраду,.... а не въ пагубу своей души“. Чтобъ такъ пра-

*) Въ старинной рукописи, которою мы пользуемся, сначала написаны «*статьи таможенному збору*» съ 1 до 22-й включительно, а вслѣдъ за ними — «*статьи винные*» числомъ 10. Рукопись начала XVIII в. изъ архива бывшей Верхотурской нижней расправы.

вильно поставить дѣло продажи питей, статья 6-я предписывала „таможеннымъ головамъ къ продажѣ винной и всякого питья въ цѣловальники себѣ выбирать людей добрыхъ, не пьяницъ и, буде возможно, и грамотныхъ, чтобъ съ правдою вино продавъ, деньги сбирали въ особой, запечатанной таможенною печатью, ящикъ, а не себѣ по карманамъ“... Далѣе винный уставъ особенно настаиваетъ на томъ, „чтобъ нихто вина на себя курить и продавать не дерзалъ,.... чтобъ опричь государевой поварни нигдѣ виннаго куренія и мимо кабака продажи отнюдь не было“ (статья 7-я). Въ случаѣ злоупотребленій и неисполненія требованій „винныхъ статей“, таможенный голова могъ доносить на самого воеводу прямо въ Москву, въ Сибирскій приказъ, равно какъ цѣловальникъ могъ жаловаться воеводѣ на своего ближайшаго начальника—таможеннаго голову (по статьѣ 10-й).

Но всѣ эти предписанія закона не приводили къ цѣли, какъ показываютъ оффиціальные акты слѣдующаго столѣтія, сохранившіеся въ большомъ числѣ. Тайное винокуреніе и корчемство или тайную продажу вина, подрывающія государственные доходы, нерѣдко дозволяли себѣ не только служилые люди низшихъ степеней, какъ напр. цѣловальники, но иногда и сами воеводы. И это было не только въ Сибири и на Уралѣ, но и по сю сторону отъ него дѣломъ довольно обычнымъ, судя по сенатскимъ указамъ, издававшимся „во всенародное извѣстіе“. Одинъ изъ такихъ указовъ отъ 19 сентября 1755 г. былъ уже напечатанъ мною въ извлеченіяхъ *). Сославшись на предыдущій милостивый указъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 25 декабря 1751 г., коимъ повелѣвалось отпустить (простить) вины всѣмъ уличеннымъ въ корчемствѣ, новый сенатскій указъ 1755 г. замѣчаетъ: „А нынѣ изъ присланныхъ въ сенатъ изъ каморъ-коллегіи и изъ протчихъ мѣстъ доношеній оказалось (слѣдо-

*) Въ статьѣ: «Виноторговля и корчемство на Уралѣ и въ Сибири въ прошломъ вѣкѣ» въ «Тобольскихъ Губернс. Вѣдомостяхъ» 1894 г. №№ 39 и 40.

вательно всего чрезъ 4 года послѣ амнистіи виновныхъ), что многіе люди по своему пристрастію паки корчемствуютъ и тѣмъ кабацкому сбору, который употребляется на государственные расходы, чинятъ подрывъ; чего ради къ пресѣченію того корчемства необходимость принудила изыскивать способы". Далѣе тотъ же указъ свидѣтельствуетъ, что въ то время казна ежегодно теряла питейныхъ сборовъ съ двухъ милліоновъ ведеръ вина, которое выкуривалось и пускалось въ продажу тайно. Такъ неудачны были операціи прежней казенной винной монополіи, которая, поэтому, со временемъ и была оставлена.

Не смотря на слишкомъ частыя злоупотребленія въ питейной торговлѣ, кабацкій доходъ, по сравненію съ пошлинными сборами, даже въ началѣ XVII вѣка былъ втрое больше и прямо составлялъ самую крупную статью казеннаго дохода. Изъ извѣстныхъ намъ документовъ по исторіи Верхотурья видно, что уже въ 1624 г. отъ продажи вина тамошняя таможня получила 1357 рублей дохода, тогда какъ пошлинный сборъ тогда доходилъ до 500 руб. *). Правда, въ иные годы „винный доходъ" нѣсколько сокращался, никогда не уступая, однако же, перваго мѣста въ ряду другихъ статей таможенныхъ сборовъ. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ, что не мало еще казна теряла тогда отъ дозволенныхъ до изданія виннаго устава 1698 г. долговъ „на питухахъ". Дѣло доходило до того, что уже въ 1623 г. верхотурскій воевода князь Никита Петровичъ Барятинскій долженъ былъ жаловаться въ Москву на слишкомъ большое потребленіе вина въ Верхотурьѣ въ ущербъ народному благосостоянію и здоровью.

*) «Пермск. Старина» в. VII, стр. 51.

Въ тѣсной связи съ торговлей виномъ всегда стояла торговля солью, какъ предметомъ первой необходимости *). Съ 1705 года она также составляла казенную монополію, но разныя злоупотребленія, главнымъ образомъ тайный провозъ соли мимо таможенъ и заставъ и тайная же торговля ею, побудили правительство отдать эту торговлю въ частныя руки. 31 декабря 1727 г. верховнымъ тайнымъ совѣтомъ изданъ былъ указъ императора Петра Второго, коимъ казенная продажа соли отмѣнялась и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось „съ предбудущаго 1728 году во всей имперіи для всенародной пользы отдать оную въ вольную торговлю, съ платежемъ положенной пошлины"... По этому поводу обнародованъ былъ въ Петербургѣ 5 января 1728 г. „Уставъ о соляныхъ промыслахъ, и о торгу оною (солью) и о протчемъ". Уставъ раздѣленъ былъ на 29 параграфовъ или статей **). Въ § 2 точно указанъ размѣръ пошлины съ соли въ пользу казны. „Всѣмъ солянымъ промышленникамъ и заводчикамъ, читаемъ тутъ, за вольной ихъ промыслъ и продажу платить въ таможняхъ пошлинъ: съ *пермянки* и протчей выварочной (соли) въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ, куда соль на продажу привозитца, по пяти копеекъ съ пуда. Съ *Астраханскаго* отвознаго въ Поволскія и въ верховыя городы *бузуна*, съ Илецкой и Елтонской *и протчей самосадки* при продажѣ жъ по три копейки. А которая въ самой Астрахани продаетца, а не въ отвозъ, и около Астрахани, и въ Гурьевѣ на рыбныхъ промыслахъ употребляетца,—по копейкѣ. Съ Сибирской соли *Ямышевского бузуну*, и Томской, и Иркуцкой, и Нерчинской выварочной, противъ Астраханскаго отвозного бузуна, по алтыну, а коя въ слободы привозитца съ степныхъ озеръ, съ той по двѣ копейки съ пуда". По § 3 Устава,

*) По этому вопросу см. нашу статью: «Соляная торговля на Уралѣ и въ Сибири въ XVIII вѣкѣ» въ «Тобольскихъ Губернс. Вѣдом.» 1895 г. №№ 25 и 26.

**) Подлинный печатный экземпляръ «Устава» имѣется въ моемъ собраніи рукописей въ г. Перми.

каждый солепромышленникъ обязанъ былъ заявлять въ таможняхъ о количествѣ полученной имъ соли, предназначенной къ продажѣ, „и записывать въ таможняхъ безъ всякой утайки“, а при продажѣ соли немедленно уплачивать пошлину и брать въ таможнѣ особыя въ томъ квитанціи (выписи), а не явя соль въ таможняхъ, отнюдь не продавать ея (§ 4). Наблюденіе за правильностью взиманія соляной пошлины и отвѣтственность предъ казною за исправное ея поступленіе возлагалось по § 7 на „таможенныхъ бурмистровъ съ товарыщи“ и подчиненныхъ имъ „досмотрщиковъ“ и „цѣловальниковъ“. За всякій недосмотръ при взиманіи пошлинъ эти служилые люди, равно какъ и торговцы солью, подвергались штрафамъ (§ 9). Уставъ особенно предписываетъ смотрѣть за добычею соли въ степныхъ Сибирскихъ озерахъ, удаленныхъ отъ селеній (§ 18), „и для того изъ Сибирской губерніи въ такія слободы, гдѣ таможенъ нѣтъ, для записи соляныхъ пошлинъ разсылать погодно закрѣпленныя книги или тетрати и смотрить накрѣпко, чтобъ съ такихъ озеръ тайного провозу и продажи соли безпошлинно не было“ (§ 18). По § 22 Уставъ давалъ право всякому, кто откроетъ безпошлинный провозъ соли, отбирать утаенную соль на себя съ обязательствомъ только внести за эту соль установленную пошлину. § 26 строго запрещалъ солепромышленникамъ возвышать цѣны на продаваемую соль, а предписывалъ продавать ее „какъ возможно низкими цѣнами, примѣняясь къ тѣмъ, по чему до запрещенія 705 году (она была) продавана, прикладывая нынѣшнюю пошлину, чтобъ отнюдь въ возвышеніи цѣнъ жалобъ, а наипаче тягости народу не происходило“. Таковы главныя положенія соляного устава 1728 г.

Но какъ и въ „винномъ дѣлѣ“, на бумагѣ писалось одно, а на дѣлѣ происходило другое: и въ соляной торговлѣ злоупотребленій было много. Трудно было услѣдить за провозомъ соли съ южныхъ сибирскихъ соляныхъ озеръ, которыя преимущественно снабжали солью въ XVII и XVIII в.в.

южный Уралъ, включая сюда весь Исетскій край, и Западную Сибирь. Въ тѣ времена главными мѣстами добыванія соли были озера *Ямышевское* (близъ нынѣшняго Павлодара, въ Семипалатинской области) и *Эбелей* (въ Николаевскомъ уѣздѣ нынѣшней Тургайской области). Первое тогда снабжало солью большую часть Тобольской губ., а втрое, слывшее подъ именемъ „Степного Абеляя—озера"—весь Исетскій край, съ 1737 года составившій такъ называемую „Исетскую провинцію". За истощеніемъ этихъ соляныхъ мѣсторожденій, во второй половинѣ XVIII в. Ямышевское озеро уступило первенство сосѣднему *Коряковскому*, а Эбелей—своему сосѣду, озеру *Уркачъ* въ смежномъ Тургайскомъ уѣздѣ *). Но это были только главныя соляныя озера, за которыми особенно слѣдила казна, а сколько было еще меньшихъ степныхъ озеръ, контроль за которыми былъ почти невозможенъ. Тамъ безпошлинный провозъ соли составлялъ обычное зло.

И въ Верхотурской таможнѣ, не смотря на присутствіе воеводъ, случались соляныя недоимки. Въ нашихъ рукахъ есть одно дѣло 1727 г. о взысканіи таковой недоимки съ верхотурскихъ посадскихъ людей—соляныхъ головъ и ихъ товарищей—всего въ числѣ 35 человѣкъ, которыхъ, по доношенію верхотурской ратуши бурмистра Павла Шубникова въ тобольскій губернскій магистратъ, велѣно было „за издержанные соляные деньги, и съ дѣтьми ихъ, соляныхъ головъ (Ѳедора Бутакова, Осипа Часовщикова и Михаила Скорнякова)—сослать въ Екатеринбургъ въ работу и зачитать имъ при работѣ по 12 рублевъ въ годъ человѣку. А выборные посадскіе люди, говорится далѣе, во оной соляной доимкѣ держатся въ ратушѣ подъ карауломъ (въ Верхотурьѣ) съ іюня

*) Полный перечень соляныхъ озеръ приведенъ въ «Историч. обозрѣніи Сибири» *П. Словцова*, изд. 2-е, часть II, стр. 42–43 и въ приложеніяхъ тамъ же, стр. 313—338. См. также упомянутую нашу статью о соляной торговлѣ въ «Тобольс. Губ. Вѣдом.» 1895 г. №№ 25 и 26.

27 дня и по сіе іюля число, *всъ неисходно біемы на правежъ повсядневно*“ *).

Въ приложеніяхъ къ этой книгѣ мы помѣщаемъ двѣ вѣдомости о количествѣ потребленія вина и соли въ прошломъ вѣкѣ въ предѣлахъ бывшей „Исетской провинціи“, съ указаніемъ стоимости ихъ въ свое время. Для Исетскаго края въ XVII вѣкѣ такихъ данныхъ очень мало, почему наши вѣдомости, найденныя въ г. Далматовѣ, имѣютъ для нея немаловажное значеніе.

II.

Башкирія при началѣ русской колонизаціи.

А. Уфимская Башкирія и основаніе гор. Уфы.

Южная окраина нынѣшней Пермской губерніи нѣкогда составляла сѣверную часть Башкиріи, обширной страны, занимавшей почти весь южный Уралъ и оба его склона отъ нижней Камы и средней Волги до верховьевъ Яика и Тобола. Средоточіемъ башкиръ всегда служила нынѣшняя Уфимская губернія, сѣверной окраиной — нынѣшніе уѣзды красноуфимскій и осинскій Пермской губерніи и восточной — шадринскій, той-же губерніи, верхнеуральскій, троицкій и челябинскій Оренбургской губ. На этомъ основаніи историкамъ какъ Пермскаго, такъ и Оренбургскаго края нельзя обходить болѣе или менѣе близкимъ знакомствомъ исторію Башкиріи, какъ страны, представляющей много своеобразныхъ особенностей въ ея прошломъ.

Вопросъ о происхожденіи башкиръ создалъ уже обширную историческую литературу. Изъ всей массы высказанныхъ доселѣ учеными мнѣній, преобладающимъ является то, по которому *башкиры признаются народомъ тюркскаго племени*,

*) См. ту же нашу статью въ «Тобольс. Губерн. Вѣдом.» 1895 г.

въ теченіе многихъ вѣковъ подвергшимся, однако, разнымъ стороннимъ вліяніямъ, въ особенности со стороны угорскаго племени въ лицѣ венгровъ или мадьяръ, нѣкогда вышедшихъ съ Урала и въ IX вѣкѣ основавшихъ свое государство на равнинахъ Панноніи. На Уралѣ съ древнѣйшихъ временъ жило много угровъ, каковы вогулы, остяки, югричи; поэтому и присутствіе тамъ мадьяръ весьма естественно. Но какъ доказать ихъ вліяніе на башкиръ, если языкъ башкиръ нынѣ стоитъ гораздо ближе къ татарскому, нежели къ одному изъ угорскихъ? Ученые ссылаются въ данномъ случаѣ на свидѣтельства арабскихъ писателей X вѣка Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фодлана, Эль-Балха и другихъ и на ученыхъ путешественниковъ XIII вѣка Плано Карпини, Рубруквиса и другихъ, которые находили башкирскій языкъ тождественнымъ съ мадьярскимъ и называли даже обитаемую башкирами страну „Великою Венгріею“ *). Это вліяніе мадьяръ на башкиръ могло продолжаться до ухода ихъ съ Урала въ IX вѣкѣ.

По уходѣ мадьяръ, башкиры подвергаются вліянію болгаръ, своихъ западныхъ сосѣдей, вѣроятно, тюркскаго же племени. Они даже подчинялись болгарамъ политически до начала XIII вѣка. Въ чемъ состояла эта зависимость—ученые не находятъ возможнымъ опредѣлить, но предполагаютъ, что она выражалась въ незначительной дани башкиръ въ пользу болгаръ. Болгарское вліяніе на башкиръ отразилось въ ихъ религіи: со времени подчиненія Болгаріи, принявшей въ X вѣкѣ магометанство, башкиры-язычники также стали принимать эту вѣру **). Отъ болгарской эпохи въ нынѣшней Уфимской Башкиріи сохранились древнѣйшіе вещественные памятники. Наиболѣе древній изъ нихъ—„Бѣлая могила“, полуразрушившееся четыреугольное зданіе изъ дикаго камня до $2\frac{1}{2}$ саженъ въ длину и ширину, съ 3 окнами, входомъ съ

*) *Хвольсонъ*: «Извѣстія Ибнъ-Даста о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ» и т. д. стр. 25 и 102.

**) *Савельевъ*: «Мухаммеданская нумизматика», стр. CLXIV.

юга; внутри зданія лежитъ камень шириною и толщиною въ 3¼ арш. съ арабскою надписью, которая гласитъ, что здѣсь покоится Хусейнъ-бекъ, скончавшійся въ 1066 г. и, по преданію, бывшій миссіонеромъ въ Башкиріи и выходцемъ изъ Туркестана. Этотъ памятникъ находится близъ деревни Чишмы уфимскаго уѣзда при озерѣ Акзіаратъ, недалеко отъ рѣки Демы. Другимъ памятникомъ болгарской эпохи считаютъ городище Абызово въ 13 верстахъ восточнѣе Благовѣщенскаго завода. Городище окружено валами и рвами до 300 саж. въ окружности, на поверхности сохранились черепки сломанной посуды и зола. Преданія называютъ это мѣсто древнимъ магометанскимъ мольбищемъ. Третій памятникъ въ мензелинскомъ уѣздѣ по р. Заю, въ 20 верст. отъ Камы, близъ дер. Кизылъ-Кипчакъ. Это надгробный камень съ надписью 1226 г. надъ прахомъ Хасанъ-Билюка *).

Наступаетъ страшный XIII вѣкъ—время татарскихъ погромовъ. Падаетъ и Болгарское царство подъ ударами монголо-татарскихъ завоевателей. Съ образованіемъ Золотой Кипчакской Орды, Башкирія должна была признать зависимость отъ ея хановъ. Наступилъ новый періодъ въ ея исторіи. Начавшіяся затѣмъ внутреннія смуты въ Ордѣ изъ-за ханскаго престола повели къ раздѣленію ея на отдѣльныя царства Казанское, Астраханское и орды Нагайскую и Сибирскія. Башкирія очутилась въ точкѣ ихъ соприкосновенія и невольно сдѣлалась яблокомъ раздора. Она больше склонилась на сторону сильныхъ казанскихъ хановъ, уплачивая имъ ежегодный ясакъ, который доставлялся въ Казань зимою на лыжахъ, и получая оттуда соль. Но эта зависимость отъ казанскихъ хановъ не мѣшала другимъ татарскимъ владѣтелямъ, напр. князьямъ Нагайскимъ, являться въ горную Башкирію и иногда хозяйничать тамъ, какъ у себя дома. Бывали здѣсь и сибирскіе князья съ береговъ Тобола. Замѣтимъ, что

*) *В. Звѣринскій*: «Списки населен. мѣстъ Уфимской губерніи» СПБ. 1877 г., см. введеніе, стр. LXX и слѣд.

башкиры сами себя производятъ отъ нагайскихъ татаръ, почему жившіе на горахъ башкиры имъ платили дань и признавали подданство ихъ князьямъ, какъ башкиры зауральскіе подчинялись князьямъ сибирскимъ *).

При такихъ условіяхъ тяжело было положеніе Башкиріи въ этотъ татарскій періодъ ея исторіи. Самымъ сильнымъ изъ сосѣдей былъ, конечно, казанскій ханъ; въ помощь себѣ онъ назначилъ для управленія башкирами особаго князя—татарина; въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1505 г. упоминается однажды *князь уфимскій*, котораго казанскій ханъ Мегметъ-Аминъ посылалъ въ Москву для нѣкоторыхъ переговоровъ съ Іоанномъ III **). Съ другой стороны въ ближайшемъ родствѣ башкиры считали себя съ князьями ногайскими и невольно подчинялись имъ. Эта орда, какъ извѣстно, отдѣлилась отъ главной или Золотой Орды, кочевала около Каспія, а въ XVI вѣкѣ сама раздѣлилась на 3 меньшія орды, изъ коихъ одна жила въ Сибири, почему сибирскіе татары въ источникахъ часто называются также ногайскими; другая ногайская орда расположилась по рѣкѣ Яику съ столицею Сарайчикомъ и третья была между этой рѣкой съ одной стороны, Камою и Волгою съ другой и слѣдовательно близко прилегала къ Башкиріи ***). Такъ описываетъ расположеніе ногайскихъ ордъ извѣстный Герберштейнъ. Когда Казани стала грозить опасность со стороны русскихъ, и ея власть въ Башкиріи ослабѣла, *ногайскіе князья завладѣли Башкиріей*, откуда удалились за Волгу, Уралъ и на Кубань только въ концѣ XVI вѣка, послѣ паденія Казани ****).

---

*) *Петръ Рычковъ*: «Топографія Оренбургская» часть 1-я, СПБ. 1762 года стр. 84.

**) *Карамзинъ*: «Истор. Госуд. Россійск.» т. VI, стр. 208.

***) *Н. А. Фирсовъ*: «Положеніе инородцевъ сѣв.—вост. Россіи въ Московск. государствѣ». Казань. 1866 г. стр. 19—20.

****) *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 года», вып. I, стр. 126—127.

Въ Башкиріи сохранилось нѣсколько вещественныхъ памятниковъ, которые преданія относятъ ко времени господства въ ней ногайскихъ татаръ. Это, во-первыхъ, остатки дворца Тура-хана близъ дер. Нижнихъ Термовъ уфимскаго уѣзда; по преданіямъ, Тура-ханъ былъ владѣтель кочевыхъ ногаевъ въ XV и XVI вѣкахъ. Дворецъ есть каменное зданіе въ 3 сажени длины и ширины, въ основаніи восьмиугольное, сверху конусообразное, съ юга и запада имѣетъ по большому окну, потолокъ сдѣланъ сводомъ. Вблизи могильный камень съ куфическою надписью, положенный надъ прахомъ Сахибъ-Зямалъ — жены хана. Къ той же нагайской порѣ пріурочиваютъ два городища подъ названіемъ „Чертовыхъ“: одно $2^1/_2$ версты къ востоку отъ г. Уфы на мысу рѣки въ 90 саженъ высоты; другое — въ 3-хъ верстахъ отъ Бирска на мысу р. Бѣлой. По преданіямъ на обоихъ городищахъ когда-то жили ногайскіе ханы *).

Въ 1552 г. Казань покорена Іоанномъ Грознымъ, а вскорѣ подчинилась ему и Астрахань, Башкирія же на нѣсколько лѣтъ осталась неприкосновенною. Въ покоренныхъ татарскихъ царствахъ волненія улеглись не сразу; неоднократно приходилось еще русскимъ предпринимать туда походы для усмиренія непокорныхъ. Въ 1468 году русскіе впервые ходили воевать въ числѣ казанскихъ мѣстъ и „Бѣлую Воложку,“ т. е. подвластную Казани страну по р. Бѣлой, **) но этотъ походъ не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что познакомилъ москвитянъ съ дотолѣ незнакомыми имъ мѣстами. Послѣ того долго, въ теченіи 80 лѣтъ, русскіе не тревожили этой страны, которая считалась въ зависимости отъ разныхъ татарскихъ владѣтелей. Надо было сначала справиться съ ними и тогда уже думать о подчиненіи Башкиріи Москвѣ. Съ паденіемъ Казани и Астрахани, пора

*) *Звѣринскій:* «Списки насел. мѣстъ Уфимск. губ.» LXXI.
**) «Полн. собр. русс. лѣтоп.» VI, 188 и VIII, 153.

было вспомнить о Башкиріи, остававшейся теперь независимою и, слѣдовательно, небезопасною для самихъ побѣдителей казанскихъ хановъ. И вотъ когда послѣ паденія Казани начались отдѣльныя вспышки среди инородцевъ Поволжья, не желавшихъ сразу помириться съ своимъ новымъ положеніемъ подъ русской властью, и когда русскимъ войскамъ опять приходилось усмирять недовольныхъ, то въ 1553 г. нѣкоторые отряды русскихъ углубились въ Башкирію, гдѣ разорили нѣсколько татарскихъ селеній, а *въ 1557 г. заставили башкиръ безъ борьбы признать русскую власть и заплатить ясакъ Москвѣ* *). Такъ легко совершилось фактическое подчиненіе Башкиріи Москвѣ въ 1557 году. Послѣ того башкиры уже ежегодно платили ясакъ государю, который въ духовномъ завѣщаніи своему сыну Іоанну отъ 1572 года **). оставилъ ему, между прочимъ, „Царство Казанское съ арскою стороною, и съ побережною, и съ луговою, и съ чувашею, и съ черемисою, *и съ тарханы, и съ башкирдою,* и съ вотяки“.

Приведемъ подлинныя слова Карамзина о подчиненіи Іоанну волжскихъ и камскихъ инородцевъ и въ числѣ ихъ башкиръ. „Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли... Вотяки, черемисы, самые отдаленные башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною 1557 года Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ стряпчаго Семена Ярцова съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновали, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ, какъ вѣрные подданные бѣлаго царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты“ ***). Въ самое послѣднее время о подчиненіи башкиръ русскимъ писалъ Витевскій, авторъ монографіи о Неплюевѣ. „Такимъ образомъ съ конца XVI вѣка, говоритъ

---

*) *Карамзинъ*: «Ист. Гос. Росс.» т. VIII, стр. 218—219 и все примѣчаніе 396.
**) См. его тамъ же, томъ X, въ прибавленіи стр. 159.
***) *Карамзинъ*: VIII, 218—219; *Соловьевъ* VI, стр. 121—122.

онъ, Московское государство стремится постепенно колонизировать Башкирію и укрѣпить ее въ видахъ защиты отъ набѣговъ сосѣднихъ ордъ... Беззащитность башкирскихъ земель... была причиною того, что башкиры сами обратились къ русскому правительству съ просьбою о построеніи внутри ихъ страны русскаго города.. Башкиры сами и добровольно принимаютъ русское подданство, обязавшись ежегодно вносить въ казну небольшой ясакъ, состоящій изъ батмана меда въ 90 коп. и лисицы въ 80 коп., или куницы въ 40 коп. съ каждаго двора.“ *) Просьба башкирцевъ о построеніи русскаго города на ихъ землѣ была послана въ Москву въ 1573 г., и на другой же годъ бояринъ Иванъ Нагой положилъ первое основаніе городу Уфѣ. Но неудобства мѣстности побудили правительство черезъ 12 лѣтъ перенести городъ на другое (нынѣшнее) мѣсто, гдѣ онъ заложенъ былъ вновь въ 1586 г. вмѣстѣ съ Самарою на Волгѣ **).

Одновременная постройка двухъ русскихъ городовъ на Волгѣ и р. Бѣлой вызвала протестъ со стороны тогдашняго нагайскаго князя Уруса, который сообразилъ, что новые города будутъ препятствовать Ногаямъ по-прежнему безнаказанно совершать набѣги на родственную имъ Башкирію. Онъ немедля отправилъ своихъ посланныхъ какъ въ Москву, такъ и въ Астрахань, къ жившему тамъ союзнику Москвы— крымскому царевичу Муратъ-Гирею, разузнать подлинно, для чего государь Московскій велѣлъ строить новые города.

Въ Астрахани объясненія посланнымъ о построеніи города на Самарской лукѣ давалъ вѣрный Москвѣ царевичъ Муратъ-Гирей, а въ Москвѣ посланнымъ кн. Уруса объяснилъ начальникъ посольскаго приказа о цѣли построенія города Уфы слѣдующее: „А на Уфѣ, на Бѣлой Воложкѣ, государь

*) *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ и Оренбург. край,» вып. I, стр. 127. Также «Ежемѣсячныя сочиненія» 1759 г. № 1, стр. 17.

**) Подробности основанія Уфы см. въ «Топографіи Оренбургской» *Рычкова*, часть II, глава 11-я.

велѣлъ городъ поставити (для того), что бѣглой изъ Сибири Кучумъ-царь, пришедъ въ государеву отчину въ казанскій уѣздъ, въ башкирцы, учелъ (бы) кочевати и ясакъ съ государевыхъ людей съ башкирцевъ почалъ-бы имати; и нынѣ государь на Уфѣ велѣлъ городъ поставити... для обереганія казанскаго уѣзда башкирцевъ и для того, что государевы люди городы многіе поставили въ Сибирской землѣ. Изъ того города на Бѣлой Воложкѣ казанскимъ людямъ многимъ ходить въ Сибирь, а тотъ городъ сталъ на дорогѣ, да и потому, чтобъ казаки бѣглые съ Волги на Бѣлую Воложку не ходили и нагайскимъ улусамъ убытковъ не чинили". *) Здѣсь любопытна ссылка на царя Кучума, который все еще казался небезопасенъ для русскихъ подданныхъ. Мы знаемъ изъ „Пермской Старины" (вып. VI, стр. 53—54), что передъ смертью Кучумъ дѣйствительно убѣжалъ къ Ногаямъ, но ошибся въ ихъ преданности ему и нашелъ себѣ смерть въ ихъ странѣ отъ руки убійцы. Сибирскій царевичъ Аблай и мурза Тевкей также были недовольны построеніемъ г. Уфы, что выразили внезапнымъ набѣгомъ на Башкирію. Однако попытка ихъ разорить городъ Уфу не имѣла успѣха: въ 15 верстахъ отъ города они были разбиты, взяты въ плѣнъ и отправлены въ Москву. (Витевскій I, 127, III, 373). Противъ русскихъ сами башкиры принимаютъ участіе вмѣстѣ съ черемисами и остяками въ бунтѣ на Волгѣ и Камѣ въ 1572 г., а въ 1581 г. дѣйствуютъ подъ Чердынью въ союзѣ съ пелымскимъ княземъ Кихекомъ (см. „Пермск. Старину" I, 184—185 и V, 120—121 и 145—148); слѣдовательно, и въ средѣ башкиръ была враждебная русской власти партія.

---

*) *Перетятковичъ*: Поволжье въ XV и XVI в. Москва 1877 г. стр. 313—314 (тутъ см. объясненія Муратъ-Гирея). Приведенныя слова см. въ статьѣ *Пекарскаго*: «Когда и для чего основаны Уфа и Самара» (въ «Сборникѣ отд. русс. яз. и словес. Академіи Наукъ». 1873 г., т. X). Также см. монографію *Витевскаго* вып. II, 287 и вып. III, 372; еще у *Новикова* въ «Матеріалахъ для исторіи уфимскаго дворянства» Уфа. 1879 г. стр. 11.

Такъ совершилось подчиненіе Башкиріи русской власти и основаніе въ ней главнаго русскаго города, долженствовавшаго служить оплотомъ для этой власти тогда въ полудикомъ еще, хотя и богатомъ по природѣ, краѣ. Вновь присоединенный обширный бакширскій край, подъ назнаніемъ *Уфимскаго уѣзда,* былъ причисленъ къ вѣдомству казанскаго дворцоваго приказа. Съ 1586 г. онъ управлялся особыми воеводами, жившими въ Уфѣ, а въ церковномъ отношеніи весь уѣздъ вошелъ въ составъ казанской епархіи. По своей величинѣ старый уфимскій уѣздъ былъ весьма обширенъ; онъ занималъ всю нынѣшнюю Уфимскую губернію, осинскій и часть красноуфимскаго уѣзда Пермской губ., части верхне-уральскаго, троицкаго и челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губ. Русское управленіе краемъ было устроено обычно, какъ во всѣхъ русскихъ воеводствахъ: въ Уфѣ были приказная палата, воеводская канцелярія, съѣзжая изба и т. д. При первомъ учрежденіи губерній въ 1708 г. уфимскій уѣздъ переименованъ въ „провинцію“ казанской губерніи и канцелярія воеводы—въ „провинціальную“, хотя краемъ продолжали управлять воеводы. Но вслѣдствіе частыхъ волненій среди башкиръ въ XVIII в. уфимская провинція, указомъ Петра II отъ 27 іюня 1728 г., изъ вѣдѣнія казанскихъ губернаторовъ передана въ непосредственное вѣдѣніе сената, исключая мензелинскаго, что было особенностью управленія*). Въ 1740—44 г.г. провинціей управлялъ особый вице-губернаторъ П. Д. Аксаковъ, по назначенію сената, а послѣ него опять былъ назначенъ провинціальный воевода полковникъ Люткинъ.

Съ основаніемъ главнаго города Уфы въ 1586 г., сюда потянулись разные служилые люди: боярскія дѣти, подъячіе, стрѣльцы, пушкари и т. д Всѣмъ имъ за государеву службу полагалось кормленіе, начиная съ воеводъ и дьяковъ. Якобы

* Списокъ уфимскихъ воеводъ приведенъ въ книгѣ *Новикова*: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи уфимскаго дворянства» (Уфа. 1879 г.). Воеводы показаны съ 1615 до 1782 г.

„порожнія земли“ около Уфы скоро были розданы разнымъ служилымъ людяхъ на пространствѣ верстъ въ 30—40 по радіусу отъ города. Изъ этихъ-то новыхъ владѣльцевъ земли образовался классъ уфимскихъ дворянъ—землевладѣльцевъ. *Прежніе землевладѣльцы изъ туземцевъ—башкиръ, исконные дотолѣ собственники тѣхъ мѣстъ, мало по малу оттѣснялись подальше отъ центра, на новыя земли*, что конечно постепенно создавало между ними недовольство. *Въ свою очередь они потѣснили прежнихъ владѣльцевъ съ данныхъ имъ новыхъ мѣстъ, и началась большая поземельная неурядица.* Башкирскія земли въ качествѣ „порожнихъ“ русское правительство считало своею собственностью, равно и земли всѣхъ другихъ инородцевъ, принявшихъ русское подданство. Если бы земли дѣйствительно были *порожнія*, то инородцы не проиграли бы много отъ такой ихъ раздачи служилымъ людямъ, потому что взамѣнъ получили бы другія земли; но какъ показываютъ тяжебныя дѣла, сохранившіяся въ мѣстныхъ архивахъ, нерѣдко раздавались служилымъ людямъ, подъ видомъ порожнихъ, и земли занятыя хозяйствомъ, что являлось уже прямымъ насиліемъ. Весьма естественно, что число недовольныхъ башкиръ все увеличивалось, а по мѣрѣ того увеличивался и служилый элементъ въ Уфѣ для ея обороны. А что было въ Уфѣ, то повторялось затѣмъ и при основаніи другихъ русскихъ городовъ *).

Древнѣйшими изъ нихъ были Мензелинскъ, Бирскъ и Табынскъ. Первый въ 1645 г. назывался еще острогомъ, потомъ пригородомъ и уже около 1674 г.—городомъ. Здѣсь съ XVII в. были даже отдѣльные воеводы. Подобно Уфѣ, Мензелинскъ сталъ для своего уѣзда центромъ, около котораго сосредоточились поселенія служилыхъ людей, словно до появленія русскихъ здѣсь были только одни пустыри, только мѣста порожнія. Здѣсь поселились многіе смоленскіе шляхтичи,

*) *Витевскій*: вып. III, стр. 374—376; *Зѣринскій* во введеніи къ «Спискамъ» стр. LXXVII.

принявшіе русское подданство по взятіи Смоленска въ 1665 г. Бирскъ возникъ изъ дворцоваго села Архангельскаго. Въ 1663 г. это село было разорено и выжено уфимскими башкирцами, послѣ чего поселеніе возобновлено въ качествѣ города и названо Бирскомъ. Въ томъ же 1663 г. въ уфимскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Усолкѣ, текущей въ р. Бѣлую, въ Табынскомъ городкѣ велѣно было „для воинскаго береженья“ устроить острогъ и помѣстить въ немъ стрѣльцовъ. Этотъ городокъ существовалъ тамъ издавна, привлекая поселенцевъ соляными ключами, находившимися верстахъ въ 8 и 10 отсюда на р. Усолкѣ. Подобно Бирску, Табынскъ не разъ былъ разоряемъ башкирцами и потомъ снова укрѣпляемъ.

Другой причиной недовольства башкиръ противъ русскихъ колонистовъ было неодинаковое обложеніе ихъ ясакомъ. Хотя Московское правительство держалось правила „брать ясакъ, смотря по людямъ и по промысламъ, сколько мочно“, но корыстные сборщики ясака, какъ вездѣ среди инородцевъ, понимали это правило посвоему „брать какъ можно болѣе“. *Подоходный налогъ такимъ образомъ превращался въ явное вымогательство. Тою же самою причиною въ началѣ XVII в. былъ вызванъ цѣлый рядъ возстаній среди инородцевъ верхотурскаго уѣзда*, о чемъ мы подробно въ свое время говорили въ другомъ мѣстѣ*).

Съ паденіемъ Казани и прекращеніемъ нагайскаго владычества въ Башкиріи, не одни русскіе колонисты устремились на берега р. Бѣлой и Уфы. Они были только преобладающимъ элементомъ въ этомъ потокѣ. Много инородцевъ пошло въ Башкирію изъ разореннаго казанскаго царства искать счастья и приволья. Татары, чуваши, мещеряки, тептери, даже вотяки потянулись въ новый „Уфимскій уѣздъ“, гдѣ они скоро попадали однако въ кабалу къ башкирамъ, бравшимъ съ нихъ ясакъ, или превращавшимъ ихъ въ своихъ

*) «Пермская Старина» вып. VII, глава 1-я. *Н. Ѳирсовъ*: «Положеніе инородцевъ въ Московск. государствѣ», стр. 162—163.

батраковъ и державшимъ въ строгомъ послушаніи. *Если башкиръ стѣсняли русскіе, то и башкиры притѣсняли свою же братію—инородцевъ.* Мало по малу въ населеніи Башкиріи образовалось нѣсколько классовъ или особыхъ разрядовъ, каковы „тептяри", „бобыли" и „тарханы". Подъ *тептярями* сами башкиры разумѣли не особую народность, а сходцевъ изъ разныхъ мѣстъ, владѣвшихъ землею и сперва платившихъ ясакъ башкирамъ. Были черемисы—тептяри, башкиры—тептяри, вотяки—тептяри; иногда ихъ называли и такъ: тептяри изъ черемисъ, тептяри изъ башкиръ и т. д. Въ XVIII в. они дѣлились уже на вотчинниковъ и припущенниковъ и составляли военное служилое сословіе изъ инородцевъ*) *Бобыли* были пришлые безземельные и бездомные инородцы, также состоявшіе когда-то въ кабалѣ у башкиръ. Въ 1734 г. тептярямъ и бобылямъ велѣно было составить перепись. Согласно этого указа, бывшій тогда правитель края Кирилловъ переписалъ тѣхъ и другихъ инородцевъ въ 1735 г. въ двѣ особыя книги „тептярскую" и „бобыльскую". При немъ же былъ составленъ списокъ башкирскихъ родовъ по дорогамъ и волостямъ, съ раздѣленіемъ башкиръ на ясачныхъ и такъ назыв. „тархановъ". *Тарханы* занимали среднее мѣсто между ясачными людьми и служилыми башкирами. Съ одной стороны они писались въ разрядныхъ книгахъ служилыми инородцами и обязаны были нести военную службу, но безъ корма; а съ другой они стояли выше ясачныхъ людей, какъ не обязанные платить за землю ясакъ и вольные въ выборѣ земли для пашни и сѣнокоса и въ рыбныхъ ловляхъ. Гдѣ бы тарханъ ни избралъ себѣ ловлю, пашню или лугъ, ясачный человѣкъ спорить съ нимъ не могъ; только бортныхъ угодій и бобровыхъ гоновъ ясачнаго онъ не имѣлъ

*) См. спеціальную замѣтку *Е. С. Филимонова* (и примѣчаніе къ ней): «Что такое тептяри»? въ «Трудахъ Пермской ученой архивной комиссіи» вып. II, Пермь, 1893 г. стр. 52—56. Нынѣ тептяри являются потомками прежнихъ казаковъ—инородцевъ и мирными земледѣльцами.

права касаться. Названіе тарханы получили отъ охранныхъ „тарханныхъ“ грамотъ, которыя давались имъ за какія-либо особыя заслуги предъ правительствомъ*).

Теперь покажемъ административное дѣленіе самихъ башкиръ подъ русской властью. До подчиненія этой власти, какъ мы уже знаемъ, башкиры дѣлились на нѣсколько группъ, изъ коихъ одна, а именно башкиры бѣльскіе и уфимскіе, признавала свою подчиненность казанскимъ ханамъ, другая (горные башкиры)—князьямъ ногайскимъ и третья (зауральскіе башкиры)—князьямъ сибирскимъ. Съ подчиненіемъ русской власти, это старое дѣленіе въ общихъ чертахъ было удержано съ присоединеніемъ четвертой группы (осинскихъ башкиръ). Группы назывались „дорогами“. Такимъ образомъ башкиры, жившіе по направленію къ Казани, составили *Казанскую дорогу*, по направленію на сѣверъ, къ вновь основанной тогда Осѣ на р. Камѣ, составили *Осинскую дорогу* (нынѣ въ предѣлахъ Пермской губерніи), жившіе по сосѣдству съ киргизскими степями—*Нагайскую дорогу* и ближе къ Сибири, за Ураломъ—*Сибирскую* (нынѣ въ Пермск. губ.). Подобное дѣленіе башкиръ по дорогамъ взято было изъ казанскаго уѣзда, гдѣ также въ XVI—XVII в. было 5 дорогъ: нагайская, зюрейская, арская, алацкая и галицкая**). Въ другихъ мѣстахъ такого дѣленія инородцевъ мы не встрѣчаемъ.

Каждая изъ четырехъ „дорогъ“ въ Башкиріи заключала въ себѣ нѣсколько башкирскихъ волостей, въ составъ которыхъ входило извѣстное число большихъ туземныхъ родовъ; эти волости и роды, въ свою очередь, распадались на меньшія части, вродѣ нашихъ сельскихъ обществъ, называвшіяся тюбами и аймаками. Какъ было и въ Сибири, нѣкоторые изъ башкиръ состояли на государевой службѣ, были въ разрядѣ служилыхъ людей, и положеніе ихъ было лучше ясачныхъ

*) *Витевскій* вып. III, 386 и 391.

**) «Описаніе документовъ и бумагъ Московскаго архива министерства юстиціи». Спб. 1869 г. т. I, стр. 82, № 825.

людей. Извѣстный Рычковъ даетъ свѣдѣнія отъ половины XVIII в. о всѣхъ башкирскихъ волостяхъ, съ показаніемъ дворовъ въ нихъ, и о многихъ аймакахъ, а именно: по нагайской дорогѣ 10 волостей, 4594 двора и 59 аймаковъ; по казанской 12 вол., 2443 дв. и 20 аймаковъ; по сибирской 7 вол., 923 дв. и 54 аймака и по осинской 5 вол., 928 двор. и 2 аймака; по всѣмъ 4 дорогамъ было 34 башкирскихъ волости, 8888 дворовъ и 135 аймаковъ*).

Еще съ начала XVII в. въ уфимскомъ уѣздѣ было произведено нѣсколько башкирскихъ переписей, но онѣ были несовершенны и давали развѣ приблизительныя данныя (обыкновенно цифры были меньше дѣйствительныхъ). Такъ, въ 1629 г. ясачныхъ башкиръ насчитали всего 888 дворовъ; въ 1630—33 годахъ — столько же, въ 1635—36 г.г. — 2217 дворовъ; чрезъ 100 лѣтъ по переписи кн. В. А. Урусова 1739 г. на всѣхъ четырехъ дорогахъ ясачныхъ оказалось уже 7192 двора съ 19266 душами и въ 1745 г. по переписи И. И. Неплюева было 8395 дв. и сверхъ того тархановъ 1431 дворъ. Эта цифра уже близка къ той, какую показалъ Рычковъ **).

Обязательные платежи ясака и натуральныя повинности, лежавшія на башкирахъ, собственно не были отяготительны, но они все таки уклонялись отъ нихъ. Изстари установленный ясакъ, переведенный на деньги, еще постепенно понижался, такъ что со всѣмъ ихъ по 1754 годъ шло въ казну въ годъ только по 2054 рубля 78 коп., т. е. не болѣе 25 к. со двора. При этомъ башкиры безденежно получали отъ казны соль сначала пермянку, а потомъ илецкую. Наконецъ съ 1754 года и этотъ ясакъ съ нихъ снятъ, вмѣсто чего, по ихъ же прошенію, велѣно было имъ покупать казенную соль по указной цѣнѣ и служить по Оренбургу, куда ихъ

*) *Петръ Рычковъ:* Топографія Оренбургская, ч. I, Спб. 1762 г. стр. 93—100.

**) *Өирсовъ* въ указанномъ выше трудѣ на стр. 156; *Витевскій* въ III вып. стран. 393.

каждогодно наряжалось до 1500 человѣкъ на ихъ содержаніи; да внутри Башкиріи они должны были давать безъ прогоновъ по подорожнымъ подводы служилымъ людямъ *). Но ненормальныя поземельныя отношенія въ Башкиріи сдѣлали эту страну очагомъ постоянныхъ возмущеній и неурядицъ. Вотъ та зыбкая почва, на которой, главнымъ образомъ, исторически создался такъ называемый „башкирскій вопросъ", окончательно не разрѣшенный и до сихъ поръ.

Съ основаніемъ Оренбурга между 1734—42 годами и открытіемъ новой Оренбургской губерніи, по Высочайшему повелѣнію отъ 15 марта 1744 г., въ судьбахъ Уфимской провинціи начался новый періодъ. Прежняя связь ея съ Казанской губерніей прервалась, и она по этому указу была подчинена со всѣми башкирскими дѣлами Оренбургской губерніи вмѣстѣ съ *Исетской провинціей* и входившими въ ея составъ всѣми зауральскими башкирцами. Эта провинція за Ураломъ была учреждена, по представленію извѣстнаго В. Н. Татищева, въ 1738 г. изъ земель, дотолѣ входившихъ въ составъ тобольскаго уѣзда. Первымъ общимъ начальникомъ Уфимско-исетскаго и Оренбургскаго края сдѣлался И. И. Неплюевъ, управлявшій краемъ въ 1742—1758 годахъ и наравнѣ съ В. Н. Татищевымъ оставившій по себѣ память замѣчательнаго русскаго государственнаго дѣятеля на восточной окраинѣ Россіи.

Б. Зауральская Башкирія при р. Исети и основаніе Шадринска.

Не только въ XVI вѣкѣ, но и въ первой половинѣ слѣдующаго, во всей долинѣ, орошаемой р. Исетью съ ея притоками, еще не было ни одного значительнаго русскаго

*) *Рычковъ*: «Топографія» ч. I, стр. 92.

поселенія *). Эта плодороднѣйшая тогда долина, простирающаяся верстъ на 300 въ длину, представляла собою еще дѣвственную степь, гдѣ въ рѣдкихъ мѣстахъ попадались только небольшія поселенія башкиръ, мещеряковъ и татаръ. Нынѣ здѣсь расположены уѣзды: южная часть екатеринбургскаго, западная ялуторовскаго, между ними весь шадринскій уѣздъ и, наконецъ, сѣверная часть челябинскаго. Насколько благодатна была здѣшняя почва еще въ концѣ XVIII вѣка, видно изъ свидѣтельства извѣстнаго ученаго путешественника того вѣка Петра Палласа, жившаго здѣсь довольно долго. Онъ пишетъ, что въ его время земледѣльцы въ Исетскомъ краѣ вознаграждались вдесятеро за свои труды, сѣя пшеницу, рожь, ячмень и овесъ. Не смотря на это, и тогда многіе десятки тысячъ десятинъ оставались еще невспаханными. Послѣ этого можно себѣ представить, какую безлюдную необозримую степь представлялъ собою Исетскій край въ началѣ XVII вѣка!

Русская колонизація подвигалась сюда двумя путями: съ сѣвера—отъ Верхотурья, Перми Великой и болѣе далекихъ городовъ и съ востока—изъ тюменскаго и тобольскаго уѣздовъ, заселенныхъ русскими раньше Исети. Конечно, главная народная волна надвигалась съ береговъ Туры и ея правыхъ притоковъ, такъ какъ Сибирь сама не располагала еще избыткомъ населенія. Мы знаемъ уже порядокъ заселенія русскими бассейна Туры. Въ теченіе XVII вѣка постепенно русскіе пришельцы заселили верховья самой Туры, потомъ долины Тагила, Нейвы-Ницы, Режа, Ирбити, прочія части Туры, верховья Чусовой, Утку Верхнюю, Пышму и наконецъ во второй половинѣ XVII в.—верховья Исети, лѣваго притока Тобола. Сообразно географическому положенію, и очередь заселенія Исети наступила позже.

*) Въ VII выпускѣ «Пермской Старины» мы прослѣдили постепенное заселеніе русскими обширнаго Верхотурскаго уѣзда, отмѣтивъ и инородческое его населеніе, причемъ указали внѣшнія границы этого уѣзда и ихъ измѣненія въ XVII и началѣ слѣдующаго вѣка.

Прослѣдимъ исторію Исетскаго края, нынѣ составляющаго, главнымъ образомъ, шадринскій уѣздъ и южную часть екатеринбургскаго, съ тѣхъ поръ, какъ о немъ начинаютъ упоминать письменные источники. Болѣе далекихъ временъ и здѣсь мы не касаемся, предоставляя изслѣдованіе ихъ археологамъ.

Въ XVI в. Исетскій край составлялъ Зауральскую Башкирію, которая признавала надъ собою зависимость отъ сибирскихъ князей Тайбугина рода, жившихъ въ Чинги-Турѣ, иначе Тюмени *). *Эти башкиры, несомнѣнно, отдѣлились отъ пріуральскихъ еще въ XV в.* Можно даже считать Зауральскую Башкирію составной частью сибирскаго княжества татаръ, потому что западная граница Сибири въ XV—XVI вв. шла отъ истоковъ рѣки Уфы, къ притоку Чусовой, р. Верхней Уткѣ, соприкасаясь здѣсь съ юговосточной границей Перми Великой, а отсюда она шла къ истокамъ р. Тагила и по этой рѣкѣ до ея впаденія въ Туру. Къ сѣверу отъ этой границы лежала угорская территорія, а къ югу—тогдашняя Сибирь или „Едигеровъ юртъ“ **). Эта зависимость зауральскихъ башкиръ отъ татаръ Сибири продолжалась до тѣхъ поръ, пока сами татара совершенно не лишились политической самостоятельности, подпавъ подъ власть русскихъ въ концѣ XVI вѣка. Указанная граница Сибири убѣждаетъ насъ, что *въ то время Зауральская Башкирія непосредственно соприкасалась съ Пріуральской*, одна часть которой, въ свою очередь, признавала зависимость отъ ногайскихъ, а другая—отъ казанскихъ хановъ, пока тѣ и другіе сами не покорились русскимъ.

Такимъ образомъ и на Исети, какъ на р.р. Бѣлой и Уфѣ, башкиры играли подчиненную роль сначала въ отношеніи къ татарамъ, а въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ ними—

*) О нихъ мы говорили подробно въ «Перм. Стар.», вып. V, стр. 111—113.
**) Подробности тамъ же, вып. V, стр. 172—174.

къ русскимъ. Судьбы всѣхъ башкиръ были одинаковы; самостоятельной жизнью всѣ они жили недолго. Теперь намъ понятно, почему въ Исетскомъ краѣ до завладѣнія имъ русскими туземное населеніе состояло изъ двухъ народовъ—татаръ и башкиръ, къ которымъ пришла изъ за Урала еще часть мещеряковъ. До заселенія же Исетскаго края тюркскими народами здѣсь скорѣе всего могло быть, какъ и въ Прiуральской Башкиріи, только угорское населеніе, которое въ отдаленнѣйшія времена обитало вообще южнѣе и уже со временемъ постепенно отодвинулось далѣе къ сѣверу подъ напоромъ разныхъ народовъ монгольскаго и тюркскаго племенъ, выходившихъ изъ глубины Азіи.

Какъ было вездѣ, инородческое населеніе въ Исетскомъ краѣ было разбросано по берегамъ рѣкъ и озеръ и главнымъ образомъ по долинѣ Исети. Здѣсь пролегала главная башкирская и вообще инородческая дорога изъ Европы въ Азію еще задолго до появленія русскихъ. Русская дорога въ Сибирь шла на противоположномъ концѣ Пермскаго края, сначала чрезъ Чердынь, потомъ южнѣе—чрезъ Соликамскъ, о чемъ мы говорили неоднократно *). Южную дорогу по долинѣ Исети наше правительство не признавало дозволенной долгое время. Начинаясь въ Казани и Нагаяхъ (на р. Яикѣ), она шла по двумъ направленіямъ до г. Уфы, а отсюда по долинѣ рѣки Уфы въ Зауральскую Башкирію чрезъ башкирскія волости Кара-Табынскую, Катайскую и другія и далѣе на востокъ до Ялуторовска. Довольно полныя свѣдѣнія объ этой дорогѣ заключаются въ напечатанной покойнымъ Н. К. Чупинымъ **) позднѣйшей челобитной царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ отъ жителей сибирскихъ слободъ на башкирцовъ 1695 г. „И межъ озеръ Иртяшъ и Касли, читаемъ здѣсь, черезъ Уралъ-камень *пропзжая большая дорога въ Казань и на Уфу*,

*) «Пермс. Стар.» вып. I, 42; V, 128—129; VI, 19—20.

**) Въ «Перм. Вѣд.» 1868 г. №№ 2—15 и въ «Сборникѣ статей о Пермск. губ.» 1882 г. Пермь, изданіе статист. комитета.

и на Кунгуръ; купеческіе люди изъ русскихъ городовъ съ товары по вся годы ѣздятъ въ сибирскіе городы, а изъ Сибири ѣздятъ съ товары въ русскіе городы. И кромѣ той дороги лѣтомъ и зимою *купецкимъ людямъ съ товары проѣхать утайкою будетъ некуды*: объѣзжія дороги всѣ сошлись къ тѣмъ озерамъ, къ истоку, что течетъ изъ Касли озера въ Иртяшъ озеро. И отъ того будетъ государской казны таможеннымъ пошлинамъ сборъ большой", если челобитчикамъ тутъ позволятъ построить слободу. На востокъ отъ Каслей эта дорога шла по лѣвую сторону р. Караболки (течетъ въ Синару, притокъ Исети), по которой жили только башкиры и мещеряки, возлѣ озеръ Большіе и Малые Аллаки, на озеро Пороховое, на р. Синару, возлѣ озера Маяна къ р. Исети и оттуда на Катайскій острогъ *). Къ западу же отъ Каслинскаго истока эта дорога переваливала чрезъ Уралъ и затѣмъ развѣтвлялась на двое: одна вѣтвь шла на Уфу, другая на Кунгуръ. Въ 1695 г., когда писана была челобитная, на озерѣ Большія Касли и его истокѣ еще жили башкиры, которыхъ и хотѣли оттѣснить русскіе челобитчики. Русскіе торговые люди тогда все еще ѣздили здѣсь украдкой. Въ началѣ же XVII в. здѣсь жили исключительно инородцы. Въ башкирскій періодъ и позже эта дорога называлась Сибирской, также „Старой Казанской", иногда „Уральской" **).

Такимъ образомъ Исеть служила главной жизненной артеріей для всей Зауральской Башкиріи—до и послѣ заселенія ея русскими. Челобитная русскихъ людей 1695 года представляетъ дѣло такъ, будто башкиры неоднократно то приходили изъ за Урала на Исеть, то опять удалялись на р. Уфу и Бѣлую; она старается представить башкиръ не постоянными жителями Зауралья, а временными выходцами съ береговъ Бѣлой и ея притоковъ, гдѣ было будто-бы ихъ

*) *Н. К. Чупинъ*: «Географич. и статистич. словарь Перм. губ.» Пермь. 1873 г., см. статьи «Касли» и «Караболка».

**) Тамъ же см. статью «Б. Касли» и «Катайское село» (конецъ статьи).

постоянное мѣсто жительства. Поэтому челобитчики представляли царямъ земли въ долинѣ Исети свободными, „порожними“ и на этомъ основаніи просили ихъ у правительства для своего поселенія. Словомъ, они поступали такъ же, какъ первые русскіе насельники изъ служилыхъ людей поступали въ Пріуральской Башкиріи. Такъ какъ такимъ челобитнымъ въ Москвѣ давали вѣру, то нерѣдко русскіе люди силою сгоняли башкиръ съ ихъ старинныхъ вотчинъ, чѣмъ, конечно, сильно возстановляли ихъ противъ русской власти. Отсюда происходили нескончаемые поземельные споры, доходившіе до поголовныхъ бунтовъ башкиръ противъ русскихъ людей*).

Въ дѣйствительности башкиры были стародавними насельниками Исетскаго края и прилегающаго къ нему съ юго-запада озернаго бассейна въ южной части нынѣшняго екатеринбургскаго уѣзда. Нужно взять въ соображеніе множество тюркскихъ географическихъ названій озеръ, рѣкъ, даже поселеній, до сихъ поръ удержавшихся здѣсь, чтобы убѣдиться, что башкиры, мещеряки и татары въ этихъ мѣстахъ жили долгое время, оставивъ донынѣ своихъ потомковъ близъ тѣхъ же мѣстъ. Если бы они были здѣсь позднѣйшими случайными поселенцами, то такихъ прочныхъ слѣдовъ они не оставили бы по себѣ. Поэтому мы имѣемъ основанія не довѣрять многимъ словамъ челобитной 1695 г. Напримѣръ, едва-ли правильно слободскіе жители писали царямъ: „съ сибирской стороны Камени (Урала) они, башкирцы, бѣжали въ уфимской уѣздъ на прежнія свои жилища. И послѣ того не въ давныхъ лѣтѣхъ (?) переѣхавъ они, башкирцы, изъ уфимскаго уѣзда на сибирскую сторону Камени, самовольно (?) на нашихъ государскихъ сибирскихъ земляхъ и угодьяхъ подлѣ озера Чебаркуль, и Кизилташъ, и Аргазю, и Увельды, и Зынкуль, и подлѣ Иртяшъ, и Касли, и Чебакуль,

*) То же самое было и въ нашемъ Осинскомъ уѣздѣ. См. статью священника *Н. Блинова*: «Историческій очеркъ заселенія Осинскаго уѣзда» въ «Сборникѣ Перм. земства» 1898 г. № 3—4 (май—августъ), стр. 12—16.

и Аллакъ, и Маянъ и иныя озера, и подлѣ рѣки Міясъ, Течу и Караболку, и Синару, и иныя рѣчки почали жить и многими землями съ угодьи рыбными и звѣриными промыслы владѣютъ". Въ виду сосѣдства обѣихъ Башкирій, сношенія ихъ, конечно, были неизбѣжны, но башкиры при этихъ озерахъ и рѣкахъ жили давно, что доказывается самыми названіями ихъ, и потому едва-ли самовольно владѣли здѣсь землями. Наоборотъ, русскіе вторгались въ чужія земли не по праву, насильственно. Отсюда совершенно понятными становятся дальнѣйшія жалобы русскихъ челобитчиковъ на то, что „башкирцы Ямагуза съ дѣтьми и съ братьями, иные башкирцы Кошгилда и Ягилда съ братьями и съ дѣтьми, да Тоищъ Иткуловъ, Ермугуза Розметевъ, Урукайко Бараулковъ, Уруско съ товарыщи на сибирской сторонѣ подлѣ Уралъ-Камень въ вышеписанныя рѣки и озера ихъ, холопей и сиротъ, для рыбнаго и хмѣлеваго и иныхъ промысловъ безденежно не пускаютъ, емлютъ кортомныя деньги и въ селитбѣ земель и угодей всякое утѣсненіе чинятъ". На мѣстѣ этихъ башкиръ сами русскіе челобитчики непремѣнно поступали бы такъ же. Если подобные захваты русскими башкирскихъ земель возможны были въ самомъ исходѣ XVII в., то не трудно представить себѣ, какъ относились русскіе къ башкирамъ, особенно служилые люди, за столѣтіе раньше. Къ тому же въ Пріуральской Башкиріи уже были многіе примѣры такихъ захватовъ, сходившихъ виновникамъ ихъ безнаказанно.

Когда Исетскій край былъ уже подъ властью русскихъ, то башкиры дѣлились по „дорогамъ", которыя начинались въ Пріуральѣ подъ именемъ Ногайской (возлѣ самыхъ Уральскихъ горъ) и Сибирской (по долинѣ р. Уфы). На первой дорогѣ въ предѣлахъ Зауральской Башкиріи было только 2 башкирскія волости, а на второй 13. Свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ каждой волости относятся уже къ XVIII вѣку и сообщаются П. Рычковымъ. Приводимъ ихъ: *).

*) *Рычковъ*: «Топографія Оренбургская», часть II, стр. 192.

Башкирскія волости въ Зауральѣ. а) *Ногайской дороги*: 1) Кубеляцкая, дворовъ 60, 2) Телевская—80. б) *Сибирской дороги*: 3) Каратабынская 1-я—75, 4) Куваканская—83, 5) Барынъ-Табынская—170, 6) Айлинская—300, 7) Дуайлинская—370, 8) Каратабынская 2-я—177, 9) Бѣлокатайская—217, 10) Большая Катайская—316, 11) Малая Катайская—250, 12) Мякотинская—180, 13) Салаутская—331, 14) Каратабынская 3-я—236, 15) Терсютская—126. Всего дворовъ башкиръ 2971.

Тогда же, въ половинѣ XVIII вѣка, Рычковъ показалъ въ томъ же районѣ служилыхъ инородцевъ: мещеряковъ 166 дв., сартъ 31, калмыковъ аюкинскихъ 32 — итого 229 дворовъ. Ичкинскихъ татаръ 419 человѣкъ и багаряцкихъ 196 человѣкъ, всего 615 душъ; тѣ и другіе татары состояли въ полтинномъ ясакѣ, но во время Рычкова, подобно всѣмъ башкирцамъ, изъ ясака были исключены *). Здѣсь указаны служилые инородцы. Въ началѣ управленія Неплюева (1742—58 г.) была сдѣлана общая перепись инородцевъ въ уфимской и исетской провинціяхъ, которая ясно показала, что въ исетской провинціи инородцевъ было въ $4^1/_2$ раза менѣе, нежели въ уфимской **), именно башкиръ насчитали всего 106106 душъ обоего пола и дворовъ 11863, изъ того числа въ уфимской провинціи было 86384 души, 8892 двора и въ исетской 19722 души и 2971 дворъ. По той же Неплюевской переписи, мещеряковъ оказалось въ обѣихъ провинціяхъ 15517 душъ и 1749 дворовъ; изъ того числа въ уфимской провинціи было 13834 души, 1530 дворовъ и въ исетской 1683 души и 219 дворовъ ***). Такое несо-

*) Указаніе тамъ же.

**) *Витевскій*: «Неплюевъ», вып. III, Казань. 1891 г., стр. 450.

***) *Н. С. Поповъ* въ «Хозяйств. описаніи Перм. губ.», часть II, стр. 194. въ 1804 году указалъ мещеряковъ на тѣхъ же мѣстахъ (въ бывшей исетск. провин.) 1829 челов.; это показаніе повторилъ и *Чупинъ* въ своемъ «Словарѣ», гдѣ см. статью «Мещеряки».

отвѣтствіе между количествомъ инородцевъ въ двухъ сосѣднихъ краяхъ объясняется исторически тѣмъ, что въ Зауралье на р. Исеть башкиры и мещеряки переселились съ западной стороны Урала, гдѣ была ихъ общая, еще болѣе древняя, родина. Приходится сожалѣть, что для болѣе ранняго времени, хотя бы XVII вѣка, нѣтъ никакихъ цифровыхъ данныхъ о числѣ инородцевъ въ Зауральской Башкиріи; да едва-ли онѣ и были тогда, такъ какъ до подчиненія русской власти у башкиръ не было никакихъ переписей населенія.

Теперь мы должны прослѣдить ходъ русской колонизаціи въ Исетскомъ краѣ. Первыми поселенцами изъ русскихъ здѣсь были исетскіе казаки, потомки славной казацкой дружины Ермака *). Они явились сюда съ береговъ Тобола, чтобы занять новыя „землицы“, лежавшія яко бы „впустѣ“, а по пути прибрать къ рукамъ и всѣ угодья, если они плохо охранялись прежними обитателями—инородцами, съ которыми русскіе не стѣснялись и при Ермакѣ. Поселившись сначала при устьѣ р. Исети, казаки стали шагъ за шагомъ подвигаться вверхъ по рѣкѣ и ея большимъ правымъ притокамъ Міясу, Барневу и Течѣ. Скоро колонизаторы убѣдились, что безъ борьбы съ прежними обитателями тѣхъ мѣстъ, хотя и жившими разбросанно, рѣдкими поселками, дѣло не обойдется, и сознавая свою малочисленность, стали приглашать сюда русскихъ добровольцевъ изъ Верхотурскаго уѣзда, Перми Великой и другихъ, болѣе отдаленныхъ, мѣстностей. И желающіе идти на плодородные берега Исети нашлись, конечно, скоро и въ большомъ числѣ. *Исеть стала заселяться русскими съ половины XVII вѣка такъ же, какъ въ началѣ того же вѣка заселились рѣки Тоболъ, Тавда и Тура съ ихъ притоками.* Русская колонизація въ предѣлахъ стараго Верхотурскаго уѣзда по Турѣ и ея притокамъ описана, по-

*) *Витевскій.* вып. III, стр. 451.

дробно въ VII вып. „Перм. Стар.“ *). Здѣсь-же сдѣлаемъ это въ отношеніи Исети, гдѣ расположилась юго-западная часть тобольскаго уѣзда, что нынѣ шадринскій и частью екатеринбургскій, ялуторовскій и челябинскій уѣзды. На верхнемъ теченіи Исети основаніе слободъ и остроговъ нами тамъ-же было указано потому, что нѣкоторые изъ нихъ одно время числились въ верхотурскомъ уѣздѣ и потомъ уже перечислялись въ тобольскій. Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный Катайскій острогъ, основанный русскими въ башкирской волости того же названія.

Порядокъ основанія русскихъ поселеній по Исети и ея притокамъ былъ слѣдующій: *прежде всего возникаетъ Далматовъ Успенскій монастырь*, о которомъ нужно говорить особо. Онъ основанъ монахомъ Далматомъ *въ 1644 году* и былъ колоніей Невьянскаго Богоявленскаго монастыря, изъ котораго вышелъ основатель новой обители. Въ 1650 г., по указу изъ тобольской приказной большой палаты, слободчикъ изъ конныхъ казаковъ Давидъ Андреевъ основалъ *Исетскій острогъ* надъ старицею и озеромъ по лѣвую сторону Исети на острову. Подъ острогъ и деревни ему дана была „изъ порожнихъ мѣстъ великая окружность, изъ коей потомъ и подъ прочіе остроги и слободы удѣлы чинены, и позволено было для умноженія Сибири жителями принимать и селить охотниковъ изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ и уѣздовъ“ **). Нынѣ это казенная слобода ялуторовскаго уѣзда (округа) Тобольской губ. Въ XVIII в. здѣсь было средоточіе управленія Исетскимъ дистриктомъ Исетской провинціи, такъ какъ здѣсь была „управительская исетская канцелярія“. Чрезъ 10 лѣтъ послѣ Исетскаго, въ 1660 г. основанъ *Мехонскій острогъ* (*сначала слобода*) на лѣвомъ берегу Исети, надъ рукавомъ ея Мехониной Курьей, при устьѣ рѣчки Большой Кысылбайки

*) «Пермская Старина», вып. VII, глава III: а) «Основаніе слободъ и остроговъ».
**) *Рычковъ:* «Топографія Оренбург.» часть II, стр. 158.

на 12 верстъ ниже устья Міяса. Во время башкирскихъ бунтовъ въ 1760 годахъ здѣсь бывали особые воеводы. При своемъ основаніи острогъ былъ въ границахъ тобольскаго уѣзда, потомъ въ исетской провинціи и дистриктѣ, а нынѣ это—торговое село въ самой восточной части шадринскаго уѣзда *).

Слѣдующимъ селеніемъ на Исети была *Шадринская слобода, что нынѣ уѣздный городъ*. Время перваго русскаго поселья на этомъ мѣстѣ всѣ мѣстные историки относятъ къ 1662 году, а основателемъ слободы считаютъ выходца изъ внутренней Россіи Юрія Никифорова, прозвищемъ Соловья. „Слободчикъ этотъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, прибылъ сюда изъ Тобольска съ данною ему отъ тамошняго русскаго правительства памятію, или дозволительнымъ видомъ селиться въ Сибири вездѣ, гдѣ только найдетъ для себя мѣсто болѣе удобнымъ и выгоднымъ, и принимать къ себѣ на жительство желающихъ“ **). Видѣлъ-ли авторъ самъ такую „память“—онъ не говоритъ. Но Рычковъ въ своей „Топографіи Оренбургской“, повидимому, ссылается именно на эту память, заявляя, что Шадринская слобода основана Юшкою Соловьемъ „по данной ему изъ Тобольска въ 7170 (т. е. 1661 г.) сентября 30 памяти“ ***). Н. С. Поповъ въ 1804, а потомъ въ 1813 году писалъ, что „хотя неточно извѣстно время основанія Шадринской слободы, однакожъ началась она, вѣроятно, вскорѣ послѣ построенія Долматовскаго монастыря въ 1644 году, когда еще не было ни одного русскаго селенія по р. Исети. Она упоминается подъ симъ именемъ въ одной изъ Тобольска памяти уже въ 1662 году“ ****).

---

*) *Чупинъ*: «Словарь Пермской губ.», статья «Мехонское село».

**) «Записка о гор. Шадринскѣ» іеромонаха *Макарія* въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географич. Общества» 1853 г. кн. V, смѣсь, стр. 1—2.

***) *Рычковъ*: «Топографія Оренб.», часть II, стр. 169. (СПБ. 1762 г.).

****) *Никита Поповъ*: «Хозяйств. описаніе Пермск. губ.». Изданіе 2-е, томъ III, стр. 272. (СПБ. 1813 г.).

Вѣроятно, Поповъ говоритъ здѣсь о той-же памяти, которой пользовался Рычковъ, неправильно относя ее къ 1662 году вмѣсто 1661-го. Въ 1870 г. А. Н. Зыряновъ, лучшій знатокъ шадринскаго уѣзда, напечаталъ и самый текстъ указной памяти отъ 15 сентября 1662 г., данной Юшкѣ Соловью тобольск. воеводою кн. А. А. Голицинымъ *) и скрѣпленной дьякомъ Степ. Елчуковымъ. Но такъ какъ князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ тобольскимъ воеводою, какъ положительно извѣстно, былъ между 1664—1667 годами при дьякѣ Степанѣ Никитинѣ Елчуковѣ, то изданная Зыряновымъ память, очевидно, датирована неправильно и не могла явиться ранѣе 7173, т. е. 1664 года, каковой и долженъ стоять на памяти. Второй издатель ея В. Н. Шишонко этого противорѣчія, по обыкновенію, не замѣтилъ.

Изъ содержанія изданной Зыряновымъ памяти видно, что 11 сентября 1664 г. Соловьевъ подалъ тобольскому воеводѣ кн. Голицыну челобитную о томъ, чтобы „велѣли ему въ тобольскомъ уѣздѣ, въ верхъ по Исетѣ рѣкѣ, надъ Исетью рѣкою, на Шадринѣ заимкѣ, гдѣ острожной лѣсъ воженъ и дворами стоятъ, острогъ поставить и слободу строить по-прежнему и свою государеву печать и наказную память дать изъ Тобольска“. Согласно челобитной, кн. Голицынъ и далъ таковую память Юшкѣ Соловью чрезъ 4 дня—15 сентября того-же 1664 года. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Юрій Соловьевъ имѣлъ изъ Тобольска двѣ памяти—одну общую отъ 30 сентября 1661 г. на поселеніе въ Сибири, гдѣ-бы ему ни вздумалось, и другую частную на построеніе Шадринской слободы отъ 15 сентября 1664 г. Самое-же поселеніе здѣсь возникло еще въ 1662 г., до полученія второй памяти изъ Тобольска. Такъ, по нашему мнѣнію, слѣ-

*) *А. Н. Зыряновъ*: «Указная память на заведеніе Шадринской слободы» въ «Перм. Вѣд.» 1870 г. № 72 и перепечатка въ «Пермск. Лѣтописи» *Шишонко*, томъ III, 795—796.

дуетъ рѣшить запутанный вопросъ о годѣ основанія нынѣшняго уѣзднаго города Шадринска *).

Чрезъ 6 лѣтъ по основаніи Шадринской слободы, а именно въ 1668 г., тотъ-же самый слободчикъ Юрій Соловьевъ положилъ основаніе новой *слободѣ Масленской.* въ 18 верстахъ отъ Шадринской ниже по Исети, на лѣвой ея сторонѣ, при протокѣ изъ нея и устьѣ рѣчки Масленки **). Такъ какъ въ обѣихъ слободахъ были сдѣланы укрѣпленія на случай нападенія инородцевъ, считавшихъ Исеть своею исконною собственностью, то Шадринская и Масленскія слободы иногда назывались и „острогами".

Затѣмъ въ бассейнѣ Исети русскія поселенія возникали въ такомъ порядкѣ (о селеніяхъ внѣ этого бассейна и, слѣдовательно, за предѣлами Тобольскаго уѣзда мы не говоримъ): въ 1666 г. возникла слобода Бешкильская, въ 1668 г.—Терсютская,—въ 1670 г.—Усть-Міясская, въ 1671 г.—Красногорскій острогъ, въ 1674 г.—Красномысская сл. 14 верстъ выше Шадринска, въ 1676 г.—Окуневскій острогъ, Ингалинская слобода и Барневская, въ 1682 г.—Бѣлоярская-Теченская, въ 1685 г.—Крутихинская близь Шадринска и между 1676—86 г.г. Мурзинская, Чумляцкая, Теченская, Пещанская и Тамакульская ***). Изъ упомянутыхъ слободъ Усть-Міясская, Окуневскій острогъ и Чумляцкая слобода находились на рѣкѣ Міясѣ, главномъ притокѣ Исети. Тамъ-же, на Міясѣ, стояло село Воскресенское, принадлежавшее тогда дому сибирскаго митрополита. Окуневская слобода (а послѣ острогъ) иначе называлась Средней Міясской слободой, такъ какъ выше по Міясу была еще съ конца XVII вѣка просто

*) Съ построеніемъ церкви Архангела Михаила, слобода стала называться Архангельской-Шадринской, а съ 1712 года, когда сюда вмѣсто прежнихъ приказчиковъ былъ назначенъ первый комендантъ кн. Василій Мещерскій, слобода стала именоваться Архангельскимъ Шадринск. городкомъ, или Малоархангельскомъ, (см. статью *Макарія.*

**) *Рычковъ:* «Топографія», часть II, стр. 169.

***) Тамъ-же и у *Витевскаго,* томъ III, стр. 452—453.

Міясская или Верхне-Міясская слобода (съ 1736 года крѣпость). Мурзинская слобода стояла на Исети почти противъ Мехонскаго острога, и ее не надо смѣшивать съ другой Мурзинской слободой на Нейвѣ Верхотурскаго уѣзда *). Точно также Бѣлоярскую на р. Течѣ слободу не нужно смѣшивать съ Бѣлоярской на рѣкѣ Пышмѣ тѣмъ болѣе, что онѣ обѣ состояли въ XVII вѣкѣ въ Тобольскомъ уѣздѣ **). Всѣ прочія изъ вышеупомянутыхъ слободъ въ то время также считались въ Тобольскомъ уѣздѣ, а нынѣ состоятъ однѣ въ шадринскомъ, другія въ ялуторовскомъ уѣздахъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ основаніи: самаго *Ялуторовскаго острога* на р. Тоболѣ въ 1639 году, на мѣстѣ бывшаго татарскаго городка Явлу-Тура; далѣе *Челябинскаго острога*, первоначально основаннаго въ 1658 году на мѣстѣ башкирской деревни Челябы (названа была, очевидно, по рѣчкѣ Челябкѣ) и переименованнаго въ 1736 г. въ крѣпость, а въ 1787 г. — въ городъ; наконецъ, мы должны упомянуть о *слободѣ Чебаркульской* при озерѣ того-же имени, въ 64 верстахъ юго-западнѣе Челябинска, основанной въ концѣ XVII вѣка, а въ 1736 г. переименованной также въ крѣпость, одновременно съ Верхне-Міясской слободой и ея близкимъ сосѣдомъ—Челябинскимъ острогомъ ***). Не лишне замѣтить, что Челябинскъ построенъ былъ на землѣ, раньше принадлежавшей башкирамъ баратабынской и каратабынской волостей; въ казну эта земля отписана за бунты башкиръ, по распоряженію Кириллова въ 1736 г.

Такъ совершилась колонизація русскими береговъ Исети, Міяса и другихъ ея притоковъ. Дальнѣйшихъ ея подробно-

---

*) Въ «Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа», *Оплоблина*, Мурзинская слобода упомянута рядомъ съ Исецкой-Мехонской. См. I, 141. Кромѣ того см. нашу «Пермскую Старину» VII, стр. 79.

**) Тамъ-же, вып. VII, стр. 92.

***) «Списки населен. мѣстъ Тобольск. губ.» во введеніи стр. LXXX; «Списки нас. мѣстъ Оренбург. губ.» стр. XLIV (указанъ 1658 г.) *Витевскій* о Неплюевѣ, томъ III, 458 и слѣд. страницы.

стей мы не приводимъ. Въ виду того, что съ половины XVII вѣка до 1738 г. Исетскій край составлялъ юго-западную часть Тобольскаго уѣзда, все управленіе военное, гражданское и духовное и весь складъ народной жизни здѣсь были тѣ же самые, что и въ уѣздѣ Верхотурскомъ, тогда сосѣднемъ съ Тобольскимъ съ южной и частію (при устьѣ рѣки Ницы) съ восточной стороны. Здѣсь мы только въ общихъ чертахъ напомнимъ особенности сибирскаго землевладѣнія *).

Новыя слободы заселялись „охочими людьми“, которыхъ вызывали слободчики изъ разныхъ мѣстъ. Эти „новоприборные“ люди или селились на новыхъ мѣстахъ, или въ основанныхъ раньше деревняхъ, селахъ и слободахъ. На первые годы (обыкновенно на четыре) имъ давалась льгота отъ всякихъ казенныхъ платежей для того, чтобы они могли обзавестись домами и скотомъ. Слободчикъ или слободской приказчикъ со всѣхъ ихъ бралъ „поручныя записи“ въ томъ, что послѣ льготныхъ лѣтъ они не сбѣжатъ и будутъ исправно платить въ казну всякія подати. Никакой кабалы здѣсь не было; всѣ обязательства основывались на договорныхъ свободныхъ отношеніяхъ; конечно, нарушители договоровъ подвергались законной карѣ. Какъ старые, такъ и „новоприборные“ крестьяне за право пользованія землею обязаны были обработывать „государеву десятинную пашню“. Каждый пашенный крестьянинъ за право пользованія своей „собинной пашней“ обязанъ былъ обработывать казенную десятинную пашню сообразно величинѣ своего собственнаго участка; напримѣръ, за 25 четей полагалось обработать 2 десятины государевой пашни, за $12^1/_2$—одну дес. и т. д. Собранный съ десятинной пашни хлѣбъ поступалъ въ „государевы житницы“ и употреблялся на выдачу „хлѣбнаго жалованья“ служилымъ людямъ. Гдѣ хлѣба не было въ избыткѣ, тамъ давалось и денежное жалованье. Было тогда еще „соляное“ жалованье.

*) Подробности см. въ «Пермск. Старинѣ» въ VII выпускѣ, всю главу 2-ю.

Въ Сибири много было бѣломѣстныхъ казаковъ, а въ концѣ XVII в. и позже—драгунъ. Они набирались по желанію изъ крестьянъ, составляли служилый классъ людей, несшій на себѣ частью военную, частью полицейскую службу, жалованья не получали, а взамѣнъ его пользовались казенными землями пахотной и сѣнокосной и были свободны отъ всякихъ податей. Въ моемъ собраніи рукописей имѣются поручныя записи по пашенныхъ крестьянахъ, бѣломѣстныхъ казакахъ и драгунахъ, относящіяся къ первымъ годамъ существованія Шадринска; изъ нихъ нѣкоторыя издаются здѣсь. Въ концѣ XVII в. между приказчиками слободъ и остроговъ встрѣчаются уже капитаны, полуполковники и полковники. По всѣмъ дѣламъ, требовавшимъ участія воеводъ, они сносились непосредственно съ Тобольскомъ, гдѣ находилась „приказная палата“, начальникомъ которой былъ тобольскій воевода. Во время частыхъ башкирскихъ волненій имъ принадлежала военная власть; въ тѣхъ-же видахъ начальниками слободъ и остроговъ они стали часто назначать военныхъ людей, а въ Мехонскомъ острогѣ въ XVIII вѣкѣ бывали иногда особые, подчиненные имъ, воеводы. Опасностью отъ башкиръ объясняется и то, что почти всѣ слободы Зауралья имѣли укрѣпленія и часто назывались „острогами“.

Въ церковномъ отношеніи весь Исетскій край, съ первоначальнаго заселенія русскими, зависѣлъ отъ тобольскихъ владыкъ, а игумены Далматовскаго монастыря, за отдаленностью этихъ мѣстъ отъ Тобольска, считались какъ-бы викаріями ихъ и ближайшими блюстителями церковнаго благочинія для всего не только Исетскаго, но и сосѣдняго Верхотурскаго края. Отдѣльная Сибирская епархія возникла въ 1620 г. Уже первый архіепископъ Кипріанъ для содержанія архіерейскаго дома испросилъ себѣ двѣ вотчины въ 1621 г., именно слободы Усть-Ницынскую и Тавдинскую *). При его

*) «Пермская Старина» вып. VII, стр. 137.

преемникахъ, особенно при митрополитахъ сибирскихъ и тобольскихъ, рядъ которыхъ продолжался столѣтіе, съ 1664 до 1768 года, домъ „Софіи Премудрости Божіей“ въ Тобольскѣ значительно обогатился, паства умножилась, число церквей и монастырей много увеличилось *). Въ далекомъ Исетскомъ краѣ на рѣкѣ Міясѣ во второй половинѣ XVII в. возникла новая вотчина сибирскихъ архіереевъ—село Воскресенское, существующее доселѣ въ челябинскомъ уѣздѣ. Далматовъ-же монастырь былъ центромъ духовно-просвѣтительной дѣятельности въ новозаселенномъ краѣ. До самаго открытія особой Пермской губерніи весь Исетскій край въ церковномъ отношеніи былъ подчиненъ тобольскимъ архіереямъ, какъ и сосѣдній верхотурскій.

Не такъ долго продолжалась зависимость Исетскаго края отъ Тобольска въ военно-административномъ отношеніи. Постоянныя волненія среди башкиръ побудили правительство образовать здѣсь мѣстное управленіе на новыхъ началахъ. Въ 1734 г. учреждается „Оренбургская Экспедиція“, во главѣ которой былъ поставленъ Ив. Кир. Кирилловъ. Онъ умеръ чрезъ 3 года управленія юго-восточнымъ краемъ—въ 1737 г. Въ томъ-же году на его мѣсто назначенъ былъ уже ранѣе выгодно заявившій себя на Уралѣ дѣятель, Вас. Никит. Татищевъ, и бывшая „Экспедиція“ переименовывается въ „Оренбургскую Комиссію“. Онъ прибылъ 14 іюля 1737 г. въ Мензелинскъ и немедленно устроилъ совѣтъ, пригласивъ уфимскаго воеводу Шемякина, Соймонова, Тевкелева и другихъ представителей мѣстнаго управленія башкирскимъ краемъ. „Совѣтъ поставилъ себѣ задачей болѣе подробное и правильное раздѣленіе башкирскихъ земель въ административномъ отношеніи и усиленіе средствъ къ удержанію въ покорности самихъ башкиръ. Результатомъ этихъ совѣщаній было откры-

*) Подробности см. у *Буцинскаго:* «Заселеніе Сибири», томъ 1, Харьковъ. 1889 г. стр. 118—130.

тіе особой „*Исетской провинціи*“ *съ тремя уѣздами или „дистриктами“—шадринскимъ, окуневскимъ и исетскимъ.* Въ 1738 г. послѣдовало открытіе Исетской провинціи *) съ подчиненіемъ ея начальникамъ оренбургской комиссіи. То же совѣщаніе нашло необходимымъ перемѣстить центръ управленія „Соликамской провинціи“ изъ Соликамска въ Кунгуръ, ближе къ Башкиріи, что и было исполнено въ 1737 г. въ августѣ, съ переименованіемъ провинціи въ „Пермскую“ и перечисленіемъ ея изъ состава „Сибирской“ губерніи въ составъ „Казанской“, что продолжалось уже до открытія особой Пермской губерніи въ 1781 г. **). Въ тѣхъ-же видахъ лучшей охраны края отъ башкирскихъ смутъ въ 1737 г. постановлено было учредить особыя воеводства въ г. Осѣ и Красноуфимской крѣпости, вновь основанной за годъ предъ тѣмъ, въ 1736 году. Оба эти воеводства были подчинены главному Уфимскому. Всѣ предположенія В. Н. Татищева были уважены въ Петербургѣ, но самъ онъ въ 1739 г. уже оставилъ Оренбургскій край. Назначенный вмѣсто него князь В. А. Урусовъ управлялъ краемъ тоже недолго—съ конца 1739 до 1741 г. включительно. Наконецъ въ Оренбургъ назначается извѣстный дѣятель Ив. Ив. Неплюевъ, который непрерывно и правитъ краемъ до 1758 г.

Тѣмъ временемъ съ тою-же цѣлью построенъ былъ Оренбургъ въ 1735—1742 годахъ, а 15 марта 1744 г. послѣдовалъ указъ о переименованіи бывшей „комиссіи“ въ Оренбургскую губернію, о подчиненіи ей обѣихъ сосѣднихъ провинцій Уфимской и Исетской и назначеніи первымъ губернаторомъ новой губерніи И. И. Неплюева. Съ 1744 г. Исетская провинція подчинилась вѣдѣнію Оренбургскихъ губернаторовъ, что продолжалось до открытія Пермской гу-

*) *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ и Оренб. край до 1758 г.» вып. I, стр. 153. Казань, 1889 г. *Рычковъ*: «Топографія Оренбургск.» Часть I, стр. 9—10 СПБ. 1762 г.

**) *Витевскій* тамъ-же; у насъ см. въ «Очеркахъ изъ исторіи г. Перми». Пермь. 1889 г. стр. 22.

берніи въ 1781 г. Въ особой инструкціи, данной по этому поводу тайн. совѣтн. Неплюеву, между прочимъ, читаемъ: „быть въ Оренбургѣ губерніи и именоваться Оренбургская губернія,.... да той губерніи подъ вѣдомствомъ состоять, попрежнему, Исетской провинціи и съ зауральскими башкирами; да нынѣ вновь въ вѣдомство той губерніи подчинить Уфимскую провинцію со всѣми башкирскими дѣлами.... а особо той Уфимской провинціи и въ ней вице-губернатору не быть“ *).

Средоточіемъ управленія Исетской провинціи сначала былъ избранъ Шадринскъ, потомъ главное управленіе было переведено не надолго въ крѣпость Чебаркульскую, оттуда въ слободу Теченскую, и наконецъ въ 1743 г., по желанію Неплюева,—въ крѣпость Челябинскую, переименованную въ 1787 г. въ городъ. (Витевскій III, 459). Управленіе-же уѣздами или дистриктами провинціи было въ Шадринской слободѣ, Исетскомъ острогѣ и Окуневскомъ острогѣ. Въ этихъ трехъ мѣстахъ находились такъ наз. „управительскія канцеляріи“, а въ Челябинскомъ острогѣ—главная „провинціальная канцелярія“. Тутъ жилъ и „провинціальный воевода“.

Количество населенныхъ мѣстъ (при Рычковѣ) было такое: къ Исетскому острогу относились 4 села и 23 деревни, къ Шадринской слободѣ 5 селъ и 20 деревень и къ Окуневскому острогу 2 села и 24 деревни **). Кромѣ того къ Далматову монастырю было приписано одно село и 14 деревень. Каждая слобода въ свою очередь опять имѣла свои села и деревни, такъ сказать, свой округъ, напр. Барневская 3 села и 21 дер., Масленскій острогъ 3 села и 22 деревни, Мехонскій 2 села и 23 дер. и т. д. Вслѣдствіе продолжавшагося прилива населенія, въ половинѣ XVIII в. образовалось даже *два новыхъ дистрикта въ Исетской провинціи*:

---

*) «Полное Собр. Законовъ» т. XII, № 8900.

**) *Рычковъ*: «Топографія» часть II, стр. 161, 168, 174.

смежно съ Окуневскимъ—*Куртамышскій* съ слободой того-же имени и смежно съ Челябинскимъ—*Увельскій* дистриктъ съ слободой Кундравинской; первая основана въ 1756 г., вторая въ 1758 г. Теперь Куртамышъ—село челябинскаго, а Кундравинское—троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи. По свидѣтельству Рычкова, причиной крестьянскаго переселенія на новыя мѣста отчасти было и истощеніе почвы въ старыхъ дистриктахъ, вѣроятно, вслѣдствіе хищническаго хозяйства первыхъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ *).

Интересно сопоставить общее количество какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія въ Уфимской и Исетской провинціяхъ въ половинѣ XVIII вѣка. По Неплюевской переписи 1740-хъ годовъ, какъ мы уже сказали выше, башкиръ и мещеряковъ оказалось: въ Уфимской провинціи 100218 муж. пола и въ Исетской 21405, т. е. въ первой въ $4^1/_2$ раза болѣе, нежели во второй, позднѣе заселенной инородцами **). То же оказалось и при повѣркѣ русскаго населенія: въ Уфимской провинціи 75185 муж. пола и въ Исетской 32879 муж. пола податныхъ душъ ***). Причина неравенства въ населенія таже: позднѣйшее заселеніе русскими Исети сравнительно съ р.р. Бѣлой и Уфой. Но здѣсь достойно вниманія количественное преобладаніе инородцевъ надъ русскими въ Уфимской провинціи и обратное явленіе въ Исетской. Слѣдовательно, русская колонизація въ Исетской провинціи совершалась быстрѣе, нежели въ Уфимской.

Къ концу управленія И. И. Неплюева во всей Исетской провинціи было 4 монастыря (Далматовъ, Рафаиловъ на р. Исети близъ Исетскаго острога, заимка Кодскаго монастыря****)

---

*) Тамъ-же, ч. II, стр. 179 и слѣд.

**) *Витевскій*, вып. III, стр. 450.

***) Тамъ-же вып. III, 395 и у *Рычкова* ч. II, 187.

****) Нынѣ казенное селеніе Кодское или монастырь на р. Исети ялуторовскаго округа. О Кодскомъ Троицкомъ монастырѣ на низовьяхъ р. Оби см. «Перм. Старину» вып. V, стр. 83—84.

и другая заимка Великоустюжскаго Архангельскаго монастыря—обѣ также близъ Исетска), 338 поселеній—остроговъ, слободъ, селъ и деревень и во всѣхъ ихъ 35 храмовъ. Изъ общаго числа русскихъ жителей Исетской провинціи 32879 податныхъ душъ, крестьянъ монастырскихъ было 3866 чел., архіерейскихъ вотчинъ крестьянъ 1116, помѣщичьихъ 92, приписныхъ къ заводамъ 3361 д. Остальные считались государственными крестьянами.

О положеніи этихъ крестьянъ въ половинѣ XVIII в. нужно сказать слѣдующее. Съ каждой податной души въ казну шло по 70 копѣекъ, а вмѣсто остального четырехгривеннаго сбора они должны были пахать казенную десятинную пашню. Прежде каждый дворъ пахалъ по одной десятинѣ ржи и овса въ лѣто, а съ 1743 года „оная казенная пашня была отставлена", и вмѣсто того крестьяне обложены оброчнымъ провіантомъ: не взирая на урожай, каждый дворъ долженъ былъ поставить въ казну ржи 3 четверти и 6 четвериковъ, овса столько-же; при этомъ для крестьянъ важно было право разлагать этотъ сборъ имъ самимъ межъ себя „по животамъ и тягламъ", а не поровну съ каждой души. Казна требовала только опредѣленнаго количества хлѣба, и ей было безразлично, какъ крестьяне разлагали этотъ сборъ между собой. Собранный хлѣбъ крестьяне должны были отвозить сами въ казенные магазины. Крѣпости-же снабжались хлѣбомъ за опредѣленную плату отъ казны. Только переселившіеся на новую пашню крестьяне обязаны были извѣстное время снабжать хлѣбомъ крѣпости за свой счетъ *).

Таково было устройство и управленіе крестьянъ въ Исетскомъ краѣ до половины XVIII вѣка. Конечно, мы сдѣлали только общій очеркъ его и не могли вдаваться въ подробности. Для болѣе полной исторіи башкиръ служатъ разные указы, напечатанные въ „Полномъ Собраніи Законовъ",

*) *Рычковъ* «Топографія» ч. II, стр. 182.

„Сенатскій архивъ“ въ Петербургѣ (дѣла о башкирскихъ бунтахъ) и „Тургайскій областной архивъ“ въ Оренбургѣ. Послѣднимъ архивомъ уже пользовался когда-то Рычковъ, составившій два обширные экстракта изъ его дѣлъ — одинъ о Башкирахъ, другой о Киргизъ-Кайсакахъ; оба экстракта теперь хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Весьма важно также дѣло о горныхъ заводахъ, когда-то испытавшихъ пугачевщину, теперь хранящееся въ горномъ архивѣ въ Екатеринбургѣ; въ немъ содержится много свѣдѣній и для исторіи Башкиріи, разработка которой еще ожидаетъ будущихъ изслѣдователей.

В. Прикамская или Осинская Башкирія и основаніе Осы.

Сѣверную окраину Башкиріи, средоточіемъ которой всегда была Уфимская губернія, составляетъ нынѣшній осинскій уѣздъ Пермской губерніи. По географическому положенію, эту часть обширной страны можно называть Прикамской Башкиріей, въ отличіе отъ Уфимской и Зауральской. Слѣдуя же общепринятой исторической терминологіи, сѣверную часть Башкиріи съ конца XVI вѣка часто называютъ также *Осинской башкирской дорогой*.

Исторія этой части Башкиріи была общая съ уфимскимъ краемъ до конца XVIII вѣка, когда образовалась отдѣльная Пермская губернія. *Съ основаніемъ города Уфы въ 1586 г., возникъ тогда же и уфимскій уѣздъ въ вѣдомствѣ казанскаго дворцоваго приказа. Прикамскіе башкиры, первое время подчинявшіеся Казани, въ XVII вѣкѣ, какъ нераздѣльная часть, вошли по управленію туда же, въ составъ Уфимскаго уѣзда* (до того же времени они нѣкоторое время были независимы, а до 1552 года подчинялись казанскимъ ханамъ). Такимъ образомъ и для нихъ, какъ для обитателей береговъ Бѣлой и Ика, въ XVI вѣкѣ зависимость отъ татаръ послѣ нѣкотораго перерыва только перемѣнилась на русскую (съ 1552 г.),

а самостоятельной политической жизнью всѣ башкиры жили не долго; главный центръ ихъ тяготѣнія до и послѣ покоренія Казани оставался одинъ и тотъ же—въ лицѣ этого города. Дальнѣйшая исторія прикамскихъ башкиръ опять была общая съ уфимскимъ краемъ: въ 1708 г. они перешли въ составъ „Уфимской провинціи Казанской губерніи", а съ основаніемъ Оренбурга въ 1734—1742 г.г. и образованіемъ новой Оренбургской губерніи по Высочайшему повелѣнію отъ 15 марта 1744 г., прикамскіе и уфимскіе башкиры перечислены изъ Казанской въ составъ этой новой губерніи, куда отошла по управленію какъ Уфимская провинція (до 1708 г. уѣздъ), такъ и вновь учрежденная Исетская провинція за Уралomъ (бывшій тобольскій уѣздъ) *). Только въ 1781 г. прикамскіе башкиры порвали связь съ Уфой и Оренбургомъ и стали зависѣть отъ новаго центра управленія—Перми.

Необходимо имѣть въ виду, что подъ прикамскими башкирами мы разумѣемъ не однихъ башкиръ осинскаго уѣзда, но всѣхъ башкиръ, такъ называемой, „Осинской дороги", а это понятіе въ историческомъ смыслѣ шире. Начинаясь близъ самой Осы на нижнемъ теченіи р. Тулвы (лѣвый притокъ Камы), Осинская башкирская дорога занимала весь бассейнъ Тулвы, затѣмъ верхнее теченіе р. Буя (также лѣвый прит. Камы) и долину р. Бири (правый прит. Бѣлой) и оканчивалась у г. Уфы, примыкая здѣсь къ Ногайской дорогѣ. Такимъ образомъ Осинская дорога, получившая это названіе отъ своего конечнаго пункта на р. Камѣ, проходила узкой неправильной полосой чрезъ три уѣзда: осинскій, бирскій и уфимскій, врѣзываясь въ послѣднихъ двухъ между Казанской дорогою къ западу отъ нея и Сибирской къ востоку. Наши красноуфимскій уѣздъ и южная часть екатеринбургскаго когда-то составляли продолженіе Сибирской баш-

*) См. нашъ «Историч. очеркъ Башкир.» въ «Перм. Вѣд.» 1899 г. № 81, и статью: «Зауральская Башкирія»—тамъ же № 101.

кирской дороги*). Когда рѣчь идетъ о башкирахъ Осинской дороги, то само собою разумѣется, что тутъ принимаются во вниманіе башкиры не одного осинскаго уѣзда, а также бирскаго и уфимскаго уѣздовъ.

Мы уже знаемъ, что дѣленіе башкиръ „по дорогамъ“ на 4 главныя группы возникло еще въ татарскомъ періодѣ ихъ исторіи и осталось затѣмъ при русскомъ владычествѣ надъ ними. Оно установлено было еще казанскими царями (ханами) въ ихъ бывшемъ царствѣ на берегахъ Волги и ея притоковъ и основано было на дѣленіи ихъ по главнымъ родамъ. Примѣненное и къ башкирамъ, это дѣленіе не было оставлено впослѣдствіи, когда сами татары вмѣстѣ съ башкирами вошли въ составъ Московскаго государства.

Нынѣшній осинскій уѣздъ призналъ зависимость отъ русскихъ вмѣстѣ съ остальной Башкиріей послѣ паденія Казани. *Башкиры считались здѣсь первоначальными владѣльцами земель.* Послѣ покоренія Казанскаго царства, а можетъ быть и раньше, сюда переселилась часть татаръ, а за ними стали появляться и русскіе колонисты. И тѣ, и другіе сюда шли съ запада въ надеждѣ найти много пустыхъ, еще никѣмъ незанятыхъ, земель. Татары поселились, главнымъ образомъ, по р. Сылвѣ (притокъ Чусовой) и ея притоку Ирени, смѣшавшись тамъ съ древними насельниками тѣхъ мѣстъ— вогулами и остяками (нынѣ кунгурскій уѣздъ и самая восточная часть осинскаго по притокамъ Ирени—Туркѣ, Сыпу и др.). Башкиры же жили, какъ сказано выше, по р. Тулвѣ, Бую и Бири. Они дѣлились здѣсь на 5 волостей: самую обширную гайнинскую по рѣкѣ Тулвѣ, **) ирехтинскую, уранскую, уванышскую по р. Бую (первая восточнѣе, двѣ другія запад-

*) *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ и Оренб. край до 1758 г.», вып. V. Казань. 1897 г., приложенія, № 24.

**) Въ одной челобитной башкиръ 1672 г. она названа «ульвинской». «...башкирцы уфимскаго уѣзда осинской дороги ульвинской волости, Гайна тожъ». См. «Перм. лѣтопись» т. III, стр. 918.

нѣе) и тазларскую далѣе къ югу. Уванышская волость иначе называлась нижне-уранскою въ отличіе отъ другой волости того же названія или верхне-уранской. О количествѣ башкирскихъ дворовъ и душъ муж. пола въ этихъ волостяхъ сохранились свѣдѣнія только за XVIII вѣкъ и не осталось таковыхъ за болѣе раннее время. Приведемъ ихъ сполна *).

	Въ 1739 г.		*Въ 1772 г.*
	двор.	душ.	двор.
Гайнинская волость	214	4744	795
Ирехтинская	183	466	352
Верхне-уранская	572	1715	226
Нижне-уранская	106	371	
Тазларская	52	193	не упом.
	1127	7489	1373

Въ 1740 годахъ Рычкову также были доставлены свѣдѣнія объ этихъ башкирскихъ волостяхъ, но не полныя и только по тремъ волостямъ: гайнинской 562 двора, ирехтинской 148 дв. и верхне-уранской 218 дворовъ, а всего въ трехъ волостяхъ было указано 928 дворовъ **). Сопоставляя всѣ приведенныя цифровыя данныя о башкирахъ Осинской дороги, нельзя не обратить вниманія на передвиженія башкиръ изъ южныхъ волостей въ самую обширную на сѣверѣ—волость гайнинскую на р. Тулвѣ, гдѣ количество башкирскихъ дворовъ съ годами быстро увеличивалось при одновременномъ уменьшеніи ихъ въ волостяхъ верхне-уранской и тазларской. Тазларской волости въ 1772 г., повидимому, совсѣмъ даже не было. Причиною этихъ передвиженій башкиръ могли быть частыя возмущенія ихъ одноплеменниковъ на югѣ, въ уфимской провинціи, вслѣдствіе поземельной неурядицы.

---

*) Свящ. *Блиновъ*: «Историч. очеркъ заселенія Осинскаго уѣзда» въ «Сборникѣ Пермскаго земства» 1898 г. кн. 3—4, отдѣлъ III, стр. 11.

**) *Рычковъ*: «Топографія Оренбург.». СПБ. 1762 г., часть I, стр. 99—100.

Не ранѣе конца XVI вѣка началась въ осинскомъ краѣ русская колонизація. Главное поселеніе въ этомъ краѣ *слобода Новоникольская, скоро переименованная въ пригородъ Осу, возникаетъ въ 1591—92 годахъ*, чрезъ 5 лѣтъ по основаніи Уфы, которой она и была подчинена по управленію. До учрежденія особой Пермской губерніи не было въ нынѣшнемъ широкомъ смыслѣ осинскаго уѣзда, территорія котораго первоначально числилась въ обширномъ казанскомъ уѣздѣ, а потомъ входила большею своею частью въ составъ уфимскаго уѣзда и меньшею—кунгурскаго, вновь образованнаго около половины XVII столѣтія. (Съ 1708 г. первый уѣздъ сталъ именоваться „уфимской провинціей“ Казанской губерніи, а съ 1737 года кунгурскій уѣздъ переименованъ въ „пермскую провинцію“ той же Казанской губерніи). У Осы, какъ у всякой слободы, въ XVI—XVII в.в. былъ свой „уѣздъ“ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ ея ближайшаго округа. Дѣленіе инородцевъ-башкиръ „по дорогамъ“ не слѣдуетъ смѣшивать съ обще-русскимъ административнымъ дѣленіемъ всѣхъ русскихъ подданныхъ и занятыхъ ими земель по „уѣздамъ“ и „провинціямъ“. Башкирскія дороги входили, какъ отдѣльныя части, въ составъ уѣздовъ (съ XVIII вѣка провинцій) *).

На спорномъ вопросѣ о времени и мѣстѣ основанія Осы мы должны остановиться подробно. Между мѣстными изслѣдователями старины въ Пермскомъ краѣ сперва сложилось убѣжденіе, что Оса, въ видѣ слободы на р. Камѣ, первоначально возникла еще при Іоаннѣ Грозномъ, который будто-бы прислалъ сюда образъ святителя Николая, донынѣ хранимый въ мѣстной соборной церкви, и что поэтому слобода первоначально называлась *Новоникольской* и уже въ

*) «*Осинская дорога*» шла чрезъ нынѣшніе уѣзды Уфимскій, Бирскій и Осинскій, составлявшіе тогда одинъ Уфимскій уѣздъ; «*Сибирская дорога*» пролегала чрезъ нынѣшніе уѣзды Уфимскій, Красноуфимскій, Екатеринбургскій, Шадринскій, Челябинскій, – тогда уѣзды Верхотурскій и Тобольскій, съ 1738 года составившіе частью Исетскую провинцію.

1596 г. она превратилась въ укрѣпленный пригородокъ, по грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича за приписью дьяка Андрея Щелконогова *). Тоже повторили затѣмъ въ своихъ общихъ историческихъ очеркахъ Пермскаго края наши изслѣдователи 1850 годовъ **). Для всѣхъ ихъ основаніемъ относить время перваго возникновенія Осы къ царствованію Іоанна Грознаго служилъ только даръ его въ видѣ иконы святителя Николая, но никто изъ нихъ не видалъ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича. Сообщаемыя ими свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ Осы взяты, очевидно, не изъ этой грамоты, а изъ сохранившейся и до нашихъ дней древнѣйшей писцовой книги по г. Осѣ, именно книги 1596 г. *Аверкія Палицына* и подъячаго *Ѳедора Аристова*.

Послѣ того въ разъясненіи спорнаго вопроса о времени основанія Осы приняли участіе уфимскіе изслѣдователи старины. Къ сожалѣнію, сдѣлавъ одинъ шагъ впередъ въ разработкѣ этого вопроса, они запутали вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго основанія Никольской слободы (Осы), въ которомъ раньше пермскіе историки не сомнѣвались. Они доказывали, что первоначально Никольская слобода была на мѣстѣ нынѣшняго села Березовки бирскаго уѣзда, въ старину именовавшагося этимъ названіемъ, и что Іоаннъ Грозный именно сюда прислалъ образъ св. Николая чудотворца. Съ этою чудотворною иконою, извѣстною подъ именемъ „Березовской“, тамошнее духовенство доселѣ совершаетъ крестные ходы какъ въ Уфимской губерніи, такъ и сарапульскомъ уѣздѣ Вятской. По мнѣнію уфимскихъ изслѣдователей, вблизи Никольской слободы стоялъ и давно упраздненный Преображенскій осин-

---

*) Первый сообщилъ это извѣстный *Н. С. Поповъ* въ «Хозяйственномъ описаніи Перм. губ.», Изд. 1-е, часть II, 1804 г.; изд. 2-е, часть III, 1813 г., стран. 198—199.

**) Сперва *Г. И. Балбашевскій* въ «Перм. Вѣд.» 1855 г. №№ 21—26, а за нимъ *А. Д. Крупенинъ* въ «Пермскомъ Сборникѣ» томъ I. Москва 1859 г., стр. 22 и въ приложеніи 69 къ этой статьѣ.

ский монастырь; мѣстность эта принадлежала тогда башкирамъ осинской дороги, откуда монастырь и получилъ названіе „осинскаго“. Лишь со временемъ, будто-бы для лучшаго укрѣпленія поселенія, русскіе перенесли крѣпость на мѣсто нынѣшняго города Осы, вверхъ по р. Камѣ *). Все это утверждаютъ уфимскіе историки на основаніи упомянутой нами выше осинской писцовой книги Палицина и Аристова, копія которой хранится также въ церкви села Березовскаго.

Не станемъ приводить мнѣній другихъ позднѣйшихъ изслѣдователей разбираемаго вопроса, которыя не помогутъ намъ разобраться въ этой ужасной путаницѣ, а обратимся лучше къ самой писцовой книгѣ 1596 г., которая, къ счастію, имѣется у меня въ хорошемъ старинномъ спискѣ. Пусть сами писцы Палицинъ и Аристовъ скажутъ намъ правду о началѣ г. Осы. (См. текстъ книги въ приложеніяхъ подъ № 1).

Осинская писцовая книга Палицина 1596 г. составлена была по наказу отъ 23 іюня этого года казанскаго воеводы князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ товарищи (княземъ Аѳан. Ив. Вяземскимъ и кн. Ѳед. Хворостининымъ), за приписью дьяка Алексѣя Шапилова (въ моемъ спискѣ Щепилова) **). Согласно этому наказу, Аверкій Палицинъ да подъячій Ѳедоръ Аристовъ въ томъ же году „въ Казанскомъ уѣздѣ вверхъ рѣки Камы, на Осинскомъ городищѣ, въ Новоникольской слободѣ писали дворы, а во дворѣхъ людей и

---

*) *Р. Игнатьевъ* о старыхъ монастыряхъ Уфимскаго края писалъ въ «Памятной книжкѣ Уфимск. губ. на 1873 г.» часть II. Тоже см. у *В. Звѣринскаго* въ его книгѣ: «Матеріалы для историко-топографич. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россіи» — томъ III: монастыри, закрытые до Екатерины II. СПБ. 1897 г., стр. 138. См. также статью *Блинова* въ «Сборн. Перм. Земства» 1898 г. №№ 3—4.

**) Въ другихъ спискахъ эта фамилія извращена въ Щелкалова. См. *Шишонко:* «Перм. Лѣтоп.» т. I, стр. 118. Это сокращенное печатное изданіе книги, крайне небрежное, со многими крупными ошибками. Въ 1879—80 г.г. отрывокъ той-же книги (конецъ безъ начала) былъ тѣмъ-же издателемъ напечатанъ въ «Перм. Вѣдом.» и въ оттискахъ, причемъ писц. книга Палицына 1596 г. отнесена къ 1678 г. и приписана князю Ив. Дашкову, который только скрѣпилъ уже въ 1738 г. позднѣйшую копію книги Палицина.

пашню пахатную и переложную и всякія угодья". Вотъ подлинное начало описанія слободы: „въ Казанскомъ уѣздѣ, вверхъ Камы рѣки съ напольные стороны, *на Осинскомъ городищѣ новая Никольская слобода*, а въ ней Божія милосердія храмъ великаго чудотворца Николы, поставленъ новой клѣтцки; въ церкви царскихъ дверей, *и образовъ*, и книгъ, и сосудовъ, никотораго церковнаго строенія и попа нѣтъ. А подъ церковь мѣста, и подъ дворы попу и дьячку, *и подъ кельи* вдоль и поперегъ по 50 саженъ,... сѣна *на Тулвѣ рѣкѣ* и около церковныя пашни 300 копенъ...." Далѣе изъ той-же писцовой книги Палицина 1596 года видно, что крестьянскій лѣсъ тогда находился „по рѣкѣ Камѣ, *и по Тулвѣ рѣчкѣ, и по Осѣ рѣчкѣ*". Относительно первыхъ поселенцевъ Осы важно, имѣть въ виду слѣдующія слова писцовой книги: „въ слободѣ-жъ дворъ *слободчика* Нечая Григорьева сына *Калуженина* да брата ево Филиппа—*на льготѣ съ сотого году* (т. е. 7100 году) *ноября съ 18 числа до ста шестого году* (т. е. 7106) *ноября по 18 число*, по государевѣ царевѣ и великаго князя Федора Ивановича всея Россіи грамотѣ *за приписью государева дьяка Андрея Щелканова*".

Что-же говорятъ намъ приведенныя подлинныя слова источника 1596 года о мѣстѣ и времени основанія Осы? Отвѣчаемъ отдѣльно на тотъ и другой вопросъ.

Вопреки мнѣнія уфимскихъ изслѣдователей, *Новая Никольская Осинская слобода* получила это названіе не отъ Осинской дороги, а отъ Осинскаго городища близъ рѣки Камы, какъ ясно видно изъ писцовой книги. Что здѣсь разумѣется именно то городище, гдѣ нынѣ стоитъ гор. Оса, а не какое-нибудь другое, доказывается тѣмъ, что покосы и лѣсъ первыхъ жителей Новой Никольской слободы, Осы тоже, этимъ первоисточникомъ показаны на рѣчкахъ Тулвѣ и Осѣ, и донынѣ протекающихъ подъ тѣми-же названіями. Поэтому городъ Оса получилъ наименованіе какъ отъ городища, имъ

доселѣ занимаемаго и отлично сохранившагося, такъ и отъ текущей у его подошвы рѣчки Осы (иначе Осинки). Производство-же названія этого города отъ „Осинской дороги“ есть явная натяжка или ошибка уфимскихъ историковъ. Наоборотъ, сама дорога получила это названіе отъ Осинскаго городища и рѣчки Осы, гдѣ она доходила до своего конечнаго пункта на р. Камѣ. Относительно другого названія „Новой Никольской слободы“ важно обратить вниманіе именно на этотъ эпитетъ „Новая“ слобода, заставляющій предполагать существованіе Старой Никольской слободы. Подъ нею-то и надо разумѣть Никольскую слободу у нынѣшняго села Березовки, получившую въ свою очередь названіе отъ присланной, будто-бы, изъ Москвы Іоанномъ Грознымъ иконы св. Николая Чудотворца. Эта, по нынѣшнему наименованію „Березовская“, чудотворная и донынѣ почитаемая икона святителя Николая и есть подлинная. Въ новой-же Никольской слободѣ на Осинскомъ городищѣ въ 1596 г. церковь св. Николая чудотворца только еще строилась, и въ ней не было ни образовъ, ни сосудовъ, ни книгъ, ни священнослужителей, какъ сказали очевидцы Палицинъ и Аристовъ. *Сюда со временемъ могъ быть присланъ только списокъ съ иконы, а подлинникъ всегда былъ въ Березовской церкви.* Самый фактъ присылки изъ Москвы подлинной иконы подлежитъ сомнѣнію, въ виду сохранившагося народнаго преданія о явленіи этой иконы близъ с. Березовки на р. Камѣ, на дуплѣ дуба *). Нѣкоторые писатели пытаются объяснить это противорѣчіе въ преданіяхъ тѣмъ, что явленная икона могла быть сперва унесена въ Москву и оттуда прислана въ Березовку; но это мнѣніе они не подкрѣпляютъ никакими доказательствами **). Изъ всего, сказаннаго выше, слѣдуетъ только одинъ опредѣленный выводъ, что *старая Никольская слобода у Березовки*

*) См. въ упомянутой статьѣ священ. *Блинова* подстрочное примѣчаніе на стран. 3.

**) Тамъ-же.

возникла раньше новой Никольской слободы при рѣчкѣ Осѣ, близъ ея впаденія въ Каму, и что обѣ слободы смѣшивались просто по недоразумѣнію отъ недостаточнаго знакомства съ писцовою книгою Палицина 1596 года. Кромѣ народнаго преданія, на вѣрность котораго не всегда можно полагаться, ничѣмъ еще не доказано основаніе старой Никольской слободы у Березовки во времена Іоанна Грознаго; возможно, что и она возникла позже, а относительно Осы или новой Никольской слободы мы въ этомъ нисколько не сомнѣваемся, вопреки мнѣнія первыхъ историковъ Пермскаго края, поименованныхъ выше (въ сноскахъ) и слишкомъ довѣрчиво относившихся къ преданіямъ, подобно уфимскимъ изслѣдователямъ.

Писцовая книга Палицина просто разрѣшаетъ столь-же запутанный вопросъ о мѣстонахожденіи Осинскаго Преображенскаго мужского монастыря. Уфимскіе историки и этотъ монастырь вмѣстѣ съ Никольской слободой пріурочиваютъ къ нынѣшнему селу Березовкѣ, считая его однимъ изъ его предмѣстій, правда давно не существующимъ. На самомъ дѣлѣ такого монастыря тамъ никогда не было. Уже самое наименованіе монастыря „Осинскимъ“ служитъ тому доказательствомъ. Въ писцовой книгѣ 1596 года, въ самомъ ея началѣ, при описаніи новостроющагося на Осѣ храма св. Николая чудотворца, упоминается мѣсто въ 50 саженъ вдоль и поперекъ *подъ кельи* (см. выше подлинныя слова источника). Въ концѣ той-же книги мы читаемъ о постройкѣ монастыря слѣдующее подлинное свидѣтельство Палицина и Аристова: „на Осѣ-же, отъ слободы версты съ двѣ, за рѣкою Камою съ Казанскую сторону, на берегу подъ городищемъ, часовня попа чернаго священника Іоны Прокофьева Пошехонца да старца Арсенія Мезенца, а строитъ тотъ государевъ богомолецъ монастырь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да Изосима и Саватія соловецкихъ

чудотворцовъ. И подъ монастыремъ земли вдоль и поперекъ по 50 саженъ. Подъ монастырскіе дворы мѣста подлѣ боярака вдоль 50, поперекъ 40 саженъ"... Это описаніе мѣстности бывшаго монастыря и доселѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя самаго монастыря давно уже нѣтъ. На противоположномъ берегу Камы (правомъ), противъ г. Осы дѣйствительно существуетъ городище и возлѣ него по теченію рѣки—глубокій буеракъ, близъ котораго стояли монастырскіе дворы, а самый монастырь находился „на берегу подъ городищемъ". До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ существуетъ деревня, слывущая подъ именемъ „*слободы Подмонастырской*",—несомнѣнный остатокъ бывшаго Осинскаго Преображенскаго монастыря. Можно-ли послѣ всего сказаннаго еще сомнѣваться, что приведенныя слова писцовой книги относятся къ окрестностямъ г. Осы, а никакъ не Березовки? А между тѣмъ уфимскіе изслѣдователи *) относятъ ихъ къ селу Березовкѣ только потому, что въ церкви этого села сохраняется старинный списокъ писцовой книги Палицина, такъ какъ обѣ Никольскія слободы—старая и новая—состояли нѣкогда подъ общимъ административнымъ началомъ сперва Казани и потомъ Уфы. Вотъ на какихъ шаткихъ основаніяхъ созидается иногда мѣстная исторія, и къ какимъ заблужденіямъ ведетъ она! Не мѣшаетъ еще замѣтить, что основатель Осинскаго монастыря „черный попъ Іона Пошехонецъ" нѣсколько позднѣе, а именно въ 1602—1604 годахъ, построилъ и другой монастырь въ нынѣшнемъ Пермскомъ краѣ—Николаевскій Верхотурскій, о чемъ мы говорили въ „Пермской Старинѣ" вып. VII, 48); въ Уфимскомъ-же краѣ (нынѣшнемъ) онъ не былъ. Осинскій монастырь, построенный одновременно съ самой Осой, упраздненъ „за малобратствомъ" въ 1727 году.

---

*) *Р. Игнатьевъ* и *В. Звѣринскій* въ указанныхъ выше трудахъ *П. Строева* правильно относитъ Преображенскій монастырь къ г. Осѣ, а не къ Березовкѣ. («Списки іерарховъ», стр. 948.

Въ связи съ вопросомъ о мѣстѣ основанія новой Никольской слободы и близь нея стоявшаго Преображенскаго монастыря по писцовой книгѣ 1596 года можно съ точностью опредѣлить и время ихъ основанія. Мы знаемъ уже, что многіе изслѣдователи старины какъ пермскіе, такъ и уфимскіе ошибочно пріурочивали основаніе г. Осы ко времени Іоанна Грознаго, причемъ источникомъ ихъ заблужденія были сомнительныя по достовѣрности преданія объ иконѣ св. Николая чудотворца. На основаніи писцовой книги 1596 г. мы убѣдились, что все ея содержаніе нисколько не касается старой Никольской слободы на Березовкѣ, дѣйствительно возникшей раньше г. Осы, а всецѣло относится къ новой Никольской слободѣ на Осинскомъ городищѣ, и что уфимскіе историки грубо ошибались, смѣшивая обѣ одноименныя слободы, изъ коихъ южная (Березовка) несомнѣнно была старше сѣверной (Осы). Когда-же именно возникла послѣдняя, т. е. новая Никольская слобода?

Палицинъ и Аристовъ описывали эту слободу и окрестный Преображенскій монастырь во время ихъ построенія, почему въ послѣднее время всѣ писавшіе о началѣ Осы и считаютъ годомъ ея основанія 1596 г. Но во 1-хъ, это строеніе не могло совершиться въ одинъ годъ, а во 2-хъ, въ писцовой книгѣ есть точное указаніе года, съ котораго началось это строеніе. Палицинъ указалъ строителя слободы или, по тогдашнему, *слободчика Нечая Григорьева Калуженина съ братомъ его Филиппомъ*. Они и были первыми жителями новой Никольской слободы на рч. Осѣ; ихъ дворъ былъ первымъ строеніемъ на Осинскомъ городищѣ. Они поселились здѣсь по грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича за приписью дьяка Андрея Щелкалова, которой въ нашемъ вѣкѣ за утратою никто не могъ видѣть, но о существованіи которой знаютъ по книгѣ Палицина. По тогдашнему обыкновенію, братьямъ-строителямъ новой слободы была дана льгота на

6 лѣтъ въ платежѣ всякихъ казенныхъ сборовъ—съ сотаго до сто шестого года, т. е. съ 7100 ноября 18 или, по нашему счисленію, съ 1591 до 1597, по 18 ноября-же. Слѣдовательно, *„сотый" годъ или 1591-й и нужно считать годомъ основанія Осы*, а ужъ никакъ не 1596—годъ составленія писцовой книги. *Къ тѣмъ-же годамъ относится и построеніе Осинскаго Преображенскаго мужского монастыря Іоною и Арсеніемъ.*

Такъ возникъ въ Прикамской Башкиріи главный оплотъ русской власти, который во время сильныхъ башкирскихъ бунтовъ въ началѣ XVIII вѣка, однако, не устоялъ и былъ разрушенъ. Но въ 1736 г. особымъ указомъ было предписано „прежній городокъ Осу возобновить и служилыми людьми, прибавя ссылочныхъ, населить", *) а для безопасности на будущее время тогда-же велѣно было *вновь построить крѣпость Красноуфимскую, учредивъ какъ въ ней, такъ и въ Осѣ особыя воеводства* съ подчиненіемъ ихъ уфимскому провинціальному управленію **). Другое тяжелое испытаніе въ томъ-же вѣкѣ Оса перенесла отъ Пугачева.

Отъ города перейдемъ къ уѣзду Осинскому, который долго былъ сѣверной частью Уфимскаго, какъ уже сказано выше. Онъ населялся постепенно и при основаніи Осы заключалъ въ себѣ только башкирскія и татарскія селенія, а русскихъ поселеній еще не имѣлъ. Не правъ, поэтому, покойный *В. Н. Шишонко*, относя къ 1596 году цѣлый рядъ русскихъ селеній, въ дѣйствительности возникшихъ позднѣе***). Онъ смѣшалъ въ данномъ случаѣ перепись Палицина съ позднѣйшими переписями 1710 и 1720 годовъ. Въ рукописи, по которой онъ въ первый разъ издавалъ Осинскія писцовыя

*) *Витевскій*, III, 408.

**) Тамъ-же, вып. I, стр. 153—154 и въ «Словарѣ» *Чупина* статья: «Красноуфимскъ».

***) «Пермская Лѣтопись» подъ 1596 г., томъ I, стр. 118 и IV, 152—153.

книги, было нѣсколько переписей, чего онъ не замѣтилъ, не сдѣлавъ тщательнаго анализа рукописи, ошибочно отнеся къ 1678 году всѣ переписи и приписавъ ихъ одному князю Ивану Дашкову, который на самомъ дѣлѣ не производилъ переписи, а былъ только, уже въ 1730-хъ годахъ, въ чинѣ лейбъ-гвардіи капитана присутствующимъ „Главной Дворцовой Канцеляріи“ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ маіоромъ Аѳанасіемъ Дохтуровымъ, съ которымъ онъ и скрѣпилъ подписомъ упомянутый позднѣйшій сборникъ переписныхъ Осинскихъ книгъ *). Изъ этого перваго изданія книгъ г. *Шишонко* внесъ туже путаницу и въ свою „Пермскую Лѣтопись“ (т. I, стр. 118 и IV, 152—153).

Насколько можно судить по сохранившимся доселѣ памятникамъ, порядокъ основанія русскихъ поселеній въ Осинскомъ краѣ, по возникновеніи Осы и Преображенскаго монастыря, былъ таковъ. Раньше другихъ здѣсь водворились братья Андрей и Петръ Семеновичи Строгановы, по царской грамотѣ отъ 15 сентября 1614 г., получившіе право „владѣть пустыми мѣстами, что по Камѣ рѣкѣ выше Осинскія слободы, отъ рѣки отъ Тулвы по Камѣ рѣкѣ вверхъ по правой сторонѣ до Никитинскія вотчинныя межи Строганова, до рѣчки до Ошапу, на 35 верстъ“. Земли вверхъ по Камѣ отъ устья р. Ошапа были отданы Никитѣ Строганову раньше, по царской грамотѣ отъ 7 апрѣля 1597 г., гдѣ и поставленъ былъ Очерскій острожекъ. По тогдашнему обычаю, новое пожалованіе Строгановымъ земель по Камѣ на 35 верстъ распространялось и на всѣ впадающія въ нее на этомъ протяженіи рѣчки съ ихъ устьевъ и до вершинъ, т. е. на оба берега Камы. До 1614 года эти мѣста составляли продолженіе обширнаго Казанскаго уѣзда, куда сначала принадле-

*) Къ 1678 г. относится перепись Осинскаго уѣзда стольника *Матвѣя Супонева*, о которой самъ-же *Шишонко* говоритъ подробно въ своей «Пермск. Лѣтописи» въ IV томѣ, стр. 148—9. Первое изданіе Осинской писцовой книги *Шишонко* было въ «Перм. Губ. Вѣдом.» 1879—1880 г.г. и оттисками отсюда.

жала и слобода Ново-Никольская или Оса съ ея монастыремъ. Вновь пожалованныя земли, въ качествѣ „пустыхъ мѣстъ", были отведены Строгановымъ въ 1614—15 годахъ Андреемъ Даниловымъ Хохловымъ, по наказу тогдашнихъ казанскихъ воеводъ князя Ивана Михайловича Воротынскаго (въ его вторичное воеводство въ Казани) да князя Юрія Петровича Ушатаго и дьяковъ ихъ Ѳедора Лихачева да Степана Дичкова *). Какъ было и при другихъ отводахъ земель Строгановымъ, Андрей Хохловъ былъ подкупленъ ихъ деньгами и представилъ пустыми земли, уже заселенныя крестьянами Осинской слободы, которые и жаловались на Хохлова. Новый отводъ предписано было повѣрить извѣстному писцу Михаилу Кайсарову, который въ 1623—24 г.г. составлялъ свои извѣстныя писцовыя книги по всей Перми Великой. Онъ нашелъ жалобу крестьянъ правою, почему межу вновь отводимой Строгановымъ землѣ установилъ выше р. Тулвы по рѣчкѣ Палю, лѣвому-же притоку Камы **). На Тулвѣ братья Строгановы оставили однако за собою *пустошь Поспѣловскую*, купивъ ее еще въ 1615 г. у осинскаго крестьянина Поспѣлка Двинянина „съ пашнею, и съ росчистьми, и съ займищи, и съ лугами" и т. д. Границы пустоши подробно указаны въ писцовой книгѣ Кайсарова. Еще за два года до писца Кайсарова, именно въ 1621 г., Новую Никольскую слободу на Осѣ переписывали *Осипъ Зюзинъ* и подъячій *Терентій Матвѣевъ* ***). По Осѣ это была вторая перепись послѣ Палицина и Аристова У послѣднихъ въ книгѣ 1596 г. только и описываются Оса и ея сосѣдній монастырь, потому что другихъ русскихъ селеній въ этомъ краѣ

*) Моя «Пермск. Старина» в. IV, стр. 125.

**) Тамъ-же, IV, стр. 125. Всѣ эти свѣдѣнія привожу по писцовой книгѣ Кайсарова, здѣсь изданной мною вполнѣ.

***) Старинный списокъ этой переписной находится въ Московскомъ архивѣ минист. юстиціи. Въ «Описаніи документовъ» архива перепись *Зюзина* см. подъ № 842, томъ I, стр. 83. Въ приложеніяхъ къ этому выпуску подъ № 2 см. извлеченіе изъ книги Зюзина.

тогда, вѣроятно, не было. Въ переписной-же книгѣ Зюзина и Матвѣева 1621 г. въ ближайшемъ округѣ, а по тогдашнему „Осинскомъ уѣздѣ“, упоминаются первыя русскія деревни, населенныя осинскими выходцами, а въ самой Осѣ указывается уже острогъ, т. е. внутренняя крѣпость, хотя селеніе ея все еще называется „Никольскою слободою“. На лѣвомъ берегу Камы, на ея притокахъ Осѣ и другихъ рѣчкахъ, упомянуты древнѣйшія русскія деревни *Семакова, Онаньина и Пѣтухова*, а съ казанской стороны, на правомъ берегу Камы—дер. *Нечкина, Гашкова, Жуланова, Толстая*. Все это были дворцовыя государевы селенія, крестьяне которыхъ, поэтому, обязаны были пахать государеву десятинную пашню. Далѣе переписанъ округъ Сарапула съ деревнями. Округъ г. Осы первое время простирался такимъ образомъ и за Каму, гдѣ нынѣ расположенъ уже оханскій уѣздъ, при чемъ древнѣйшія послѣ Осы русскія селенія въ тогдашнемъ Осинскомъ краѣ были совсѣмъ не тѣ, какія дважды, но ошибочно, указалъ г. Шишонко.

Почти одновременно заселяется русскими р. Тулва съ ея притоками, до основанія Осы состоявшая во владѣніи башкиръ Гайнинской волости. Въ 1618 г. у Тулвенскихъ башкиръ купилъ пустошь *племянникъ патріарха Гермогена, Андрей Семеновичъ Крыловъ*, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше была башкирская деревня Красный Яръ, близъ впаденія въ Тулву рѣчекъ Метавли, Кунжеля, Елпачихи, и Гремячей и по самой Тулвѣ—всего 4 чети земли съ пашнею, сѣнокосомъ, лѣсомъ, хмѣлевыми угодьями и рыбною ловлею. На купленную землю Андрей Крыловъ получилъ въ Казани изъ приказа Казанскаго дворца „оброчную грамоту“ за печатью царства Казанскаго и приписью дьяка Потапа Внукова, при казанскомъ воеводѣ князѣ Иванѣ Никитичѣ Одоевскомъ въ 1623 г. Въ этой оброчной грамотѣ было сказано, что „оброку ему, Андрею Крылову, съ тое пустоши по уговору

платить въ государеву казну въ Казани по 2 рубля ежегодъ *), что А. Крыловъ и исполнялъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Послѣ того онъ подалъ челобитную царю Михаилу Ѳеодоровичу и патріарху московскому Филарету Никитичу объ отдачѣ ему, Андрею Крылову, той пустоши въ вотчину и о снятіи съ него оброка „за многое страданіе дяди его, патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи“ и за его личную службу подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ и потомъ на Уфѣ. Согласно этой челобитной, въ 1628 г. А. Крылову дана была на его Тулвинскую оброчную купленную пустошь „жалованная вотчинная грамота“, за приписью дьяка Ивана Грязева, а въ Казань послано къ воеводѣ Ивану Петровичу Морозову съ товарищи предписаніе не брать впредь оброка съ пустоши Крылова и изъ окладныхъ оброчныхъ книгъ его исключить. Послѣ того возникаетъ здѣсь сперва деревня, а въ началѣ XVIII вѣка и *село Крылово, по церкви названное Покровскимъ*, которое существуетъ донынѣ. Отъ Крылова это имѣніе перешло къ его племяннику, а *патріарху Гермогену* внуку *Петру Чурину*, по грамотѣ отъ 2 апрѣля 1647 г. уфимскому воеводѣ Христофору Михайловичу Рыльскому. Отъ Чуриныхъ, въ свою очередь, имѣніе переходитъ по женской линіи къ фамиліи Нармацкихъ, еще раньше значительно увеличившись въ своихъ предѣлахъ. Наконецъ въ 1722 г. все имѣніе Крылово было продано Нармацкими баронамъ Александру, Николаю и Сергію Григорьевичамъ Строгановымъ, отъ которыхъ перешло въ родственную имъ по женской линіи фамилію князей Шаховскихъ **).

И на Тулвѣ, въ бывшей Гайнинской башкирской волости, способъ занятія русскими инородческихъ земель былъ насильственный, какъ вообще во всей Башкиріи, почему бунты

---

*) Изъ старинной рукописи, имѣющейся въ моемъ собраніи. Тоже дѣло изложено въ «Пермской Лѣтописи» томъ II на стр. 95—96 и 469—477.

**) «Пермская Лѣтопись», томъ II, стр. 96.

башкиръ бывали и здѣсь, особенно съ появленіемъ Строгановыхъ, когда въ 1736 г. самое село Крылово было выжжено вмѣстѣ съ церковью, а на другой годъ прикащикъ Строгановыхъ Уваровъ съ семействомъ и многія другія семьи въ томъ-же селѣ—до 126 человѣкъ—были перебиты на смерть, а другіе жители уведены въ плѣнъ озлобленными башкирами*). Въ одной позднѣйшей челобитной 1792 г., поданной повѣренными башкиръ Гайнинской волости генералъ-губернатору Пермскому и Тобольскому А. А. Волкову, они прямо заявляли отъ лица всѣхъ тулвенскихъ башкиръ, что послѣ перваго русскаго поселенца въ ихъ башкирской землѣ Андрея Крылова „его наслѣдники Чурины и Нармацкіе распространили и умножили свои владѣнія въ ихъ землѣ и *получили на оныя дачи отводы, справки и отказы совсѣмъ неправильно, и жалованныя Крылову грамоты выманы, потому что они, желая тѣ купленныя имъ земли навсегда укрѣпить и утвердить за собою, называли тогда ихъ пустыми, порожжими и никѣмъ не владѣемыми—совсѣмъ ложно,* потому что тогдашнія башкирскія селенія еще и прежде были въ близкомъ разстояніи отъ села Крылова, а другихъ хотя уже и нѣтъ, однако ихъ урочища указываютъ на существованіе селеній ихъ и понынѣ, особливо ихъ дяди, башкирца Анбагиша, земли коего состояли въ единственномъ только ихъ владѣніи“ **).

Такъ водворялись русскіе на земляхъ инородцевъ и въ частности башкиръ. Мы привели лишь немногіе факты въ доказательство того, что уступка башкирами своихъ исконныхъ земель русскимъ колонистамъ была подневольная; подобныхъ фактовъ можно-бы привести и много. Строгановы отличались особенной неразборчивостью въ способахъ занятія чужихъ земель—будь это земли инородцевъ, или еще раньше занятыя русскими-же. Такими не легальными способами они

*) Тамъ-же, стр. 475.
**) Тамъ-же, стр. 470.

заняли земли не только у осинскихъ государственныхъ крестьянъ между р.р. Тулвой и Палемъ, но и многія земли въ Перми Великой, какъ мы многократно говорили объ этомъ въ „Пермской Старинѣ“ *). Въ V выпускѣ этого изданія („Покореніе Угорскихъ земель и Сибири“) мы показали, что съ помощью вольныхъ казаковъ они пытались даже захватить въ концѣ XVI вѣка всю Западную Сибирь, но безуспѣшно, такъ какъ на этотъ разъ ихъ притязанія уже превзошли всякую мѣру сдержанности и встали въ явное противорѣчіе съ интересами государства.

Дальнѣйшую исторію русской колонизаціи Осинскаго края мы не будемъ излагать здѣсь, хотя имѣемъ возможность сдѣлать это по количеству матеріаловъ, коими располагаемъ въ настоящее время.

III.

Башкирскія возстанія въ XVII и XVIII в.в.

Въ предыдущихъ статьяхъ о Башкиріи мы указали тѣ соціально-экономическія условія, въ которыя былъ поставленъ башкирскій народъ съ подчиненіемъ его русской власти. Московскіе государи считали ихъ земли своею собственностію со времени вступленія башкиръ въ русское подданство; тому же правилу они слѣдовали при покореніи и другихъ инородцевъ, наприм. въ Перми Великой, Западной Сибири и въ частности въ Верхотурскомъ краѣ. Но вообще они милостиво относились къ инородцамъ, а къ башкирамъ, какъ принявшимъ русское подданство добровольно, были въ первое время особенно милосерды.

*) Напримѣръ въ выпускѣ I, стр. 98—100; вып. II, 176—184; вып. IV, 125 и т. д.

Припомнимъ, что башкиры сами себя считаютъ потомками ногайскихъ татаръ, нѣкогда владѣвшихъ ими. Въ XV и началѣ XVI вѣка западная отрасль ихъ зависѣла отъ казанскихъ хановъ, а восточная — отъ князей тюменскихъ, по географическому положенію. Когда Казань покорилась Іоанну IV, а Тюмень Кучуму, Башкирія на нѣкоторое время осталась независимою. Скоро однако башкиры оказались между двухъ огней: съ запада, изъ предѣловъ бывшаго Казанскаго царства, сюда стали проникать всѣ недовольные московскою властью инородческіе элементы, а по слѣдамъ ихъ и вооруженные отряды московскихъ стрѣльцовъ въ качествѣ ихъ преслѣдователей; а съ востока башкирамъ сталъ угрожать Кучумъ, столь же грозный, какъ царь Іоаннъ. При такомъ положеніи башкиры сочли за лучшее добровольно подчиниться Москвѣ (за исключеніемъ лишь небольшой части ихъ). Они просили даже Іоанна поставить въ ихъ странѣ для защиты отъ тревожныхъ сосѣдей укрѣпленный русскій городъ. Царь милостиво принялъ башкиръ подъ свою высокую руку, велѣлъ построить крѣпость Уфу и наложилъ на башкиръ ясакъ даже легче того, какой раньше они платили ханамъ казанскимъ и сибирскимъ. Онъ оставилъ за ними почти всѣ тѣ земли, гдѣ прежде жили Ногаи по рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Ику и другимъ, и далъ сверхъ того многія льготы, наприм. право принимать на свои земли пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ (они носили общее названіе тептярей) и собирать съ нихъ оброкъ въ свою пользу, управляться по своимъ обычаямъ, раздѣляясь по старымъ „дорогамъ“ и т. п. Башкирамъ оставлена неприкосновенность ихъ вѣры; натуральныя повинности были наложены на нихъ не тяжелыя. Казалось бы, при такихъ льготахъ башкирамъ можно было жить въ довольствѣ и спокойствіи тѣмъ болѣе, что по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Башкирія считалась благодатною страною.

Между тѣмъ кому же не извѣстно, что эта плодородная страна въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій служила главнымъ очагомъ инородческихъ возстаній, сценою страшной безурядицы, мятежей, иногда поголовныхъ бунтовъ противъ русскихъ! Причинъ тому было много какъ внутри Башкиріи, такъ и внѣ ея. Не смотря на мягкіе законы о башкирахъ, на всѣ дарованныя имъ льготы, мѣстная русская администрація и здѣсь не стѣснялась царскими указами, заявляла о своемъ могуществѣ и корыстолюбіи и дозволяла себѣ безнаказанно всякія правонарушенія. Мы уже видѣли въ Зауральской Башкиріи примѣры того, какъ подъ видомъ пустыхъ, „порожжихъ“ земель русскіе занимали по Исети и въ озерномъ бассейнѣ старинныя башкирскія вотчины со всѣми ихъ угодьями; какъ сопротивлялись этому насилію прежніе владѣльцы вотчинъ, и какъ нагло лгали въ своихъ челобитныхъ новые пришельцы на тѣ мѣста. Видѣли мы подобные же, но болѣе яркіе примѣры захватовъ чужихъ земель и въ Осинской Башкиріи при колонизаціи русскими бассейна р. Тулвы. Могли-ли башкиры, да и всякій въ ихъ положеніи народъ, быть равнодушными зрителями такихъ захватовъ? Къ этому надо присоединить постоянныя вымогательства ясака сверхъ положеннаго, всякія другія притѣсненія въ случаѣ неисполненія беззаконныхъ требованій русскихъ служилыхъ людей— и мы поймемъ то постоянное недовольство башкиръ русскою властью, которое иногда переходило въ злобу и месть противъ притѣснителей. Поистинѣ, „законы были святы, да исполнители—лихіе супостаты“. Конечно, все это творилось безъ вѣдома царя, въ глухой, почти дикой окраинѣ. Не тоже ли самое видѣли мы въ Перми Великой и Западной Сибири?! *).

Къ этой основной причинѣ башкирскаго недовольства присоединялась другая, такъ сказать, внѣшняя. Какъ было

*) Напр. «Перм. Старина» II, 106, 189—191, 213—215 и др.; VII, 15—19 и т. д.

въ Сибири послѣ паденія Кучумова царства, такъ было въ Башкиріи послѣ паденія царства Казанскаго: инородцы еще долго не могли забыть своей политической независимости, своихъ прежнихъ мусульманскихъ властителей, иногда окруженныхъ ореоломъ славы и могущества въ ихъ народныхъ преданіяхъ. Разныя неустройства въ управленіи и злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей тѣмъ болѣе поддерживали въ инородцахъ этотъ духъ непокорства, питали ихъ злобу противъ русскихъ *). Вліяніе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ тутъ оказывалось сильнѣе всякихъ льготъ и царскихъ милостей, неоправдывавшихся печальной дѣйствительностью.

А. Сеитовскій бунтъ.

Выяснивъ общія причины башкирскихъ волненій, мы можемъ теперь перейти къ изложенію главнѣйшихъ фактовъ этого рода. Всѣхъ волненій перечислять здѣсь мы не станемъ, такъ какъ многія уже указаны въ „Пермской Старинѣ“ вып. VII, глава 1-я. Первый обще-башкирскій бунтъ, въ которомъ приняли участіе и другіе приволжскіе и прикамскіе инородцы, происходилъ во второй половинѣ XVII вѣка и по главному организатору Сеиту называется въ исторіи и въ народной памяти „*Сеитовскимъ бунтомъ*“ **). Онъ былъ частію продолженіемъ прежнихъ волненій, вызванныхъ Кучумовичами, частью обусловливался и внутренними непорядками въ Башкиріи. Такъ какъ онъ уже неоднократно былъ описанъ прежде ***), то мы приведемъ здѣсь только тѣ факты,

*) Примѣры см. въ «Пермс. Старинѣ», вып. VI, стр. 119—121; вып. VII, см. всю 1-ю главу, стр. 13—33, гдѣ указаны волненія до половины XVII вѣка.

**) Такъ какъ онъ коснулся и южной окраины Перми Великой, то мы отчасти уже говорили о немъ въ «Пермс. Старинѣ», вып. II, стр. 213 и др.

***) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи» XII, 302—303 и др. *Ѳирсовъ*: «Положеніе инородцевъ» стр. 147—150. Перепечатки въ «Пермс. Лѣтописи», томъ III, стр. 677, 683—706 и др., гдѣ допущена путаница о самомъ Кунгурѣ.

которые имѣли мѣсто въ предѣлахъ нынѣшней Пермской и частію Уфимской губерній.

Бунтъ продолжался около 6 лѣтъ съ 1662 до 1668 г. Въ немъ участвовали башкиры уфимскіе, исетскіе, осинскіе; татары сылвенскіе, иренскіе, шаквинскіе въ Кунгурскомъ уѣздѣ и болѣе отдаленные уржумскіе, вятскіе и даже казанскіе; затѣмъ черемисы, чуваши, мордва и др. Бунтъ захватилъ обширное пространство. Въ нашей губерніи онъ захватилъ Кунгурскій уѣздъ, при чемъ сильно пострадалъ и самый Кунгуръ, пустыни Рождественская, Воздвиженская и весьма многія деревни. Подробности кунгурскихъ безпорядковъ уже были описаны нами раньше („Перм. Старина", вып. II, стр. 213—214; о самомъ Кунгурѣ см. тамъ же стран. 120—122, 212, 215—216). Кромѣ того бунтомъ было охвачено нынѣшнее Пермское Зауралье, начиная съ рѣки Тагила, къ югу до Исети и по этой рѣкѣ вверхъ до ея истока *).

Первыя вѣсти о скопищахъ башкиръ, черемисъ и татаръ около Катайскаго острога и Далматова монастыря на Исети въ концѣ іюля 1662 г. были получены отъ старца Далмата тюменскимъ воеводою Мих. Данил. Павловымъ. Далматъ сообщалъ, что мятежники держатъ въ осадѣ Катайскаго прикащика Ивана Широкаго съ 29 іюля. Въ то же время прикащикъ Бѣляковской слободы Иванъ Протопоповъ писалъ тому же тюменскому воеводѣ, что 30 іюля 1662 г. у Далматова монастыря и Катайскаго острога собралось бунтовщиковъ до 600 человѣкъ. Воевода Павловъ 31 іюля послалъ отписку объ этомъ прикащику Нижне-Ницынской слободы Микулѣ Панову, убѣждая его „жить съ великимъ береженьемъ отъ воинскихъ людей" и о томъ же сообщать въ другія слободы. Отъ 6 августа 1662 г. туринскій стряп-

*) Въ «Перм. Лѣтоп.» т. III, стр. 683—702 напечатанъ рядъ отписокъ слободскихъ прикащиковъ, по которымъ мы и прослѣдимъ ходъ дѣла.

чій и воевода Василій Матв. Трегубовъ писалъ въ Чубаровскую слободу прикащику Выходцеву, что „на Исетѣ рѣкѣ у Далмата старца пріѣхали Калмытскіе воинскіе люди и воюютъ-де на Исетѣ... и тѣ воинскіе люди и измѣнники башкирцы, черемиса и выѣзжіе татара, которые выѣхали на Исеть и стояли подъ Далматовымъ монастыремъ и зимовали,... на Уткѣ рѣкѣ слободу, и Катайскій острогъ, и Далматьевъ монастырь, и на Пышмѣ новую Ощепкову слободу и Невьянскаго монастыря слободу воевали, людей побили и скотъ отогнали, и дворы выжгли..... А которые прибѣгаютъ съ вѣстью, и по ихъ сказкѣ по смѣтѣ тѣхъ воинскихъ людей двѣ тысячи человѣкъ". Эти вѣсти быстро сообщались слободскими прикащиками отъ одного къ другому, почему вездѣ были приняты мѣры къ оборонѣ. Не смотря на то, мятежники сдѣлали много зла русскимъ слободамъ, не говоря уже о беззащитныхъ деревняхъ. Изъ дальнѣйшей переписки прикащиковъ видно, что въ томъ же году „августа въ 11 день Мурзинскую слободу на р. Нейвѣ воровскіе татара до конца разорили, храмъ и государевы житницы сожгли, а крестьянъ на поляхъ всѣхъ побили и деревни всѣ выжгли, и скотъ отогнали". Въ этомъ погромѣ участвовали, кромѣ башкиръ, верхотурскіе и аятцкіе вогуличи, пышминскіе и епанчинскіе (туринскіе) татары, которые „всѣ великимъ государемъ измѣнили, а хотятъ де послѣ итти войною на Нейву и на Арамашеву и на всѣ слободы", писалъ отъ 13 августа того же 1662 г. арамашевскій прикащикъ Аѳанасій Бибиковъ невьянскому—Семену Пелымскому. Въ концѣ той же отписки между прочимъ говорится, что бунтъ тогда охватилъ Чусовую и ея притокъ Сылву, при чемъ даже городъ Кунгуръ, не смотря на его укрѣпленія, „весь повоевали татара и башкирцы, и мордва, и черемиса, и чуваша,... а стоятъ-де тѣ татара на Сылвѣ подъ Спаскимъ монастыремъ,... а крестьянскіе дворы на Сылвѣ всѣ вызжены" („Пермск. Лѣтоп." в. III, 688).

Въ концѣ августа и началѣ сентября 1662—63 годовъ ко всѣмъ перечисленнымъ мятежникамъ въ Башкиріи присоединились татара уфимскіе, сылвенскіе, казанскіе, вятскіе и уржумскіе,... „а подговаривалъ татаръ воевать Сары Мергенько, который зимовалъ подъ Катайскимъ острогомъ; и все-де у нихъ по сговору съ Крымскимъ царемъ; а въ Сибирь-де отряжено у нихъ, татаръ, воевать 20000“, (тамъ же, стран. 692—693). Такимъ образомъ въ 1663 г. бунтъ принялъ очень угрожающій характеръ, разлившись по обоимъ склонамъ средняго Урала. Не осталось, кажется, ни одной государевой слободы, которая бы не пострадала отъ мятежниковъ.

Первый общій или Сеитовскій башкирскій бунтъ не чуждъ былъ и внѣшнихъ вліяній со стороны кучумовичей. Мы уже говорили о царевичѣ Кучукѣ, все еще мечтавшемъ о возможности возстановленія павшаго татарскаго царства на берегахъ Иртыша *). Его приверженцы уже разоряли русскія селенія въ Исетскомъ краѣ въ 1651 г. Теперь настала для Кучука самая благопріятная минута. Въ 1663 г. толпа бунтовщиковъ болѣе тысячи человѣкъ подъ личнымъ его начальствомъ стала опустошать волость невьянскую и ирбитскую слободу съ ея округомъ. Въ селѣ Покровскомъ она побила всѣхъ крестьянъ, сожгла церковь и дворы; далѣе разорила слободы Ирбитскую, Усть-Ирбитскую, Бѣлослудскую; потомъ двинулась на Арамашевскую слободу, на рѣку Режъ, на Невьянскій острогъ и т. д. Только подошедшее изъ Тобольска свѣжее войско подъ начальствомъ полковника Дмитрія Полуевктова заставило мятежную толпу прекратить разбои, а самого царевича Кучука—бѣжать **).

Въ концѣ 1663 г. башкиры уфимскаго уѣзда, ногайской и казанской дорогъ, заявили уфимскому воеводѣ князю

*) «Пермс. Старина» VII, 33.

**) *Фирсовъ*: «Положеніе инородцевъ», I, 149. *Шишонко*: «Пермс. Лѣтопись», III, 698—702. *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири» I, 101.

Андрею Волконскому, что они винятся предъ царемъ и по прежнему хотятъ быть подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холопствѣ. Кн. Волконскій обнадежилъ ихъ царскою милостью, послѣ чего башкирцы послали въ Москву выборныхъ, которые въ приказѣ Казанскаго дворца предъ бояриномъ кн. Долгорукимъ поклялись на коранѣ — отъ калмыковъ и ногайцевъ отстать и служить государю вѣрою и правдою. Послѣ того кн. Волконскій убѣждалъ уфимскихъ башкиръ уговаривать прекратить мятежъ и башкиръ сибирской и осинской дорогъ. Но послѣдніе не сразу однако угомонились *). Уфимскіе башкиры смирились потому, что противъ нихъ выслано было войско изъ Москвы чрезъ Казань подъ начальствомъ стольника и воеводы Андрея Языкова, которому, по царскому указу **), велѣно было дать съ Великой Перми, съ каждыхъ пяти дворовъ по человѣку, итого 1104 человѣка. „А быть тѣмъ даточнымъ людемъ въ полку у столника и воеводы у Андрея Языкова на время, покамѣстъ измѣнники, татаровя и башкирцы, отъ измѣнъ обратятся и намъ, великому государю, въ винахъ въ своихъ добьютъ челомъ“; тѣмъ же указомъ велѣно было дать этимъ даточнымъ людямъ и хлѣбные запасы на все время похода, сколько доведется, съ посадскихъ и съ уѣздныхъ крестьянъ Чердыни и Соликамска и вотчинъ Строгановыхъ.

Итакъ, угрожаемые съ востока полковникомъ Полуевктовымъ и съ запада—воеводою Языковымъ, мятежники принуждены были, наконецъ, смириться. Общее возстаніе понемногу утихло, но отдѣльныя вспышки не вполнѣ потушеннаго огня еще показывались кое-гдѣ и послѣ 1664 года. Въ маѣ 1665 года прибѣжали подъ Киргинскую слободу татары, угнали лошадей внизъ по Ницѣ, но посланный отрядъ русскихъ догналъ ихъ и отнялъ добычу. Въ 1667 г. сибир-

*) *Фирсовъ:* «Положеніе инородцевъ» I, 149—150. «Пермск. Лѣтопись» III, стр. 674—675.

**) См. его въ «Пермс. Лѣтоп.» III, стр. 702—704.

скіе воеводы извѣстились о новыхъ приготовленіяхъ царевича Кучука къ войнѣ, а затѣмъ тѣ же вѣсти дошли до Катайскаго острога: „стоитъ-де царевичь вверхъ по Ишиму, за горою Юпаромъ во днищѣ, а людей-де у него человѣкъ 400... и просилъ-де царевичь у калмыковъ людей итти войною на государевы города и слободы“..... *). Наконецъ въ 1668 г. первый башкирскій бунтъ, продолжавшійся около 6 лѣтъ, утихъ, но очень не надолго, какъ показали дальнѣйшія событія въ Башкиріи.

Новые безпорядки среди башкиръ возникли въ 1676 г. На этотъ разъ они продолжались лѣтъ 5, а именно до 1681 г. Этотъ-то бунтъ нѣкоторые историки и считаютъ дѣломъ Сеита, башкирскаго старшины, называя его „Сеитовскимъ“, а всѣ предыдущія волненія башкиръ они принимаютъ только за предварительную подготовку къ этому бунту. Первый высказалъ это мнѣніе извѣстный Рычковъ, а затѣмъ, ссылаясь на него, проф. Ѳирсовъ **). Но сибирскій историкъ Словцовъ и позднѣйшій историкъ Башкиріи г. Витевскій не согласны съ такимъ мнѣніемъ Рычкова и относятъ „Сеитовскій“ бунтъ къ 1660-мъ годамъ, считая дальнѣйшія движенія только новымъ его повтореніемъ въ 1670-хъ годахъ, опять при участіи того же Сеита, который организовалъ и первое возстаніе среди башкиръ въ нынѣшней Уфимской губерніи ***). Витевскій писалъ слишкомъ на столѣтіе позже Рычкова и, слѣдовательно, могъ воспользоваться бо̀льшимъ количествомъ собраннаго матеріала. Тоже надо сказать о Словцовѣ, уроженцѣ Пермскаго Зауралья, который издалъ первую часть своего „Обозрѣнія Сибири“ въ 1838 году, т. е. чрезъ три четверти вѣка послѣ изданія „Топографіи“ Рычкова.

---

*) *Ѳирсовъ*: «Положеніе инородцевъ», I, 150—151.

**) *Рычковъ*: «Топографія Оренбургская», часть I. СПБ. 1762 г., стран. 88. *Ѳирсовъ*: «Положеніе инородцевъ». Казань. 1866 г., стр. 154.

***) *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири», ч. I, стр. 101 и *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ и Оренбур. край». Казань. ч. I, стр. 130—131.

Съ послѣдними двумя учеными соглашаемся и мы. Дѣйствительно, Словцовъ уже знаетъ полковника Полуевктова и воеводу Языкова, усмирителей „Сеитовскаго бунта", о которыхъ Рычковъ еще не говоритъ. Сказавъ объ устройствѣ въ Тобольскѣ тысячнаго пѣхотнаго полка и пятисотнаго рейтарскаго и о выходѣ обоихъ полковъ подъ командою Полуевктова въ 1662 году на защиту слободъ по рѣкамъ Тоболу и Исети, Словцовъ заключаетъ: „Бунтъ Сеитовскій продолжался три года, а по границѣ Исетской четыре, судя по отбытію полковъ Полуевктова, и по возврату ихъ въ Тобольскъ не прежде 1667 г. (см. часть I, стр. 101 по изд. 1886 г.). Между тѣмъ Рычковъ, ничего этого еще не вѣдавшій, прямо говоритъ о событіяхъ 1670-хъ годовъ, начиная отсюда исторію „Сеитовскаго" бунта. Сказавъ, что возмущеніе башкиръ началось въ 1676 году, онъ продолжаетъ: „Зачинщикомъ и предводителемъ въ немъ былъ башкирскій старшина Сеитъ, отъ котораго и бунтъ этотъ называется сеитовскимъ. Онъ не токмо на ту противность всю Башкирію преклонилъ, но и съ киргизъ-кайсаками соединясь, года съ три то свое бунтовщичье намѣреніе продолжалъ, и всѣ закамскіе пригороды съ большею частію Казанскаго уѣзда разорилъ и многія тысячи христіанъ побѣдилъ. Для усмиренія сего бунта присланъ былъ изъ Москвы полковой воевода Ѳедоръ Васильевъ сынъ Зеленинъ съ стрѣлецкими полками, у котораго въ командѣ донскіе, яицкіе и украинскіе казаки находились, и едва оной ихъ бунтъ по претерпѣніи безчисленныхъ убытковъ успокоенъ безъ всякаго тѣмъ злодѣямъ отмщенія" (часть I, 88). Такимъ образомъ Рычковъ по невѣдѣнію допустилъ очевидную ошибку въ передачѣ фактовъ „Сеитовскаго" бунта, а проф. Ѳирсовъ повторилъ его ошибку, не справившись внимательно со Словцовымъ. Позднѣйшій историкъ Башкиріи г. Витевскій уже воспользовался трудами всѣхъ троихъ предшественниковъ по разработкѣ этого вопро-

са (см. у Ѳирсова I, 154, у Витевскаго I, 130—131). При богатствѣ матеріала, которымъ онъ располагалъ, г. Витевскій добавилъ нѣкоторыя важныя подробности къ сообщенному раньше. Начало дѣйствій самого Сеита онъ относитъ къ 1664 году. Причиною же замиренія башкиръ въ Уфимскомъ и Казанскомъ уѣздахъ онъ считаетъ не одно выступленіе воеводы Языкова съ войскомъ изъ Москвы чрезъ Казань, но и отпаденіе отъ башкиръ калмыцкаго хана (тайши) Аюки, принявшаго русское подданство, что ослабило силы мятежниковъ. О дѣйствіяхъ Полуевктова въ Зауральѣ для усмиренія башкиръ Витевскій не счелъ нужнымъ упомянуть, тогда какъ Ѳирсовъ, наоборотъ, упомянувъ о нихъ, ничего не говоритъ объ Языковѣ и не все нужное сказалъ объ Аюкѣ. Во всякомъ случаѣ П. А. Словцовъ оказался всѣхъ обстоятельнѣе въ изложеніи фактовъ перваго башкирскаго бунта.

Возстаніе башкиръ въ 1670-хъ годахъ было предпринято въ союзѣ съ киргизъ-кайсаками и, по словамъ Рычкова, длилось года три. На самомъ дѣлѣ безпорядки продолжались дольше—около 5 лѣтъ. Казацкій полкъ воеводы Ѳедора Зеленина опять подавилъ возстаніе лишь на время. Въ 1679 г. въ Москвѣ стало извѣстно, что въ Башкиріи готовится новое возмущеніе, что мятежники собираются снова идти на Кунгуръ и государевы сибирскія слободы. Дѣйствительно, скоро подъ Кунгуромъ явились татары зимою на лыжахъ, взяли острогъ и разорили нѣкоторыя деревни, а въ 1680 г. уфимскіе башкиры примиряются съ калмыцкимъ тайшею Аюкою, но это примиреніе, кажется, не имѣло послѣдствій для Пермскаго края *). Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать догадку относительно усмирителя башкирскаго мятежа, Зеленина. Въ 1676—79 г.г. Кунгурскимъ воеводою былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Зеленой, а усмирителемъ башкирскаго

*) *Ѳирсовъ:* «Положеніе инородц.» 154. См. также «Акты Историч.», т. V—грамоты 1676 г. іюня 7 и 1679 г. марта 11. Въ «Перм. Лѣт.» т. IV онѣ перепечатаны—первая на стр. 58, вторая на стр. 341—342.

возстанія тѣхъ же годовъ всѣ историки, начиная съ Рычкова, называютъ присланнаго съ Москвы съ казацкимъ полкомъ воеводу Ѳедора Васильевича Зеленина. Нѣтъ-ли тутъ простой ошибки въ отчествѣ Зеленина и не одно-ли и тоже это лицо съ кунгурскимъ воеводою Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Зеленымъ, которому и дана была царская грамота отъ 7 іюня 1676 г. о необходимости мѣръ предосторожности на Кунгурѣ. Вѣдь и кунгурскій воевода Зеленой былъ присланъ съ Москвы. Если наша догадка вѣрна, то вопреки мнѣнія всѣхъ прежнихъ историковъ по этому вопросу, мы должны признать за кунгурскимъ воеводою Ѳ. А. Зеленымъ и заслугу усмирителя Сеитовскаго мятежа въ Башкиріи.

На этотъ разъ замиреніе Башкиріи продолжалось до 1707 года, т. е. 27 лѣтъ, но какъ и раньше, оно не было полнымъ умиротвореніемъ края. Мѣстами бывали волненія и въ этотъ небольшой промежутокъ времени. Напримѣръ въ 1683 г. башкиры произвели безпорядки около Мензелинска, но были усмирены яицкими казаками *).

Б. Алдаро-Кусюмовскій бунтъ.

Мы прослѣдили первый башкирскій бунтъ, извѣстный подъ именемъ Сеитовскаго, и связанные съ нимъ нѣкоторые спорные вопросы. Такъ какъ съ усмиреніемъ его не были однако устранены внутреннія причины недовольства башкиръ, т. е. не были упорядочены прежде всего поземельныя отношенія между туземнымъ и пришлымъ русскимъ населеніемъ въ Башкиріи, составъ русской администраціи въ краѣ и порядокъ взиманія ясака съ инородцевъ, то и миръ въ этой окраинной странѣ не могъ быть прочно обезпеченъ. Подъ угрозой военной силы инородцы только на время притихли, тая въ душѣ непримиримую злобу противъ русскихъ, на которыхъ они не безъ основанія смотрѣли, какъ на виновни-

*) *Витевскій*, I, 131.

ковъ своихъ несчастій. Дѣйствительно, составъ русскихъ служилыхъ людей въ Башкиріи въ началѣ XVIII вѣка нисколько не улучшился нравственно по сравненію съ людьми предыдущаго столѣтія. Факты говорятъ даже за обратное явленіе, какъ ни прискорбно это для нашего національнаго самолюбія. Въ доказательство можно привести выдержки изъ челобитныхъ самихъ башкиръ, гдѣ нельзя же предполагать только сплошную клевету на русскихъ. Такъ, въ 1728 г. башкирская депутація подала въ Москвѣ челобитную отъ лица башкиръ всѣхъ четырехъ дорогъ, въ которой они просили правительство защитить ихъ отъ разныхъ притѣсненій со стороны русскихъ людей: ѣздятъ-де къ нимъ цѣловальники не малымъ числомъ и каждый имѣетъ при себѣ человѣкъ по пяти, требуютъ себѣ подводъ, гусей, утокъ, рыбы, пива, меду, а кто не даетъ, то разоряютъ напрасными поклепами; что-де *многими ихъ землями насильно завладѣли русскіе*, уфимскіе, сарапульскіе и буинскіе волостные люди, и откупщики казанскіе и московскіе, и мещеряки и другіе пришельцы; что-де аманатовъ ихъ употребляютъ на тяжелыя работы и т. д. *). Или другой примѣръ подобной челобитной. „*Разореніе было не отъ насъ*, заявляли башкирцы. Мы ясаки платили, и подводы давали, и службы служили, а пріѣхали въ Уфу городъ Михайло Доховъ и Андрей Жихаревъ и наложили на насъ тягости, которыхъ на отцахъ и дѣдахъ нашихъ положено не было, 72 статьи прибыли наложили.... мы съ ними спорили. Да послѣ того пріѣхалъ къ намъ Александръ Савичъ Сергѣевъ со многими полками и бралъ много подводъ, многими бѣдами насъ изнурялъ: призвалъ нашихъ добрыхъ выборныхъ людей, поилъ ихъ зельемъ и виномъ и порохомъ жегъ навзлетъ, многихъ людей тѣмъ до смерти поморилъ, билъ, мучилъ и въ крѣпкія мѣста запиралъ, стращалъ, что повѣситъ и изрубитъ, и бралъ сказки,

*) *Н. А. Ѳирсовъ*: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства». Казань. 1869 г., стр. 225.

что великому государю дать-бы пять тысячь лошадей да 100 человѣкъ людей, и выборные люди по неволѣ сказки дали. Послѣ того Хохловъ выѣхавъ со многими полками на Ногайскую дорогу для разоренія насъ, да за нимъ же выѣхалъ Сидоръ Аристовъ со многими полками, разорилъ деревни наши и пожегъ, и въ полонъ людей бралъ" *). Допустимъ, въ челобитныхъ башкиръ были нѣкоторыя преувеличенія, какія встрѣчаются и въ жалобахъ самихъ русскихъ на башкиръ; но во всякомъ случаѣ башкиры безъ основанія не писали бы челобитныхъ. Дурное управленіе ими было главною причиною ихъ недовольства.

Таковы были соціально-экономическія причины второго общаго возстанія башкиръ, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ „Алдаро-Кусюмовскаго бунта". Къ нимъ присоединялись, какъ было и при первомъ бунтѣ, причины политическаго характера — сепаратическія стремленія башкиръ-мусульманъ въ союзѣ съ единовѣрными сосѣдними народами того же тюркскаго племени, съ татарами, киргизами, каракалпаками и т. д. „*Тамъ, въ Башкиріи, все еще мечтали о совершенной независимости отъ русской власти*, о возстановленіи независимаго магометанскаго ханства" **). Эти стремленія исходили главнымъ образомъ отъ мусульманскаго духовенства бывшаго Казанскаго царства, для котораго Башкирія, раздираемая безпрестанными смутами, была особенно сподручной страной. „Башкирскій край сдѣлался собственно колоніей татаръ, не хотѣвшихъ подчиниться русской власти и не терявшихъ вѣры въ возможность возврата стараго магометанскаго порядка вещей. Сюда они перенесли всю вражду къ русскимъ и здѣсь возобновили, опираясь на башкирцевъ, ... ту борьбу, въ которой на берегахъ Волги, Тобола и Иртыша мусульманскіе муллы, князья и мурзы должны были уступить побѣду

*) Тамъ же, стр. 214. См. также «Исторію Россіи» *Соловьева*, изданіе 1-е, томъ XVI, М. 1866 г., стр. 386.

**) *Оирсовъ* въ томъ же сочиненіи стр. 231.

народу, боровшемуся съ ними во имя христіанскаго Бога и великаго государя" *). „Къ началу XVIII вѣка противности башкирцевъ русской власти и вражда къ русскому населенію не теряютъ характера борьбы, имѣющей цѣлью возстановить въ восточной Россіи независимое ханство, возвратить магометанству тотъ авторитетъ, которымъ оно пользовалось въ области Волги, Камы и въ Сибири до паденія ханствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Напротивъ, эта сторона вражды къ Россіи, шедшей изъ Башкиріи, теперь еще болѣе противъ прежняго усилилась" **).

Взаимодѣйствіемъ указанныхъ двухъ причинъ и было вызвано второе общее возстаніе башкиръ въ союзѣ съ другими инородцами при Петрѣ Великомъ. Главарями возстанія на этотъ разъ выступили: на Ногайской дорогѣ Алдаръ, на Осинской—Кусюмъ и на Казанской—Измаилъ. Отъ первыхъ двухъ бунтъ получилъ свое историческое названіе. Всѣ они дѣйствовали подъ знаменемъ какого-то хана, вѣроятно, вымышленнаго. Возстаніе началось въ 1707 г. въ Уфимской Башкиріи подъ руководствомъ башкирскаго старшины Алдара. Уфимскимъ коммисаромъ по башкирскимъ дѣламъ и, кажется, воеводою былъ упомянутый выше Александръ Сергѣевъ, на безчеловѣчные поступки котораго жаловались башкиры въ своей челобитной. На Казанской дорогѣ между тѣмъ поднялъ возстаніе Измаилъ, котораго поддерживалъ Кусюмъ на Осинской дорогѣ. Какъ было и во время перваго бунта, возстаніе скоро охватило и Зауралье, особенно Исетскій край. Хотя въ Уфѣ жестокій Сергѣевъ былъ удаленъ отъ службы и потомъ на страхъ другимъ былъ повѣшенъ въ Казани, по указу Петра Вел., но возмущеніе не утихло. Назначенный вмѣсто него воеводою въ Уфу Александръ Аничковъ дѣлалъ уступки башкирамъ, но и эта мѣра не помогала. Мятежъ

*) Тамъ же, стр. 231—232.

**) Тамъ же, стр. 232.

принялъ столь упорный характеръ, что даже регулярныя русскія войска терпѣли одну неудачу за другой. Изъ Уфы былъ высланъ противъ бунтовщиковъ Петръ Хохловъ съ войскомъ въ 900 чел., а изъ Казани на помощь къ нему— отряды Исидора Аристова и полковника Рыдаря. Башкиры боролись съ русскими въ союзѣ съ татарами, мещеряками, каракалпаками, киргизами и другими выходцами изъ степей передней Азіи. Успѣхамъ мятежниковъ кромѣ численнаго ихъ превосходства содѣйствовало то обстоятельство, что самъ царь тогда былъ занятъ войною со шведами и не могъ послать въ Башкирію большого войска и лично слѣдить за ходомъ дѣлъ на востокѣ. Мятежники въ союзѣ съ татарами и другими инородцами разгромили весь Уфимскій уѣздъ и затѣмъ перешли въ Казанскій, не дойдя до Казани только 30 верстъ. Въ виду такой опасности, казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ выслалъ противъ нихъ новое войско подъ командою Осипа Бартенева. До чего велико было разореніе отъ мятежа, видно изъ донесенія царю вновь назначеннаго казанскаго губернатора Петра Апраксина отъ 1709 года. До февраля этого года, по его показанію, въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ выжено и разорено было селъ и деревень 303, а людей погибло и уведено въ плѣнъ 12705 чел. (Өирсовъ, стр. 221). Городъ Кунгуръ на этотъ разъ однако уцѣлѣлъ отъ погрома, благодаря новымъ его укрѣпленіямъ, и распорядительности тогдашняго Сибирскаго губернатора князя Гагарина. Но села Мѣдянское, Судинское, Алтынное, Богородское, Преображенское и мн. друг. сильно пострадали отъ мятежниковъ *). Слѣдовательно, нынѣшніе уѣзды Кунгурскій, Осинскій и Красноуфимскій, составлявшіе тогда часть обширнаго Казанскаго уѣзда, сдѣлались жертвою второго башкирскаго погрома.

---

*) «Пермс. Лѣтоп.» *Шишонко*, томъ VII, стр. 412. Также см. «Словарь» *Чупина* подъ соотвѣтственными названіями.

Выше мы упомянули, что этотъ погромъ постигнулъ и наше Зауралье, особенно Исетскій край. Многіе башкиры еще помнили первый Сеитовскій бунтъ съ его звѣрствами, пожарами, неистовствомъ по отношенію къ русскому населенію. Но теперь главные оборонительные пункты на р. Исети—Далматовскій монастырь и Катайскій острогъ мятежники нашли не столь беззащитными, какъ въ первый разъ. Вмѣсто деревянныхъ укрѣпленій, которыя можно было истреблять огнемъ, они нашли на тѣхъ же мѣстахъ каменныя твердыни, обставленныя пушками и хорошо снабженные разными военными снарядами и гарнизонами. Поэтому-то какъ монастырь, такъ и острогъ теперь уцѣлѣли отъ разоренія мятежниковъ *). Главное вниманіе послѣднихъ теперь обращено было на новыя мелкія слободы, сравнительно еще слабо защищенныя. Большая часть ихъ были разбросаны по долинѣ Исети, каковы Шадринская, Крутихинская, Пещанская, двѣ Теченскія и другія. Здѣсь-то мятежники и проявили на этотъ разъ свою жестокость. Сохранилось много отписокъ прикащиковъ разныхъ слободъ о набѣгахъ башкиръ, о причиняемыхъ ими разореніяхъ крестьянамъ и о дѣйствіяхъ противъ нихъ, но приводить здѣсь мелкія подробности мы не видимъ надобности **).

Когда же и какъ кончилась эта суматоха, эта ужасная башкирская смута, принесшая намъ столько потерь и несчастій? Отвѣтить на этотъ вопросъ едва-ли возможно. Хотя общій Алдаро-Кусюмовскій бунтъ къ 1711 году былъ подавленъ, но волненіе среди инородцевъ часто обнаруживалось спорадически и послѣ того. Подавленіе мятежа было дѣломъ князя Петра Ивановича Хованскаго, выступившаго съ войскомъ изъ Казани по повелѣнію Петра Великаго. Уже Бар-

*) «Перм. Лѣтоп.» VII, стр. 373—374.

**) Большинство этихъ документовъ издано въ «Памятникахъ Сибирской исторіи XVIII вѣка». См. кн. 1-ю. СПБ. 1882 г.—акты 1700—1713 г.г. Перепечатки съ нѣкоторыми добавленіями, но и съ обычной путаницей см. у *Шишонко*, т. VII.

теневу удалось локализировать главныя силы мятежниковъ въ предѣлахъ Уфимскаго уѣзда. По его слѣдамъ выступилъ съ новыми русскими силами самъ кн. Хованскій. Мятежники тѣмъ временемъ потерпѣли пораженіе близъ г. Билярска отъ атамана Невѣжина, а калмыцкій ханъ Аюка вѣроломно измѣнилъ башкирамъ и принялъ сторону русскихъ. „Теперь въ свою очередь башкирцамъ приходилось испытать то, что недавно отъ нихъ терпѣли русскіе: калмыки умѣли опустошать не хуже башкирцевъ; они не давали никому пощады, жгли башкирскія селенія, грабили имущество, рѣзали взрослыхъ и уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей. Пораженные въ нѣсколькихъ схваткахъ, башкирцы увидѣли себя вынужденными смириться“ *). Не мѣшаетъ замѣтить, что десятитысячный отрядъ калмыковъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ начальствомъ нашего стольника Бахметева на Казанской дорогѣ въ предѣлахъ Уфимской Башкиріи. Поэтому первымъ изъявилъ покорность мулла Измаилъ, а за нимъ и другой вожакъ мятежниковъ на Осинской дорогѣ—Кусюмъ. Они цѣловали коранъ на всѣ четыре дороги, принесли свои вины, обѣщались служить царю вѣрою и правдою и дани давать по прежнему **). Не смотря на то, главноначальствующій кн. Хованскій велѣлъ казнить въ Казани многихъ участниковъ бунта. Впрочемъ Алдаръ прожилъ еще до 1740 г., когда былъ казненъ по другому дѣлу. Тогда же и тамъ же былъ повѣшенъ Сергѣевъ, главный виновникъ недовольства башкиръ. Прочимъ башкирамъ отъ имени царя было объявлено прощеніе. Послѣдняго они не удостоились бы послѣ всѣхъ своихъ звѣрствъ, но непрерывная шведская война была причиною этихъ незаслуженныхъ уступокъ нашего правительства. Мы уже сказали, что и послѣ всѣхъ этихъ уступокъ башкиры все таки продолжали питать злобу противъ рус-

*) *Оирсовъ*: «Инородческое населеніе», стр. 222 и 301—303 (казнь Алдара).
**) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи» изд. 1-е, томъ XV, стр. 237.

скихъ, сноситься съ своими мусульманскими союзниками и отъ времени до времени проявлять непослушаніе требованіямъ русской власти.

Такъ какъ полнаго умиротворенія Башкиріи все еще не было, то казанскому губернатору Апраксину велѣно было поддерживать союзъ съ Аюкою и быть во всякое время на стражѣ русскихъ интересовъ. Кромѣ того въ 1720 году отправленъ былъ стоявшій въ Мензелинскѣ съ войскомъ полковникъ графъ Головкинъ въ Уфу съ грамотою о выдачѣ ему башкирами всѣхъ плѣнниковъ и бѣглыхъ изъ городовъ и уѣздовъ какъ русскихъ, такъ и иновѣрцевъ. А какъ много было ихъ въ Башкиріи, можно судить потому, что въ теченіе двухъ лѣтъ (1720—1722 г.) графъ Головкинъ выслалъ изъ этой страны на свои мѣста бѣглыхъ 4965 семействъ, или 19,815 человѣкъ обоего пола. (Өирсовъ, стр. 224).

В. Кильмякъ-Карасакаловъ бунтъ.

Слѣдующее общее возстаніе башкиръ всѣхъ четырехъ дорогъ въ союзѣ съ киргизъ-кайсаками и другими инородцами было вызвано въ 1735—1742 г.г. основаніемъ Оренбурга и пограничныхъ крѣпостей на земляхъ башкиръ. Поземельныя отношенія между туземными жителями и пришлымъ населеніемъ, особенно русскимъ, давно уже были запутаны, чѣмъ обусловливались первые два общіе бунта въ Башкиріи. Теперь башкиры, естественно, еще болѣе встревожились за свою собственность, и безъ того уже сильно поколебленную. Челобитныя ихъ стали повторяться чаще прежняго, мотивы ихъ были однообразны. Башкиры жаловались, что многіе русскіе люди завладѣли землями, рѣками, рыбными ловлями и другими ихъ угодьями — одни по фальшивымъ записямъ и письмамъ, другіе просто насильно, собою занявъ порожжія, но принадлежавшія башкирскимъ родамъ, мѣста. Башкиры просили, чтобы русскихъ людей и иновѣр-

цевъ бѣглыхъ, поселившихся на ихъ земляхъ, насильно съ тѣхъ земель выслать на прежнія жилища; чтобы рыбныя ловли по р.р. Бѣлой и Камѣ, которыя до того отдавались казною на откупъ, были имъ предоставлены въ пользованіе за умѣренный оброкъ и т. д. Правительство послѣ многихъ отдѣльныхъ распоряженій въ пользу челобитчиковъ издало наконецъ отъ сената общій указъ отъ 31 мая 1734 года, въ которомъ были перечислены всѣ льготы и милости его, до тѣхъ поръ дарованныя и вновь жалуемыя башкирамъ *). Всего этого оказалось однако мало для башкиръ, сильно встревожившихся намѣреніемъ правительства поставить въ ихъ странѣ новый городъ на р. Ори съ цѣлымъ рядомъ крѣпостей. Они рѣшились противодѣйствовать всѣми мѣрами первому устроителю этого новаго города и всего тамошняго безпокойнаго края—Кириллову. Они стали собираться, сначала тайно, подъ знаменемъ знатнаго башкира Кильмяка—абыза, заготовлять воинскихъ лошадей, оружіе и т. д. по всѣмъ четыремъ дорогамъ, Башкирскіе старшины явились первыми сообщниками Кильмяка. А Кирилловъ первое время не хотѣлъ вѣрить всѣмъ слухамъ о готовящемся возмущеніи, хотя о томъ знали уже въ Петербургѣ. Предупреждалъ его о томъ изъ Екатеринбурга и В. Н. Татищевъ, тогда служившій тамъ **). Онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, когда мятежники стали открыто нападать на русскихъ и даже сами заявили Кириллову о намѣреніи не допустить строить на ихъ землѣ русскій городъ.

Мы не станемъ приводить здѣсь подробности устроенія Оренбурга и всего тамошняго края при Кирилловѣ, Татищевѣ, князѣ Урусовѣ и Неплюевѣ, а также подробности борьбы съ мятежниками главнокомандующихъ Румянцева, Хрущова и Соймонова въ 1735—42 годахъ. Эта исторія

*) См. его въ «Полномъ Собр. Законовъ» № 6581. Сравни *Өирсова:* «Инород. населеніе» стр. 257—258 и мн. др.

**) Тамъ же, стр. 259—261 и т. д.

полно разработана уже въ почтенныхъ трудахъ проф. Н. А. Ѳирсова и его ученика В. Н. Витевскаго. Нашей цѣлью и здѣсь должно быть изложеніе фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ предѣлахъ собственно Пермскаго края.

Мятежное настроеніе въ Башкиріи не ограничивалось одною только, какъ думалъ Кирилловъ, мѣстностію. Воровство, учиненное Кильмякомъ, послужило сигналомъ къ повсемѣстному и общему возстанію башкирцевъ противъ русскихъ. „Не только, говоритъ Рычковъ, на Ногайской дорогѣ башкирцы разоренія чинить отваживались и многихъ людей, внезапно на нихъ нападая, побивали, но и на Сибирской дорогѣ въ такое же бунтовское намѣреніе уклонились и, собравшись многолюдствомъ, на отправленный изъ сибирскихъ слободъ провіантскій обозъ, не допустя оный верстъ за 30 до Верхнеяикской пристани (нынѣшній Верхнеуральскъ, откуда доставлялось тогда все необходимое для постройки города Оренбурга), учинили незапное нападеніе, отъ котораго отбивъ телѣгъ съ 40 съ провіантомъ, разграбили". Близъ казанской границы было не лучше *).... Вслѣдствіе безпорядковъ на Сибирской дорогѣ, туда былъ посланъ для увѣщанія возставшихъ извѣстный башкиръ Тевкелевъ, усердный слуга нашего правительства. Ему поручено было также на Сибирской дорогѣ снова приготовить запасъ провіанта (изъ слободскихъ запасовъ) для доставки въ Оренбургъ. Тевкелеву, при содѣйствіи начальника Екатеринбургскихъ заводовъ Татищева, дѣйствительно удалось привести въ повиновеніе многихъ старшинъ и собрать припасы для оренбургскаго гарнизона. По смерти Кириллова, его мѣсто по управленію Оренбургскимъ краемъ и занялъ Татищевъ. Мятежники опять сосредоточились за Ураломъ на Исети, гдѣ главнымъ вожакомъ ихъ былъ Юсупъ. Для борьбы съ ними тамъ были расположены полки: 1) Оренбургскій драгунскій подъ командою полковника

*) *Ѳирсовъ:* «Инородческое населеніе», стр. 263.

Ивана Бердекеевича, 2) Сибирскій драгунскій полковн. Ивана Арсеньева, 3) Тобольскій и 4) Енисейскій. Въ вотчинахъ Далматова монастыря въ частности стояли: поручикъ Ѳедоръ Мамѣевъ, прапорщикъ Дмитрій Гладышевъ и верхот. сынъ боярс. Ентальцевъ *).

Не успѣлъ еще прійти Мамѣевъ въ Верхтеченское поселье—въ вотчинѣ Далматова монастыря, какъ башкирцы успѣли уже надѣлать зла въ этомъ беззащитномъ округѣ, пробравшись сюда 18 апрѣля 1736 г. Не коснувшись самаго поселья, тогда обнесеннаго столбовымъ заборомъ и рвомъ, они выжгли близь лежащія деревни Морозову, Карпушину, Ложечный Боръ и разграбили деревни Бисерову, Оншукову, Ключевскую, Дубасову, Бугаеву, Шипицыну и др. Самый монастырь Далматовъ тогда представлялъ хорошо вооруженную крѣпость, почему остался невредимъ: пострадали только вотчины его. Точно также не могли взять мятежники и Катайскаго острога. 2 іюня 1736 г. было выжено село Уксянское и ближнія его деревни Пески, Любимова, Новоторжина и др. Жители, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, убиты или взяты въ плѣнъ, скотъ и лошади угнаны, имущество разграблено. Тогда же разорена Крутихинская слобода, но крѣпость ея уцѣлѣла. Тоже было съ Шадринской слободой. Поручикъ Мамѣевъ преслѣдовалъ непріятеля, но не вездѣ успѣшно. Въ іюлѣ ему велѣно было оставить Верхтеченское поселье и передвинуться въ крѣпость Чебаркульскую. Между тѣмъ въ сосѣдней Теченской слободѣ стоялъ съ отрядомъ Дмитрій Гладышевъ. Ему пришлось дѣйствовать противъ непріятеля въ слѣдующемъ 1737 г., когда башкиры 3 іюля опять бросились на монастырскую заимку и затѣмъ въ округъ Шадринской слободы. Разграбивъ нѣсколько деревень, они должны были удалиться, будучи преслѣдуемы Гладышевымъ. Послѣ того мы видимъ мятежниковъ въ Оку-

*) «Перм. Лѣтопись» VII, 378—9 перепечатки изъ разныхъ статей и актовъ, часто безъ указанія источниковъ.

невскомъ дистриктѣ, у крѣпости Чебаркульской, у слободъ Багаряцкой и Щелкунской и подъ крѣпостью Окуловской, гдѣ былъ великій бой, коснувшійся и Багаряцкой слободы. Это было 7 іюля 1737 г. Скопище башкиръ было въ нѣсколько тысячъ, почему власти опасались набѣга и на Каменскій заводъ. Въ слободѣ Багаряцкой тогда былъ защитникомъ маіоръ Угрюмовъ съ прапорщикомъ Бѣлевцевымъ. Въ виду опасности полковникъ Арсеньевъ послалъ въ помощь имъ со свѣжими силами маіора Павлуцкаго для защиты Каменскаго завода. Такъ какъ главныя скопища башкиръ опять были за Исетью, въ Окуневскомъ дистриктѣ, то Сибирская губерн. канцелярія выслала туда въ остроги и слободы изъ Тюмени, Туринска, Верхотурья и Пелыми всѣхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, русскихъ и татаръ служилыхъ людей для береженья отъ непріятеля. Благодаря предосторожностямъ, башкиры на этотъ разъ не имѣли большого успѣха, хотя подступали къ Окуневскому острогу и селамъ Воскресенскому архіерейскому и Георгіевскому или Бакланскому *).

О захватѣ башкирскихъ земель въ Осинскомъ уѣздѣ по р. Тулвѣ мы уже говорили раньше въ статьѣ объ Осинской Башкиріи. Мы видѣли тамъ, какъ жестоко отмстили башкиры Гайнинской волости потомкамъ Андрея Крылова, предавъ пламени самое село Крылово или Покровское въ 1736 г., и какъ затѣмъ они расправились съ людьми Строгановыхъ за произвольный образъ ихъ дѣйствій на старинныхъ земляхъ башкиръ. Эти звѣрства и подали Татищеву, тогдашнему правителю Башкиріи, мысль учредить въ Осѣ особое воеводство съ подчиненіемъ осинскихъ воеводъ главнымъ уфимскимъ, а центръ управленія Пермской провинціи перемѣстить изъ Соликамска въ Кунгуръ—ближе къ безпокойной Башкиріи, съ приписку къ нему изъ вѣдомства Екатеринбургскаго, гдѣ раньше служилъ Татищевъ, трехъ остроговъ: Нижне и

*) См. тѣ же перепечатки у Шишонко въ VII томѣ его «Перм. Лѣтоп.».

Верхне-Бисертскихъ и Кленовскаго, а также жившихъ между ними верхотурскихъ ясачныхъ татаръ и черемисъ. Наконецъ тѣ же башкирскія волненія побудили Татищева превратить Красноуфимскую крѣпость въ пригородъ Уфы съ своими особыми воеводами и учредить новую Исетскую провинцію за Ураломъ *). Все это было постановлено въ іюлѣ 1737 г. на извѣстномъ совѣтѣ въ Мензелинскѣ, состоявшемъ изъ В. Н. Татищева, иниціатора всего этого дѣла, изъ извѣстнаго уже намъ генерала Соймонова, тогдашняго печальной памяти уфимскаго воеводы Шемякина, полковниковъ Тевкелева и Бердекеевича и многихъ штабъ офицеровъ. Такимъ образомъ *въ вѣдѣніи главнаго начальника Оренбургскаго края теперь находилось двѣ провинціи—Исетская и Уфимская, при чемъ провинціальному уфимскому воеводѣ въ свою очередь подчинялись пригородные воеводы осинскіе и красноуфимскіе, съ назначеніемъ всѣхъ ихъ непосредственно сенатомъ.* Такое раздѣленіе управленія Башкиріей принималось за лучшій способъ ея умиротворенія, достигнуть котораго однако удалось лишь отчасти.

Главнѣйшій предводитель возстанія Кильмякъ-абызъ былъ пойманъ въ Табынскѣ въ февралѣ 1737 г., слѣдовательно еще до этой реформы управленія Башкиріей. Его поймалъ тамошній солепромышленникъ изъ балахонскихъ купцовъ „коммисаръ“ Утятниковъ, злѣйшій врагъ башкиръ, которые во время бунта 1707 г. уже сожгли и разграбили Табынскъ, возобновленный въ 1735 г. Подъ крѣпкимъ карауломъ Утятниковъ отправилъ Кильмяка къ генералу Соймонову, который явился съ войскомъ въ Табынскѣ. Вскорѣ были захвачены русскими еще два важныхъ дѣятеля изъ числа мятежныхъ башкиръ: Юсупъ и Акай. Всѣхъ трехъ злодѣевъ приказано было въ 1738 г. отправить въ Петербургъ, гдѣ, вѣроятно, съ ними и покончили. Послѣ того возмущеніе

*) См. выше наши предыдущія статьи о Башкиріи и у *Фирсова* въ «Инородч. населеніи» стр. 286—287.

башкиръ пріутихло, чему способствовало вообще мягкое отношеніе къ башкирамъ главнаго начальника края В. Н. Татищева. Къ сожалѣнію, въ началѣ 1739 г. онъ былъ удаленъ отъ этой должности по проискамъ его враговъ, и 17 іюня того же года на его мѣсто назначенъ главнымъ командиромъ Оренбургской экспедиціи генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, чрезвычайно суровый начальникъ по отношенію къ башкирамъ. Это обстоятельство скоро же вызвало въ Башкиріи новыя осложненія.

Первымъ поводомъ къ возобновленію мятежа была попытка Соймонова въ началѣ 1739 г. переписать башкирское населеніе, вызвавшая особенное сопротивленіе между башкирами Сибирской дороги. Желая предупредить новые безпорядки, правительство сдѣлало послѣднюю уступку башкирамъ, отложивъ перепись ихъ до другого времени. Съ появленіемъ въ Башкиріи князя Урусова, отношенія къ башкирамъ русской власти круто измѣнились. Кн. Урусовъ началъ съ того, что велѣлъ казнить самыхъ вліятельныхъ башкиръ „за ихъ многія прежнія воровства“, а Соймоновъ старался быть ему усерднымъ помощникомъ въ этихъ казняхъ. Подъ вліяніемъ ихъ донесеній, и въ Петербургѣ измѣнился взглядъ на отношенія русской власти къ башкирамъ, которые не умѣли цѣнить прежде данныя имъ льготы и уступки сравнительно съ другими инородцами восточной Россіи. Извѣстна рѣчь князя Урусова къ башкирскому народу при вступленіи его въ управленіе Оренбургскимъ краемъ *). Рѣчь была прочитана имъ предъ пятитысячной толпой башкиръ въ августѣ 1740 года въ окрестностяхъ Оренбурга (нынѣшняго Орска). „Отчаянные воры башкирцы, разорители своего покоя и отечества! обратился ораторъ къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ. Все нынѣшнее ваше воровское собраніе, въ которомъ

*) Въ извлеченіи см. ее у *Өирсова* въ сочин.. «Инородчес. населеніе» стран. 212—213, а вполнѣ она напечатана у *Витевскаго* въ приложеніяхъ къ его «Неплюеву», вып. V, стр. 66—70.

вы теперь, будучи во многихъ тяжкихъ своихъ смертельныхъ винахъ, Ея Императ. Величества просите всемилостивѣйшаго прощенія, приводитъ меня въ великое удивленіе“.... Надругавшись надъ башкирами въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, князь сдѣлалъ краткое историческое обозрѣніе Башкиріи со временъ Іоанна Грознаго до послѣдняго бунта Кильмяка и закончилъ свою рѣчь такими словами: „Больше воровства и бунтовщичьи ваши поступки объявлять вамъ, ворамъ, также и настоящую вашу крайнѣйшую бѣдность протолковывать вамъ нечего. Сами всѣ до единаго знаете. Также и судить не почто. Сами вы поступки и дѣла свои знаете. Судите же сами себя, какого помилованія достойны вы? Токмо все то зависитъ отъ высокомонаршей Ея Имп. Вел. милости!“

Съ потерею главныхъ вожаковъ возстанія—Кильмяка-абыза, Юсупа и Акая, ихъ роль взяли на себя башкирскій старшина Аладзянгулъ и Юлдашъ мулла. Они убѣдили одного бѣднаго, но смѣлаго и предпріимчиваго башкира Миндегула взять на себя главное руководство движеніемъ вмѣсто Кильмяка, назваться владѣтельнымъ Кубанскимъ ханомъ и снова сплотить подъ однимъ знаменемъ всѣ недовольные элементы въ Башкиріи. Какъ человѣкъ бывалый, отважный *Миндегулъ отлично съигралъ роль самозванца подъ именемъ Кубанскаго хана Карасакала—Салтанъ-Гирея*, всюду разгласивъ между башкирами, будто онъ идетъ съ своимъ 82-тысячнымъ войскомъ на освобожденіе башкиръ отъ русскаго ига. И многіе повѣрили искренно этой сказкѣ. Въ мартѣ 1740 г. возстаніе опять охватило всю Башкирію, какъ страшный пожаръ. Немедленно были приняты мѣры къ поимкѣ самозванца, но Карасакалъ успѣвалъ утекать отъ погони, отлично зная Башкирію *). „И возмутительными своими внушеніями и поступками во всей Башкиріи такое замѣшаніе

*) О Карасакалѣ у *Фирсова* стран. 296—299, у *Витевскаго*—выпускъ II, стр. 181—183 и др.

причинилъ, какова прежде еще не было", говоритъ Рычковъ. Для подавленія Карасакалова бунта въ Уфимскую провинцію было выслано нѣсколько вооруженныхъ отрядовъ: подполковника Павлуцкаго, полковника князя Путятина и маіора Языкова. Сначала они дѣйствовали разъединенно, но затѣмъ соединились, разбили скопища Карасакала, при чемъ самъ онъ былъ раненъ и все таки успѣлъ уйти съ небольшой шайкой въ киргизскіе улусы. Такъ русскіе и не могли поймать этого бунтаря, всякіе слухи о которомъ послѣ его бѣгства прекратились. Такъ какъ увѣренія его о приближеніи 80-тысячнаго войска оказались ложными, то башкиры убѣдились въ самозванствѣ „Кубанскаго хана" и стали опять приносить повинную кн. Урусову, генералу Соймонову и прочимъ властямъ. Но на этотъ разъ ихъ раскаянію не повѣрили ни въ Башкиріи, ни въ столицѣ и жестоко расправились со всѣми участниками возстанія. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Рычковымъ, башкиры только съ 1735 по 1741 годъ лишились убитыми въ бояхъ, казненными, умершими въ заключеніи, сосланными въ тяжкія работы и т. д. 28491 челов.; 696 жилыхъ деревень было разорено. Но безъ сомнѣнія, потери башкиръ въ дѣйствительности были еще больше. (Өирсовъ, стр. 303).

Г. Батыршинъ бунтъ.

Послѣ кильмякъ-карасакалова бунта въ 1735—1741 годахъ въ Башкиріи еще было нѣсколько большихъ безпорядковъ. Во-первыхъ, чрезъ 6 лѣтъ началось возмущеніе среди тептярей и бобылей, вызванное установленіемъ подушнаго сбора съ нихъ по 80 копѣекъ съ души, но *съ освобожденіемъ ихъ отъ рекрутчины.* Обложеніе новымъ сборомъ тептяри и бобыли сочли произволомъ со стороны мѣстныхъ властей или, по ихъ выраженію, „прибыльщиковъ". Безпорядки произошли на казанской, осинской и сибирской дорогахъ на-

столько значительные, что въ 1747 году изъ Оренбурга выслано было подъ Уфу войско подъ начальствомъ генерала Штокмана, а на осинскую дорогу высланы особые отряды сначала секундъ-маіора Кублицкаго, а потомъ маіора Исакова. Съ появленіемъ русскихъ войскъ, волненіе утихло *), когда тептярей и бобылей убѣдили, что новый налогъ взимается съ нихъ *по царскому указу*.

Безпорядки среди тептярей и бобылей происходили уже при новомъ начальникѣ Оренбургскаго края, извѣстномъ И. И. Неплюевѣ, который управлялъ Башкиріей гораздо гуманнѣе своего суроваго предмѣстника кн. Урусова, умершаго 22 іюля 1741 года. Но и гуманность Неплюева не могла предотвратить замѣшательства въ Башкиріи, гдѣ „прежнія основанія владѣнія поземельною собственностью и утверждавшійся на нихъ мѣстный общественный строй потрясены были до глубины корней узаконеніями, вышедшими въ то время, какъ Кирилловъ управлялъ экспедиціей. *Исключительное право башкирцевъ на владѣніе землями рушено было навсегда.* Многими землями, принадлежавшими имъ, поспѣшили завладѣть дотолѣ безземельные мещеряки, чуваши, черемисы, а также и русскіе“ **). Три первые общіе бунта въ Башкиріи и вызваны были главнымъ образомъ поземельной неурядицей. Но были и другія причины тоже экономическаго свойства.

Въ статьѣ о зауральской торговлѣ (гл. I-я) мы уже говорили, что до 1705 года торговля солью была вольная, съ платою извѣстной пошлины въ казну; съ 1705 до 1728 года, по мысли Петра I, эта торговля составляла казенную монополію, не устранившую однако тайнаго сбыта соли; это побудило правительство Петра II въ 1728 г. издать новый соляной уставъ, опять передавшій соляную торговлю въ частныя руки, но съ платою казенной пошлины. По разнымъ соображеніямъ, указомъ отъ 16 марта 1754 г. сенатъ опять

*) *Өирсовъ*, стр. 426—429; *Витевскій*, вып. III, тоже стр. 426—438.
**) *Өирсовъ*, стр. 290—291.

установилъ казенную продажу соли съ тѣмъ, чтобы „ниоткуда въ жилища иновѣрцевъ подвоза неуказной соли отнюдь не было, *и съ башкирцевъ, мещеряковъ и поселившихся между ними татаръ ясакъ снять*“. (Полн. Собр. Закон. № 10198). Но поставку соли въ казенные магазины Неплюевъ не производилъ казеннымъ способомъ, а отдавалъ ее на откупъ частнымъ лицамъ (въ Оренбургѣ сотнику Алексѣю Углицкому). Эта соляная реформа недоброжелателями русскихъ истолкована была въ томъ смыслѣ, что законъ о снятіи съ башкирцевъ и мещеряковъ ясака и о замѣнѣ его казенною продажею соли есть ничто иное, какъ обманъ, разсчитанный на то, чтобы увеличить тягости инородцевъ-магометанъ *). Среди башкиръ въ 1754 г. появилось въ этомъ смыслѣ воззваніе, призывавшее ихъ снова поднять во имя правды и вѣры возстаніе противъ русскихъ. По разслѣдованію, авторомъ этого возмутительнаго посланія и главнымъ зачинщикомъ новой смуты оказался *мулла Батырша Алъевъ, родомъ мещерякъ* уфимск. уѣзда сибирской дороги, деревни Карышевой. Такъ значился онъ по казеннымъ спискамъ; у своихъ же единовѣрцевъ онъ назывался *Абдулла Мязгилдинъ* **), пользовавшійся высокимъ авторитетомъ среди всѣхъ мусульманъ восточной Россіи. Призывая башкиръ къ мятежу, Батырша сулилъ имъ помощь отъ казанскихъ татаръ, киргизъ-кайсаковъ и даже отъ турокъ—и ему вѣрили. Возстаніе затѣвалось во имя магометанской религіи и спасенія „правовѣрныхъ“ отъ ига русскихъ.

Открытый бунтъ начался въ 1755 г. весною. Башкирамъ особенно не нравилась постройка на ихъ исконныхъ земляхъ многочисленныхъ крѣпостей и заводовъ. Тамъ-то и вспыхнулъ мятежъ на ногайской дорогѣ, въ бурзинской волости, затѣмъ по исетскому тракту и на верхнемъ Яикѣ. Неплюевъ при-

*) Тамъ же, стр. 431.

**) По *Витевскому*,—Мягзялдинъ, т. е. ученый. Имя же Батырша, наоборотъ, онъ считаетъ народнымъ. См. вып. V, стр. 850 и слѣд.

лагалъ всѣ старанія, чтобы не допустить соединенія башкиръ съ киргизъ-кайсаками и выслалъ въ мятежную бурзинскую волость на рѣку Бѣлую отрядъ подъ командою бригадира Бахметева. Въ августѣ 1755 г. вся Башкирія взбунтовалась. Неплюевъ отовсюду получалъ извѣстія о кровавыхъ безпорядкахъ: съ завода Вознесенскаго на р. Икѣ, съ заводовъ Твердышева, гр. Шувалова, изъ крѣпостей Озерной, Воздвиженской, Верхнеяицкой (нынѣ Верхнеуральскъ), Ильинской, Залаирской и т. д. Онъ выслалъ въ разныя стороны свои армейскіе драгунскіе полки—московскій, троицкій и ревельскій и просилъ казанскаго губернатора оказывать ему содѣйствіе на казанской и осинской дорогахъ, находящимися подъ его командою четырьмя армейскими полками. Благодаря этой распорядительности Неплюева, ему удалось предупредить соединеніе башкирскихъ шаекъ съ киргизъ-кайсаками, что значительно облегчило дѣло подавленія мятежа. Для той же цѣли онъ постарался посѣять вражду между башкирами съ одной стороны, мещеряками, тептярями и бобылями съ другой. Послѣдніе сдѣлались вѣрными союзниками русскихъ и послушными исполнителями предначертаній дальновиднаго Неплюева. „Тептяри и мещеряки съ такою ревностію вступили въ борьбу противъ башкирцевъ, каковой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые знали ихъ въ лица“, говоритъ самъ Неплюевъ въ своей автобіографіи *).

Между тѣмъ военная коллегія съ своей стороны прислала значительныя подкрѣпленія Неплюеву, а именно 5 полковъ и донскихъ казаковъ, такъ что общая численность войска у Неплюева теперь превышала 25000 человѣкъ, для командованія которыми назначены были генералъ-маіоры Иванъ Салтыковъ и Ѳедоръ Ушаковъ съ бригадирами Костюринымъ и Кнутовымъ Губернаторомъ въ Казань тогда опре-

*) *Ѳирсовъ*, стр. 440.

дѣленъ графъ Головинъ, а для наблюденій съ сибирской стороны назначенъ дѣйств. статск. совѣтн. Щербининъ, которому велѣно жить въ Екатеринбургѣ. Главное начальство надъ всѣми войсками было поручено И. А. Салтыкову *). Въ сентябрѣ 1755 г. получены извѣстія изъ осинскаго и красноуфимскаго уѣздовъ (нынѣшнихъ) объ осадѣ Торговижскаго острожка и большихъ скопищахъ башкиръ Гайнинской волости. Немедленно были двинуты туда войска; по всей Уфимской провинціи и за Ураломъ—въ Исетской приняты также чрезвычайныя мѣры предосторожности. Въ этихъ видахъ въ концѣ 1755 г. былъ даже образованъ временно новый „Зауральскій дистриктъ“ съ центромъ управленія въ Зелаирской крѣпости. Въ составъ его вошли 6 башкирскихъ волостей и въ числѣ ихъ бурзянская, гдѣ начался бунтъ **).

Окруженный со всѣхъ сторонъ русскими войсками, оставленный всѣми прежними союзниками—магометанами, Батырша искалъ теперь спасенія въ горахъ и лѣсахъ, чтобы не попасться въ руки враговъ. Его окружали лишь немногіе важнѣйшіе сообщники. Въ случаѣ поимки, правительство обѣщало за его голову 500 рублей, а потомъ эта сумма была удвоена. 8 августа 1756 г. Батырша попался наконецъ въ руки своихъ единоплеменниковъ-мещеряковъ, а именно старшины Сулеймана Деваева и его семейства, а тѣ выдали его русской власти. Глава бунта былъ захваченъ на осинской дорогѣ, въ деревнѣ Азикѣ, въ 150 верстахъ отъ Уфы. Подъ крѣпкимъ карауломъ Батырша препровожденъ былъ въ Оренбургъ, гдѣ Неплюевъ лично снялъ съ него допросъ; потомъ его повезли въ столицу и посадили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ лѣтомъ 1762 г. Батырша и покончилъ свои бурные дни ***).

---

*) *Витевскій*, вып. V, стр. 863—864.
**) Тамъ же, V, 878.
***) Тамъ же, стр. 883.

Единомышленники его еще надѣялись на помощь киргизовъ, куда и ушли со всѣми семействами болѣе 50 тысячъ башкиръ, но на пути многіе изъ нихъ были истреблены донскими казаками и калмыками. Надежда на киргизъ-кайсаковъ не оправдалась. Многіе башкиры вернулись вскорѣ на прежнія мѣста, побуждаемые обѣщаніями прощенія въ случаѣ раскаянія. „Бунтъ Батыршинъ былъ послѣднею попыткою русскаго магометанства вооруженнымъ возстаніемъ вытѣснить русскихъ съ востока, воспрепятствовать колонизаціонному ихъ движенію туда. Башкирскій вопросъ утратилъ навсегда прежнее свое значеніе. Онъ былъ разрѣшенъ. Другой, болѣе страшный для Россіи, поднимался вопросъ въ Приволжьи и за Камой; это вопросъ крѣпостной“ *). Историкъ восточныхъ инородцевъ разумѣетъ здѣсь пугачевщину, въ которой и сами русскіе наравнѣ съ инородцами принимали активное участіе. Но это движеніе вызвано было болѣе сложными причинами, охватило большій районъ, и потому приравнивать его къ четыремъ башкирскимъ бунтамъ, имѣвшимъ характеръ мѣстныхъ движеній, не представляется научныхъ основаній.

IV.

Далматовскій Успенскій монастырь и его вотчины.

Мы знаемъ уже важную роль Далматовскаго мужского монастыря во время башкирскихъ бунтовъ XVII и XVIII вѣковъ. Вмѣстѣ съ Катайскимъ острогомъ онъ служилъ однимъ изъ главнѣйшихъ оплотовъ нашего владычества за Ураломъ, въ долинѣ Исети. Въ минуты крайней опасности за его стѣнами спасались не только жители монастырской слободы, но и многихъ окрестныхъ селеній. Одновременно это былъ

*) *Оирсовъ*, стр. 444—445.

разсадникъ духовнаго просвѣщенія, монастырь и крѣпость, чѣмъ въ совокупности и опредѣляется его важная для Пермскаго Зауралья историческая роль, на которой мы должны остановиться особо. Въ этомъ отношеніи его можно сравнивать во всемъ Пермскомъ краѣ только съ Пыскорскимъ монастыремъ на р. Камѣ, въ Перми Великой.

Монастырь находится въ нынѣшнемъ Шадринскомъ уѣздѣ, при заштатномъ городѣ Далматовѣ, на лѣвомъ берегу Исети, при впаденіи въ нее р. Течи, на возвышенномъ мѣстѣ. И донынѣ его окружаютъ каменныя стѣны съ башнями, напоминая о прежней боевой его жизни.

Интересно начало монастыря и самая личность его основателя—старца Далмата, сообщившаго свое имя монастырю и всему этому поселенію. Онъ происходилъ изъ сословія сибирскихъ казаковъ въ Тобольскѣ, по матери былъ татарской крови и назывался въ мірѣ Дмитрій Ивановичъ Мокринскій. Пожалованный за многія службы въ дворяне, онъ овдовѣлъ, удалился въ Невьянскій монастырь Верхотурскаго уѣзда и тамъ постригся съ именемъ Далмата. Стремясь къ полному уединенію, онъ скоро ушелъ на р. Исеть, взявъ съ собою икону Успенія Божіей Матери; облюбовавъ себѣ мѣсто въ вотчинѣ тюменскаго татарина Илигея близь Бѣлаго городища, онъ устроилъ здѣсь пещеру въ боку оврага въ 1644 году. Подвижническая жизнь инока привлекла къ нему изъ разныхъ мѣстъ нѣсколько лицъ, пожелавшихъ жить тутъ же. Вскорѣ возлѣ пещеры поставлена была часовня и въ ней принесенный съ р. Нейвы образъ Успенія. Таково первое возникновеніе Далматовскаго Успенскаго мужского монастыря. Владѣлецъ вотчины Илигей былъ недоволенъ непрошеннымъ поселенцемъ, покушался даже на его жизнь, но потомъ сдѣлался его вѣрнымъ союзникомъ и будто-бы отдалъ ему свою вотчину. Преданіе украсило этотъ эпизодъ поэтически, приписавъ перемѣну въ татаринѣ чудному его сновидѣнію. Надобно полагать, что Далматъ былъ человѣкъ со средствами

и имѣлъ возможность купить у Илигея его вотчину на Исети, послѣ чего между ними и установились хорошія отношенія. Около 1650 года къ Далмату пришелъ его сынъ, также постригшійся подъ именемъ Исаака. Послѣ того здѣсь сооружается ими частью на свои средства, частью на приношенія—деревянная Успенская церковь, которая и освящена была не позже 1650 года по благословенной грамотѣ Герасима, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго. Постоянная опасность отъ безпокойныхъ башкиръ заставила обнести келліи и церковь сначала высокимъ деревяннымъ тыномъ, а потомъ бревенчатой въ столбахъ оградою, съ башнями по угламъ. Монастырь обращенъ былъ въ крѣпость и снабженъ пищалями, ружьями и порохомъ. Въ 1696 г. вокругъ монастыря былъ поставленъ „городъ рубленый", т. е. толстая стѣна изъ бревенчатыхъ срубовъ съ бойницами и пушками, а въ слѣдующемъ столѣтіи (1713—1763 г.г.) и этотъ „городъ" замѣненъ толстой каменной стѣной, существующей донынѣ. Тогда же деревянный храмъ и келліи послѣ сильныхъ пожаровъ 1707 и 1708 г.г. перестроены каменными *).

Основатель обители скромно называется въ древнихъ актахъ „строителемъ старцемъ Далматомъ". Онъ умеръ въ 1697 г. въ глубокой старости. Сынъ его Исаакъ первое время былъ соправителемъ отца, съ 1682 года называется игуменомъ, а позднѣе архимандритомъ Далматовскаго монастыря. За нимъ преемственно слѣдовали игумены Іосифъ и Филиппъ, далѣе—опять архимандриты Порфирій, Сильвестръ, Митрофанъ и Іакинѳъ—всѣ въ XVIII вѣкѣ. Іакинѳъ въ 1766 г. былъ переведенъ въ Пыскорскій монастырь, а въ 1793 г. трагически кончилъ жизнь (звѣрски убитъ) въ Соликамскомъ Вознесенскомъ монастырѣ **). „Со временъ Исаака,

*) *Рычковъ*: «Топогр. Оренбургская» СПБ. 1762 г. ч. II, 171—172. *Чупинъ*: «Географич. словарь Пермс. губ.» статья: «Далмат. монаст.» *Витевскій*: «И. И. Неплюевъ» вып. III, 453—454.

**) *Шишонко*: «Пермс. Лѣтоп.» III, 1156—1157.

говоритъ Чупинъ, настоятели Далматова монастыря имѣли подъ своимъ вѣдѣніемъ духовенство многихъ церквей зауральской части нынѣшней Пермской губерніи. Они даже перемѣщали священниковъ съ мѣста на мѣсто и отстраняли ихъ отъ служенія" *). Такимъ же правомъ когда то пользовались архимандриты Пыскорскаго Преображенскаго и Николаевскаго Верхотурскаго монастырей, что объясняется отдаленностью всѣхъ этихъ мѣстъ отъ мѣстопребыванія епархіальныхъ архіереевъ, намѣстниками которыхъ являлись архимандриты.

Возлѣ самаго мужского Далматова монастыря съ 1680 до 1743 г. стоялъ приписной къ нему женскій Введенскій монастырь. Послѣ пожара 1742 года онъ былъ перемѣщенъ за 45 верстъ отсюда, въ Верхъ-Теченское монастырское поселье, что нынѣ село Верхъ-Теченское. На новомъ мѣстѣ Введенскій монастырь простоялъ до самаго упраздненія его въ 1764 г. при введеніи новыхъ монастырскихъ штатовъ**). Примѣры такихъ „приписныхъ" монастырей мы встрѣчаемъ въ Пермскомъ краѣ неоднократно. Такъ, въ Перми Великой къ Преображенскому Пыскорскому былъ приписанъ Введенскій же подгорный дѣвичій монастырь, а въ Зауральѣ къ Верхотурскому Николаевскому — Покровскій женскій, къ Невьянскому Богоявленскому — таковой же Богородицкій женскій монастырь.

По неимѣнію мѣста, мы не будемъ болѣе приводить подробностей изъ внѣшней исторіи обоихъ Далматовскихъ монастырей, отсылая интересующихся этимъ вопросомъ къ лучшему труду протоіерея *Григорія Плотникова*: „Описаніе мужского Далматовскаго Успенскаго монастыря и бывшаго приписнымъ къ нему женскаго Введенскаго монастыря". Этотъ капитальный трудъ былъ напечатанъ дважды въ полномъ видѣ: сначала въ „Пермск. Губерн. Вѣдомостяхъ" 1858 г.

*) *Чупинъ*: «Словарь Пермс. губ.» стр. 435.

**) Тамъ же, стр. 249, статья: «Введенскій монастырь».

№№ 2—14; тогда же пермскій губернскій статистич. комитетъ издалъ его особою книжкою, но безъ обозначенія имени автора. Много позже извлеченія изъ нея сдѣлалъ Чупинъ въ своемъ „Словарѣ“ (см. оба монастыря подъ ихъ именами) и наконецъ работа Плотникова перепечатывается въ „Пермской Лѣтописи“ г. Шишонко, томъ III, стр. 1102—1167 и томъ IV, 494 и слѣд. (о женскомъ монастырѣ). И надо сказать, что трудъ Плотникова вполнѣ достоинъ того, какъ основанный на подлинныхъ дѣлахъ монастырскаго архива. Сверхъ сказаннаго намъ необходимо только привести свѣдѣнія о монастырскихъ вотчинахъ и переписяхъ ихъ.

Первая перепись вотчинъ Далматовскаго монастыря была произведена въ 1683 году тѣмъ самымъ *Львомъ Поскочинымъ*, писцовую книгу котораго по уѣзду Верхотурскому мы напечатали въ предыдущемъ выпускѣ. По его показанію, за монастыремъ было всѣхъ дворовъ 70 и людей 243 муж. пола. Главное поселеніе къ западу отъ монастыря сперва называлось *слободка Служняя*, а съ 1691 года—*сельцо Николаевское*,—по церкви (въ 1781 г. переименовано въ *городъ Далматовъ*). Поскочинъ называетъ жителей монастырскихъ вотчинъ выходцами съ далекаго сѣвернаго поморья, изъ Перми, Вятки, съ западнаго Урала, изъ вотчинъ Строгановыхъ, изъ селеній казенныхъ и монастырскихъ, изъ за князя Михаила Черкасскаго и т. д.

Вторая перепись *Ивана Качанова* была въ 1700 году. По ней окладныхъ дворовъ оказалось уже 160. Новые переселенцы сюда явились съ Ваги (1689 г.), съ Чердыни и Усолья Камскаго (въ 1694 г.), съ Вятки (1698) и т. д.

Третья перепись *князя Василія Мещерскаго* относится къ 1711 году, когда число окладныхъ дворовъ пало до 85, что можно объяснить огромными пожарами въ 1707 и 1708 г.г. При всемъ томъ и эта перепись указываетъ новыхъ переселенцевъ въ вотчинахъ монастыря изъ Устюга, изъ Тобольска (въ 1700 г.) и опять съ далекой Ваги.

Четвертая перепись *Дмитрія Рукина* 1719 г. число окладныхъ дворовъ увеличиваетъ опять до 104, называя многихъ пришельцевъ съ Ваги (въ 1713 г.), съ Пыскора и изъ Соликамска (въ 1711 г.), съ Холмогоръ (1716 г.) и т. д.

Слѣдующая перепись *князя Солнцева-Засѣкина* была первою *подушною*, когда стали считать населеніе поголовно, а не по дворамъ. Для вотчинъ Далматовскаго монастыря она дала въ 1722 г. неожиданный результатъ: 1309 душъ муж. пола, при указанныхъ Рукинымъ 104 дворахъ *). Населеніе приисетскаго края шло быстро, и при второй подушной переписи 1744 г. за Далматовымъ монастыремъ оказалось уже 2156 душъ муж. пола, т. е. со времени Поскочина населеніе вотчинъ почти въ 9 разъ стало больше (въ 1683 г. было 243 д. муж. п.).

На основаніи перечисленныхъ переписныхъ книгъ по вотчинамъ Далматовскаго монастыря, протоіерей Плотниковъ указываетъ слѣдующій порядокъ основанія поселеній въ этихъ вотчинахъ. По возникновеніи самаго монастыря въ 1644 году, прежде всѣхъ возникаетъ возлѣ него монастырская слободка Служняя, въ 1658 г. имѣвшая уже церковь. Между 1658—1662 г.г., т. е. до основанія Шадринска, на лѣвомъ берегу Исети, въ 12 верстахъ отъ монастыря, является деревня Нижне-Ярская на урочищѣ Нижній-Яръ, преданная огню сеитовцами. Затѣмъ между 1662—1683 г.г. возникаютъ монастырскія деревни: Верхне-Ярская, Затеченская, Притыка, Широкова и Ключевская на лѣвомъ берегу Течи при ключѣ. Затеченская стояла при самомъ впаденіи Течи въ Исеть, а Широкова въ 12 вер. къ сѣверу отъ монастыря, на рѣчкѣ Суварышѣ, притокѣ Исети. Дальнѣйшій порядокъ основанія деревень былъ таковъ. Между 1711—1719 г.г. возникли дер. Смирнова, Пески, Бисерова, Савинова или Дубасова, Анчукова и Лобанова или Ложечный боръ на р. Течѣ.

*) О переписи кн. Солнцева-Засѣкина въ Верхотурьѣ см. «Пермс. Стар.» вып. VII, стр. 122 и слѣд.

Между 1719—1727 годами: Черноярская, Бугаева и Тропина; наконецъ между 1727—1744 г.г.: Морозова, Басказыкъ, Камышна и Мальцева или Першина. Всего въ вотчинахъ Далматовскаго монастыря было 1 сельцо (бывшая слободка) и 19 деревень—до половины XVIII вѣка *). Деревни Широкова, Бугаева и Першина нынѣ считаются селами тѣхъ же названій въ Шадринскомъ уѣздѣ.

Кромѣ деревень Далматовскій монастырь имѣлъ *семь „посельевъ"*—5 въ предѣлахъ своей вотчины и два за рубежемъ ея, на значительномъ разстояніи отъ монастыря. Всѣ поселья подробно были описаны монахомъ *Филаретомъ Черницынымъ* въ 1691—92 годахъ, переписныя книги котораго сохранились въ архивѣ монастыря. Со словъ протоіерея Плотникова воспользуемся ихъ содержаніемъ **). Въ предѣлахъ монастырской вотчины находились поселья: Верхъ-Теченское, Верхне и Нижне-Суварышскія, Хмѣлевское и Пашенное. Теченское поселье—самое старинное—возникло на правомъ берегу Течи, въ 45 верстахъ отъ монастыря, на ясачной землѣ тюменскаго татарина Емелцая Бурашева, которая по закладной записи въ 1669 г. перешла въ собственность Далматова монастыря. Мы уже знаемъ, что въ 1743—1764 годахъ здѣсь стоялъ приписной Введенскій женскій монастырь. Во всѣхъ посельяхъ главный Успенскій монастырь имѣлъ разныя хозяйственныя заведенія. На Течѣ у него была, между прочимъ, колесчатая мельница, сильно пострадавшая во время башкирскихъ бунтовъ при Петрѣ Великомъ. Нынѣ бывшее поселье называется селомъ Верхъ-Теченскимъ Шадр. уѣзда. Послѣ него въ 1680 годахъ возникаетъ поселье Нижне-Суварышское въ 10 верстахъ отъ Далматова при впаденіи рч. Суварыша въ Исеть. Здѣсь у монастыря были богатые луга и рыбныя ловли. Бывшее выше по Суварышу

*) *Плотниковъ* въ перепечаткѣ Шишонко «Пермс. Лѣт.» томъ III, стр. 1114—1116. Тутъ же о переписяхъ.

**) Въ той же перепечаткѣ см. стр. 1118—1120.

другое поселье того же названія возникло въ 6 верстахъ отъ Далматова уже въ началѣ XVIII вѣка. Оно полезно было монастырю также рыболовствомъ и лугами. Хмѣлевское поселье въ 14 верстахъ отъ монастыря близь Исети и Пашенное—только въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ Далматова самыми названіями указываютъ на ту пользу, какую извлекалъ изъ нихъ монастырь. Возникли въ концѣ XVII в. Въ книгахъ Черницына описано Хмѣлевское поселье, но еще нѣтъ Пашеннаго.

Внѣ монастырской вотчины было 2 поселья на большомъ разстояніи отъ Далматова. Одно было въ 80 верстахъ и называлось Желѣзенскимъ. О немъ мы уже говорили въ предыдущемъ выпускѣ (см. стр. 90—91). Приписанное въ 1682 г. къ Далматову монастырю, оно было однако взято въ казну, по указу Петра, въ 1701 г., для надобностей Каменскаго казеннаго завода, что нынѣ въ Камышловск. уѣздѣ, а тогда въ Тобольскомъ. Другое поселье Усть-Уйское было еще болѣе удалено отъ Далматова. „У того жъ Успенскаго монастыря, писалъ Черницынъ въ 1692 г., за Исетью вверхъ по Тоболу рѣкѣ, на усть-рѣчки Уя, отъ монастыря ѣзды дней съ шесть, построенъ дворецъ (дворъ) и во дворцѣ изба“. Начало поселья относится къ 1686 году. Тутъ былъ богатый рыбный промыселъ, угодья сѣнокосныя и хмѣлевыя и также горное дѣло. Много зла этому поселью причиняли нѣкогда Киргизъ-Кайсаки и другіе восточные хищники. При Неплюевѣ здѣсь была проведена цѣлая линія крѣпостей для защиты отъ нихъ, явилась и Усть-Уйская крѣпость, а теперь это—казачья станица Челябинскаго уѣзда.

Насколько хорошо шло хозяйство Далматовскаго монастыря, можно судить по цифровымъ даннымъ. Въ половинѣ XVIII в. во всѣхъ его вотчинахъ молотили хлѣба свыше 7000 четвертей, ставили сѣна отъ 20 до 30 тысячъ копенъ, собирали хмѣлю до 200 пудовъ и болѣе—въ годы обыкновеннаго урожая. Монастырь имѣлъ даже свое горное дѣло

на Желѣзенкѣ до отобранія ея въ казну въ 1701 году. „На Желѣзенкѣ рѣчкѣ монастырскій дворецъ (т. е. дворъ), писалъ монахъ Черницынъ въ 1692 г.; на дворцѣ строеніе: изба на змостьѣ, предъ избою клѣть и сѣни.... внѣ дворца, въ отставкѣ: кузница съ наковальнею, клещами, мѣхами; да домница—плавятъ желѣзо, въ ней 2 печки съ кричными клещами, съ тремя поварницами; передъ домницею—сарай угольной, прирубной, ступа и пестъ, чтобъ желѣзныя руды толчи“ *). Большое хозяйство монастыря дѣлало для него необходимымъ содержаніе подворьевъ въ Тобольскѣ, въ Ирбити и Шадринскѣ. Крестьяне монастырскіе прежде всего исполняли, конечно, свои повинности предъ монастыремъ и потомъ уже работали на себя. Какъ мѣстную особенность, укажемъ на дѣленіе ихъ по *лукамъ*. Въ каждомъ лукѣ было, кажется, двѣ семьи не менѣе какъ съ двумя работниками—мужчинами отъ 16 до 60 лѣтъ. Въ 1761 году во всѣхъ вотчинахъ Далматовскаго монастыря было 966 луковъ **). Весною они рубили дрова по сажени съ лука, на своихъ лошадяхъ возили ихъ въ монастырь; пахали землю по полудесятинѣ съ лука; лѣтомъ косили сѣно по 10 копенъ съ лука; десятину посѣва сожинали четырьмя луками; подъ паръ пахали землю по полудесятинѣ съ лука и по одному дню съ лука работали на монастырь при уборкѣ хлѣба. Осенью крестьяне возили навозъ на поля, очищая скотные дворы, молотили хлѣбъ и т. д.; зимой продолжали молотьбу, ссыпали хлѣбъ въ монастырскія житницы, ѣздили въ боръ за лѣсомъ и т. д. Трудъ былъ даровой; монастырь богатѣлъ и расширялъ свое хозяйство, не смотря на цѣлый рядъ пережитыхъ невзгодъ отъ башкирцевъ и другихъ инородцевъ. За монастыремъ крестьяне все же жили безбѣдно, почему охотно приписывались къ нему, а монастырь бралъ съ нихъ „поручныя запи-

*) «Перис. Лѣтоп.» III, 1120.
**) Тамъ же, стр. 1123.

си". Выше мы уже видѣли, какъ постепенно увеличивалось число крестьянъ въ вотчинахъ Далматова монастыря, за одно столѣтіе съ 243 чел. дойдя до 2156 человѣкъ муж. пола.

V.

Къ исторіи гражданскаго управленія Исетскимъ краемъ въ XVII и XVIII в.в.

Исторію церковнаго управленія вообще въ Пермскомъ Зауральѣ мы прослѣдили въ предыдущемъ выпускѣ. Исетскій край въ этомъ отношеніи не представляетъ отличія отъ Верхотурскаго. Не таково было гражданское управленіе тѣмъ и другимъ краемъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, почему на немъ мы должны остановить вниманіе. Управленіе разными частями Башкиріи въ своемъ мѣстѣ мы указали въ общихъ чертахъ выше. Здѣсь требуется отмѣтить особенности управленія въ юго-восточной части Пермскаго Зауралья.

При началѣ русской колонизаціи эта часть Зауралья, т. е. *долина р. Исети съ ея притоками, составила крайнюю юго-западную окраину Тобольскаго уѣзда.* Нѣкоторыя слободы и остроги на сѣверной и западной границахъ этого уѣзда составляли въ XVII вѣкѣ чрезполосицу съ сосѣднимъ Верхотурскимъ уѣздомъ. Эта неправильность пограничной черты обусловливалась частью хозяйственными, а преимущественно военными соображеніями въ тревожное время башкирскихъ бунтовъ въ Зауральѣ. Одни *слободчики* дѣйствовали по наказамъ и инструкціямъ Верхотурскихъ воеводъ, другіе — главныхъ Тобольскихъ воеводъ. Припомнимъ въ общихъ чертахъ границы Верхотурскаго уѣзда съ половины XVII вѣка. Это сдѣлаетъ ясными и тогдашніе юго-западные предѣлы уѣзда Тобольскаго.

Къ половинѣ XVII вѣка верхотурскій уѣздъ, кромѣ своей нынѣшней территоріи, занималъ еще почти весь екатеринбургскій и самыя восточныя части чердынскаго, соликамскаго, пермскаго, кунгурскаго и красноуфимскаго уѣздовъ. По мѣрѣ усиленія русской колонизаціи, граница уѣзда г. Верхотурья отодвигалась все дальше къ юго-востоку, захвативъ ко времени извѣстнаго писца Льва Поскочина, составлявшаго свои дозорныя книги въ 1680 годахъ, значительныя части нынѣшнихъ уѣздовъ ирбитскаго и камышловскаго. Верхнее теченіе Исети и почти вся рѣка Пышма, самый южный притокъ Туры, тогда входили въ предѣлы верхотурскаго уѣзда, который на крайнемъ юго-востокѣ и югѣ въ концѣ XVII вѣка граничилъ уже съ уѣздомъ тобольскимъ *). *Послѣдній врѣзывался тогда своимъ юго-западнымъ угломъ между нынѣшними Пермской и Оренбургской губерніями.*

Наступила эпоха Петра Великаго и съ нею эпоха небывалаго промышленнаго оживленія на Уралѣ. Строители первыхъ казенныхъ заводовъ, извѣстные В. Н. Татищевъ и В. И. де-Геннинъ, а съ ними и первые владѣльцы частныхъ заводовъ съ Демидовыми во главѣ быстро измѣнили географическую карту средняго Урала. Съ этимъ временемъ совпали губернскія реформы Петра 1708 и 1719 годовъ, которыя, въ свою очередь, повели къ новымъ передѣламъ административныхъ границъ внутри государства **). Для управленія многочисленными казенными и частными заводами потребовалось создать за Ураломъ особое „Вѣдомство Екатеринбургское“, названное такъ по главному центру его—вновь основанному въ 1722—23 г. городу Екатеринбургу. Это „Вѣдомство“ подчинено было особымъ горнымъ начальникамъ,

*) Перечень тогдашнихъ поселеній Верхот. уѣзда можно видѣть въ дозорныхъ книгахъ Льва Поскочина, которыя см. въ приложеніяхъ къ VII вып. «Пермс. Стар.».

**) Объ учрежденіи губерній см. подробности въ «Пермск. Старинѣ», вып. VII, въ главѣ 4, стр. 117 и слѣдующія.

стоявшимъ независимо отъ губернской администраціи. Оно выдѣлилось въ самостоятельную административную единицу, подчиненную новому высшему горному учрежденію Бергъ-Коллегіи, изъ стараго обширнаго Верхотурскаго уѣзда, что повело къ значительному его сокращенію въ 1730-хъ годахъ*). Въ тоже время, съ размноженіемъ Демидовскихъ частныхъ заводовъ, выдѣлилось въ отдѣльную единицу сравнительно небольшое „Вѣдомство Акинфія Демидова", занимавшее верхнее теченіе Тагила**) и подобное вѣдомству бароновъ Строгановыхъ по сю сторону Урала. Какъ вотчины Строгановыхъ были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ Чердынскихъ и Соликамскихъ въ силу многихъ, данныхъ имъ въ разное время, привиллегій, такъ и владѣнія Демидовыхъ за Ураломъ не были подчинены воеводамъ и другимъ правителямъ Верхотурья, а зависѣли отчасти отъ главныхъ горныхъ начальниковъ***). Наконецъ *въ 1737 г. учреждается особая „Исетская провинція" изъ земель, до того времени составлявшихъ юго-западныя окраины верхотурскаго и тобольскаго уѣздовъ.* Съ построеніемъ Оренбурга въ 1744 г., Исетская провинція была подчинена этому городу. Она была какъ-бы особымъ военнымъ округомъ, оберегавшимъ тѣ мѣста отъ волненій Башкиръ, недовольныхъ усиленіемъ русской колонизаціи на бывшихъ ихъ земляхъ. Съ половины 1740-хъ годовъ южныя части нынѣшнихъ екатеринбургскаго и камышловскаго уѣздовъ, такимъ образомъ, навсегда порвали всякую зависимость отъ Верхотурья и Тобольска****).

Въ 1745 г. наша Академія Наукъ издала въ С.-Петербургѣ свой первый полный „Атласъ Россійской Имперіи",

---

*) Единственная, доселѣ извѣстная въ печати, «Ландъ—карта Вѣдомства Екатеринбургскаго», составленная въ 1734—36 годахъ, издана при II томѣ сборника «Пермскій Край» (Пермь. 1893 г.) по копіи *Кичигина* 1744 года.

**) «Вѣдомство Ак. Демидова» показано на той же картѣ 1734—36 г.г.

***) Подробнѣе о всѣхъ этихъ перемѣнахъ я говорилъ въ своемъ «Историческомъ очеркѣ Пермскаго края» (Пермь. 1896 г., глава IV).

****) См. тотъ же «Историч. очеркъ Пермскаго края», стр. 31.

состоящій изъ 19 спеціальныхъ картъ *). На 12 картѣ представлена часть Сибири отъ Соликамска до Тобольска, т. е. тогдашняя „Сибирская губернія", первоначально учрежденная въ 1708 г. и реформированная въ 1719 г., съ обозначеніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ уѣздныхъ границахъ, бывшихъ до изданія атласа въ 1745 году. Верхотурскій уѣздъ здѣсь показанъ весь въ его новыхъ границахъ, уже значительно сократившихся противъ тѣхъ, какія онъ имѣлъ до перваго учрежденія Сибирской губерніи въ 1708 году. Въ 1745 г. онъ граничилъ: на сѣверо-востокѣ съ пелымскимъ уѣздомъ; на востокѣ—съ туринскимъ; на югѣ—съ новымъ екатеринбургскимъ по срединѣ водораздѣла между р.р. Тагиломъ и Нейвой; на крайнемъ юго-западѣ—съ нимъ же по теченію р. Чусовой между ея притоками Верхней и Нижней или Межевой Утками; прямо на западѣ—съ вотчинами Строгановыхъ и на крайнемъ сѣверо-западѣ—съ соликамскимъ уѣздомъ. Уральскій хребетъ идетъ по самой границѣ на всемъ протяженіи верхотурскаго уѣзда съ уѣздомъ соликамскимъ и вотчинами Строгановыхъ. Такимъ образомъ большая часть бассейновъ Нейвы и Пышмы и всѣ верховья Исети, Уфы и Чусовой были уже внѣ границъ верхотурскаго уѣзда, т. е. онъ сократился за первую половину прошлаго вѣка чуть не вдвое, потерявъ въ тоже время и всѣ земли, ранѣе прилегавшія къ нему на западѣ отъ Урала.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ отношеніи верхотурскаго уѣзда произошли слѣдующія перемѣны. Въ 1780 г. городъ Пелымъ обращенъ въ простое село и приписанъ къ туринскому уѣзду **), а бывшій пелымскій уѣздъ раздѣленъ между туринскимъ, куда отошла большая его часть, и березовскимъ, съ которымъ непосредственно сталъ граничить

*) Въ моей библіотекѣ въ Перми есть полный экземпляръ этого рѣдкаго атласа.

**) *Звѣринскій*: «Списки населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи», СПБ. 1871 г., введеніе стр. CXV.

верхотурскій уѣздъ; сѣверный его уголъ съ того времени и принялъ нынѣшнюю форму треугольника, основаніемъ прилегающаго непосредственно къ Уральскому хребту. На другой годъ, въ 1781 г., послѣдовало открытіе Пермскаго и Тобольскаго намѣстничествъ подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора, но съ отдѣльными губернаторами для того и другого. Пермское намѣстничество Уральскимъ хребтомъ раздѣлено было на двѣ области—Пермскую и Екатеринбургскую, каждая изъ которыхъ въ свою очередь подраздѣлялась на уѣзды. Область по ту сторону Урала подраздѣлена была на 8 уѣздовъ: екатеринбургскій, челябинскій, далматовскій, шадринскій, камышловскій, ирбитскій, алапаевскій и верхотурскій. Послѣдній уѣздъ съ того времени навсегда отошелъ отъ Тобольска въ вѣдѣніе вновь основаннаго въ томъ же 1781 году губернскаго города Перми, оставшись въ тѣхъ самыхъ границахъ, которыя мы указали выше для 1745 г. Въ 1783 г. Челябинскій уѣздъ былъ приграниченъ къ Уфимскому намѣстничеству, послѣ чего въ Екатеринбургской области Пермскаго намѣстничества осталось 7 уѣздовъ *). Въ 1797 г. Пермское намѣстничество было преобразовано въ губернію, при чемъ число уѣздовъ сокращено съ 15 до 12. Обвинскъ по сю сторону Урала, Далматовъ и Алапаевскъ по ту—были оставлены заштатными городами, а ихъ уѣзды разграничены между сосѣдними уѣздами **). Тогда Алапаевскій уѣздъ весь былъ приграниченъ къ Верхотурскому, который съ того времени и вошелъ наконецъ въ свои нынѣшнія границы ***).

Итакъ отъ начала русской колонизаціи около половины XVII вѣка до 1737 года Исетскій край составлялъ часть

*) Подробности см. въ моихъ «Очеркахъ изъ исторіи г. Перми». Пермь. 1889 г. стр. 31, 92.

**) Тамъ же стр. 92.

***) О границахъ стараго Верхотурскаго уѣзда мы подробно говорили въ статьѣ: «Древности Верхотурья» въ «Памятной книжкѣ Пермск. губ.» на 1899 годъ, откуда и заимствуемъ эти свѣдѣнія.

обширнаго тобольскаго уѣзда; съ 1737 г. до 1781 г.—такъ называемую Исетскую провинцію, а съ того времени донынѣ—шадринскій уѣздъ Пермс. губ., въ верховьяхъ же Исети—екатеринбургскій уѣздъ, возникшій изъ особаго горнаго округа. Слѣдовательно, зависимость Исетскаго края отъ Тобольска порвалась въ 1737 году, такъ какъ Исетская провинція была подчинена уже вновь основанному Оренбургу. Вмѣстѣ съ тѣмъ переносился и центръ административнаго управленія Исетскимъ краемъ: до 1737 года таковымъ служилъ отдаленный Тобольскъ, гдѣ жили главные воеводы, управлявшіе приисетскими острогами и слободами чрезъ мѣстныхъ *прикащиковъ* или *слободчиковъ* (такъ назывались первые прикащики въ слободахъ или основатели и первые ихъ устроители). Съ образованіемъ Исетской провинціи, этимъ краемъ стали править *провинціальные воеводы*, жившіе въ Челябинскѣ, гдѣ была и ихъ воеводская канцелярія. Провинція въ свою очередь подраздѣлена была, какъ мы знаемъ, на три *дистрикта*: *Шадринскій, Исетскій и Окуневскій съ особыми управительскими канцеляріями* въ Шадринской слободѣ, Исетскомъ острогѣ на р. Исети (нынѣ ялуторовскаго округа) и въ Окуневскомъ острогѣ на р. Міясѣ (нынѣ челябинскаго уѣзда) *). Все это управленіе существовало до открытія особой Пермской губерніи въ 1781 г., когда явилось новое дѣленіе на уѣзды, указанное выше.

Мы не будемъ перечислять здѣсь главныхъ тобольскихъ и провинціальныхъ исетскихъ воеводъ, жившихъ въ Челябинскѣ. Это дѣло частью тобольскихъ, частью оренбургскихъ историковъ. Но для справокъ мы считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь списокъ мѣстныхъ управителей Шадринска и другихъ слободъ и остроговъ Исетскаго края, которые подчинялись въ XVII и началѣ XVIII вѣка тобольскимъ воеводамъ. Этотъ списокъ впервые составленъ нами на основаніи

*) *Петръ Рычковъ*: «Топографія Оренбургская». СПБ. 1762 г. часть II, стр. 156 и дальнѣйшія.

многочисленныхъ частью печатныхъ, а въ большинствѣ рукописныхъ (въ столбцахъ XVII вѣка) актовъ Исетскаго края, прочитанныхъ нами за много лѣтъ. Сюда относятся: указы государей, памяти тобольскихъ воеводъ, отписки слободскихъ прикащиковъ и т. д. Конечно, за полноту этого списка мы не ручаемся, но за точность хронологическихъ данныхъ отвѣчаемъ, потому что они основаны на актахъ XVII и слѣдующаго вѣка. Со временемъ, при удобныхъ случаяхъ, мы будемъ пополнять этотъ первоначальный и пока единственный въ печати списокъ.

Шадринская слобода,

нынѣ уѣздный городъ Пермской губерніи.

Соловьевъ Юрій слободчикъ 1662—1664 г.г.
Пясталовъ Галактіонъ Матвѣевъ слободчикъ, упомин. 1666 г.
Волковъ Иванъ Ѳедоровичъ полуполковникъ 1670—1678 г.г.
Ларіоновъ Алексѣй прикащикъ 1677—1678 г.г.
Ярославцевъ Иванъ прикащ. 1679—начало 1680 г.
Сидоровъ Петръ прикащ. до сентября 1680 г.
Рачковскій Осипъ Ивановичъ прикащ. сентябрь 1680 г.
Назимовъ Гавріилъ драгунскаго строя капитанъ 1680-1684 г.г.
а въ 1698 г. уже тобольскій сынъ боярскій.
Буткѣевъ Гавріилъ Евстафьевичъ прикащ. 1683 г.
Евсевьевъ Любимъ прикащ. 1685 г., ранѣе въ 1683 г.
упоминаемый въ Исетскомъ острогѣ.
Шульгинъ Яковъ Павловичъ тоболенинъ—прикащ. 1687 г.,
послѣ въ 1690 г. упом. въ Барневской слободѣ.
Протопоповъ Меѳодій (иначе Неѳедъ) Меѳодіевичъ прикащикъ
1689—1690 г.г.
Черкасовъ Яковъ прикащ. 1690 г., ранѣе въ 1683 году
упомин. въ Катайскомъ острогѣ.
Шарыгинъ Григорій прикащ. 1691 г.
Денисовъ Ѳедоръ прикащикъ 1697 г.

Ѳефиловъ Степанъ прикащикъ 1695—1698 г.г., ранѣе въ 1687 г. упом. въ Барневской слободѣ; онъ былъ тобольскій дворянинъ.

Куртуковъ Андрей капитанъ 1698—1700 г.г., затѣмъ въ 1701 г. упом. въ Суерской слободѣ.

Ранчковскій Степанъ Степановичъ капитанъ 1700—начало 1701 г.

Томиловъ Василій Ивановичъ капитанъ 1703—1704, тоже 1708 г.

Шокуровъ Левъ Леонтьевичъ 1708—1710 г.г.

Князь Мещерскій Василій Алексѣевичъ комендантъ 1713 г.

Маслянская слобода.

Хворого Яковъ прикащикъ 1680 г.

Выходцовъ Иванъ прикащ. 1683 г., затѣмъ въ 1684 г. въ Барневской слободѣ.

Тырковъ Яковъ прикащикъ 1684 г.

Аршинской Семенъ прикащикъ 1690 г.

Бѣнтовъ Василій капитанъ 1700 г.

Ранчковскій Алексѣй, маслинской роты капитанъ 1701 г.

Парѳеньевъ Леонтій Ивановичъ полуполковникъ 1704 г.

Барневская слобода

(приписная къ Маслянской).

Мазихинъ Ѳедоръ прикащикъ 1677 г.

Пясталовъ Галактіонъ слободчикъ 1680—1681 г.г., ранѣе въ 1666 г. упомин. въ Шадринскѣ.

Выходцовъ Иванъ прикащ. 1684 г., а въ 1683 году въ Маслянкѣ.

Ѳефиловъ Степанъ прикащ. 1687 г., потомъ въ Шадринскѣ.

Шульгинъ Яковъ прикащикъ 1690 г., а ранѣе въ 1687 г. служилъ въ Шадринскѣ.

Красномысская слобода.

Первушинъ Михаилъ слободчикъ 1680 г.
Рындинъ Михаилъ прикащикъ 1685 г.
Грозинъ Борисъ прикащикъ 1690 г.

Катайскій острогъ.

Черкасовъ Яковъ прикащ. 1683 г., потомъ въ Шадринскѣ.
Ѳоминъ Константинъ прикащ. 1685 г.
Заливинъ Нифонтъ прикащ. 1690 г.
Мурзинъ Осипъ капитанъ 1698 г.
Рублевскій Иванъ Ѳедоровичъ, катайской роты капитанъ 1700—1701 г.г.
Угрюмовъ Дмитрій майоръ 1704—1706 г.г.

Колчеданскій острогъ.

Лосевъ Василій, колчеданской роты капитанъ 1698—1701 г.г.

Каменскій заводъ.

Астраханцевъ Иванъ Ивановичъ и съ нимъ
Яковъ Терентьевичъ ..... прикащ. въ 1701 г. и послѣ въ 1704—1709 годахъ.

Арамильская слобода.

Полстоваловъ Карпъ капитанъ 1698 г., а потомъ въ 1701 г. въ Мехонск. острогѣ.
Буткѣевъ Иванъ, арамильской роты капитанъ въ 1701 г.

Бѣлоярская—Теченская слобода.

Чичаговъ Аѳанасій прикащикъ въ 1701 г.

Мехонскій острогъ.

Полстоваловъ Карпъ, мехонской роты капитанъ 1701 г., а ранѣе въ Арамилѣ.
Текутьевъ Степанъ Ивановичъ полуголова 1700—1706 г.г., а ранѣе былъ въ Исетскомъ острогѣ.

Окуневская (она же Міясская) слобода.

Хворовъ Андрей прикащикъ 1701 г.

Исетскій острогъ.

Евсевьевъ Любимъ прикащикъ 1683 г., а послѣ, въ 1685 г. былъ въ Шадринскѣ.

Лошкинъ Борисъ прикащикъ 1690 г.

Текутьевъ Иванъ Титовичъ драгунскій голова въ 1698 году и съ нимъ полуголова Степанъ Текутьевъ же, послѣ, въ 1700—1706 г.г. упомин. въ Мехонкѣ.

Мейнъ Давидъ Яковлевичъ драгунскій полковникъ въ 1700—1704 г.г.; полуголова сперва тотъ же.

Алексѣевъ Иванъ, исетской роты капитанъ 1701 г.

Лингъ Александръ Гавриловичъ, драгунскаго строю голова 1704—1706 г.г.

Аршанской Иванъ Ивановичъ тобольскій дворянинъ 1706—1707 г.г.

Суерская слобода.

Угрениновъ Ѳедоръ, суерской роты сержантъ 1701 г.

Куртуковъ Андрей, суерской роты капитанъ 1701 г., а ранѣе былъ въ Шадринскѣ.

Утятская слобода.

Шерстовъ Василій, прикащикъ, 1701 г.

Терсютская слобода.

Безовской Григорій Яковлевичъ прикащикъ 1701—1704 г.г.

Ялуторовская слобода.
(нынѣ городъ).

Астраханцевъ Степанъ маіоръ 1670 г.

Матигоровъ Ѳедотъ капитанъ, а потомъ полуполковникъ 1701 г.

Слобода Царево Городище,
что нынѣ городъ Курганъ.

Обольяниновъ Иванъ капитанъ 1701 г.
Бѣкишевъ Алексѣй сержантъ 1704 г.

Этотъ списокъ мѣстныхъ правителей въ Исетскомъ краѣ до учрежденія въ немъ особой провинціи показываетъ, что и подъ властью Тобольскихъ воеводъ Исетскій край, какъ пограничный и тревожный, былъ на военномъ положеніи, почему большинство правителей были люди военные. Во всѣхъ острогахъ и слободахъ стояли драгунскія роты съ ихъ командирами, которымъ часто ввѣрялась и власть гражданская. Дѣйствительно, этой пограничной русской окраинѣ за два столѣтія пришлось испытать много потрясеній отъ башкирцевъ и союзныхъ имъ другихъ инородцевъ, считавшихъ самыя земли въ бассейнѣ р. Исети своею исконною собственностію и теперь мстившихъ за отобраніе ихъ русскимъ. Къ половинѣ XVIII вѣка весь Оренбургскій край покрылся сѣтью русскихъ крѣпостей. Исетская провинція, какъ составная часть этого края, вошла въ ту же сѣть. Здѣсь Оренбургская линія укрѣпленій вошла въ связь съ Сибирской линіей, возникшей еще раньше съ той же оборонительной цѣлью. Въ эпоху пугачевщины всѣ эти мѣры правительства еще разъ убѣдили его въ полной ихъ цѣлесообразности и необходимости для своего времени.

VI.

Начало Кунгурскаго уѣзда.

Срединное положеніе между Осинскимъ уѣздомъ и Великой Пермью или собственно вотчинами Строгановыхъ занималъ Кунгурскій уѣздъ, вновь возникшій въ половинѣ XVII вѣка. О началѣ самаго города Кунгура мы уже гово-

рили въ нашемъ изданіи, да и вообще по этому вопросу писано было не мало *). Основаніе Кунгура вызвано было поземельной неурядицей въ долинахъ Сылвы и Ирени, гдѣ русскіе пришельцы изъ Перми Великой тѣснили мѣстныхъ туземцевъ татаръ и остяковъ, изстари составлявшихъ коренное населеніе къ югу и западу отъ Великопермскаго края. Надо думать, что татары явились сюда изъ бывшаго Казанскаго царства, а сосѣди ихъ—отатарившіеся остяки были выходцами изъ за Урала или аборигенами края. Повидимому, тѣ и другіе жили здѣсь задолго до прихода русскихъ и были болѣе старыми насельниками Сылвы и Ирени, нежели Осинскіе башкиры. Когда же явились западнѣе ихъ эти послѣдніе, то они вступили въ союзъ съ ними, оказавшись скоро въ одинаково утѣсненномъ положеніи.

Итакъ, до заселенія русскими территоріи Кунгурскаго уѣзда, послѣдняя, подобно Башкиріи, составляла инородческую область, которую можно считать сѣверо-восточной окраиной Осинской Башкиріи. Всѣ эти земли подчинились русской власти, вѣроятно, одновременно съ Башкиріей вскорѣ послѣ паденія Казани. Въ концѣ XVI в. сылвенскіе, иренскіе и верхне-чусовскіе татары и остяки уже платили ясакъ въ государеву казну, а въ началѣ слѣдующаго вѣка между ними сдѣлана была первая перепись одновременно со всей Великой Пермью. Эту первую перепись инородцевъ произвелъ въ 1623—24 годахъ извѣстный намъ писецъ Михаилъ Кайсаровъ.

Годъ перваго основанія г. Кунгура извѣстенъ точно, а именно 1648—49. Съ этого только времени могъ появиться и новый Кунгурскій уѣздъ, котораго Кайсаровъ, конечно, еще не могъ упоминать въ своей писцовой книгѣ. Писецъ Кайсаровъ подробно перечисляетъ въ бассейнѣ Сылвы и Ирени юрты Рожинскаго и Карьевскаго улусовъ и въ одномъ мѣстѣ

*) «Пермс. Старина», вып. II, стр. 120—122, 212, 215—216. См. также статью *Золотова* въ «Трудахъ Пермс. Ученой Архивной Коммисіи», вып. II, 1893 г.

только говоритъ: „А вотчина карьевскихъ остяковъ *рѣчка Камгуръ* отъ вершины до рѣки Ирени по обѣ стороны на 10 верстъ, да отъ рѣчки Камгура внизъ по Ирени до Сухово врагу". Подъ этой рѣчкой Камгуромъ и разумѣется та рѣчка *Кунгуръ*, правый притокъ Ирени, на которой въ 1648—49 г. былъ первоначально поставленъ городъ Кунгуръ, получившій отъ рѣчки и свое названіе—нынѣ въ сѣверо-восточной части Осинскаго уѣзда *). Больше у Кайсарова нѣтъ упоминанія слова Кунгуръ.

Такимъ образомъ начало Кунгурскаго уѣзда должно относить къ началу города, т. е. къ половинѣ XVII вѣка, какъ и дѣлаютъ всѣ писавшіе по этому вопросу. Только одинъ Шишонко и въ этомъ случаѣ допустилъ, какъ въ вопросѣ объ осинскихъ переписныхъ книгахъ и многихъ другихъ, крупную несообразность и противорѣчія, въ которыхъ самъ не могъ разобраться. Онъ отодвигаетъ начало Кунгура къ 1623 году, совершенно неправильно понявъ смыслъ нѣкоторыхъ словъ мѣстной Кунгурской лѣтописи Пиликиныхъ. Эта лѣтопись, въ полномъ видѣ изданная нами въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1887 г. (№№ 13—17), начинается слѣдующими словами: „Лѣта 1648—49 городъ Кунгуръ въпервыхъ былъ основанъ по обыску чердынскихъ и усольскихъ воеводъ, думнаго дворянина Прокопья Елизарова да стольника князя Петра Прозоровскаго да Семена Кондырева, *по писцовымъ чердынскимъ и усольскимъ 7131—7132 г.г. книгамъ*, на проданной въ поверстныхъ дачахъ отъ татаръ иренскихъ русскимъ людямъ порожней землѣ. Сначала на Кунгурѣ и въ уѣздѣ онаго жители обитать начали съ 1649 года—выѣзжіе изъ Чердыни и Соликамска изъ за монастырей, изъ за вотчинниковъ и новоприходцы Вятчане и Кайгородцы, Соливычегодской и Устюга Великаго, въ прежнія времена назы-

*) «Кунгурскія писцовыя книги Татаръ письма и мѣры М. Кайсарова 1623—24». Изданіе *Шишонко*. Оттискъ изъ Перм. Губерн. Вѣдом. 1872 г. № № 85—97, стран. 145—146.

ваемые посадскіе люди и уѣздные крестьяне и бобыли, кои *прежній городъ Кунгуръ сами собой построили* *) *на рѣчкѣ Ирени, по теченію внизъ на правомъ берегу въ 1649 году.* „А названіе себѣ тотъ городъ предпринялъ по рѣчкѣ Кунгуркѣ, которая ниже прежняго заведенія впала въ р. Ирень въ двухъ верстахъ". Казалось бы, въ этихъ словахъ лѣтописи трудно что-либо перетолковать; все сказано просто и ясно о первомъ основаніи Кунгура, уже послѣ разоренія во время Сеитовскаго бунта въ 1662—63 годахъ перенесеннаго на новое мѣсто, гдѣ городъ стоитъ и нынѣ. Однако г. Шишонко понялъ приведенныя слова Пиликинской лѣтописи въ томъ смыслѣ, что разъ Кунгуръ основанъ, по обыску великопермскихъ воеводъ, на основаніи писцовыхъ книгъ Михаила Кайсарова 1623—24 годовъ на татарскія и остяцкія земли, то значитъ къ этимъ годамъ надо отнести и первое заложеніе города на проданной русскимъ иренскими татарами ихъ порожней землѣ. Такое своеобразное толкованіе у Шишонко выражено категорично подъ 1623 годомъ его „Пермской Лѣтописи": „въ семъ 1623 г. основанъ г. Кунгуръ" **). Чувствуя однако неправильность своего толкованія, г. Шишонко подъ 1648 годомъ уже переходитъ на сторону другихъ лицъ, писавшихъ о Кунгурѣ, не считая нужнымъ объяснить это противорѣчіе самому себѣ ***). Такимъ образомъ мнѣніе Шишонко о первомъ основаніи Кунгура въ 1623 г. мы должны признать прямо одной изъ тѣхъ крупныхъ ошибокъ, какихъ въ его скороспѣлыхъ трудахъ мы встрѣчаемъ не мало едва-ли не по всѣмъ 12 уѣздамъ нашей губерніи.

Вернемся теперь къ Кайсарову, подробно описавшему вотчины инородцевъ по сосѣдству съ Великой Пермью еще за четверть столѣтія до перваго основанія Кунгура на рѣкѣ

---

*) Это не вѣрно, потому что Кунгуръ устраивали тогдашніе чердынскіе воеводы Елизаровъ, кн. Прозоровскій и Кондыревъ по указамъ изъ Москвы.

**) «Перм. Лѣтопись» т. II, стр. 255.

***) Тамъ же, томъ III, стр. 99—100.

Ирени, близъ впаденія въ нее рѣчки Кунгурки. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ село Осинскаго уѣзда Троицкое, иначе называемое, какъ остатокъ города, Старымъ Посадомъ. Одновременно съ старымъ Кунгуромъ было заселено и укрѣплено Степаново Городище, какъ бы его передовой форпостъ со стороны Башкиріи—нынѣ также село того же имени въ Осинскомъ уѣздѣ. Но и Кунгуръ, и Степаново Городище заселились уже въ 1648—49 г.г. Кайсаровъ же не нашелъ въ тѣхъ мѣстахъ еще никакихъ русскихъ поселеній *). Онъ описалъ въ особой книгѣ „ниже Перми Великія, по рѣкѣ по Сылвѣ вверьхъ, выше Андреевыхъ да Петровыхъ Строгановыхъ Сылвинскаго острожку деревень и починковъ, — остяцкіе улусы, которые Остяки платятъ въ государеву цареву и вел. князя Михаила Федоровича всеа Русіи казну куничной ясакъ, *а въ тѣхъ остяцкихъ улусахъ улусъ Рожинъ, а въ немъ юрты остяцкіе*“ **). Покончивъ съ юртами по верхней Сылвѣ, Кайсаровъ перечисляетъ юрты татаръ и остяковъ по ея правымъ притокамъ Шаквѣ и Юрману, потомъ по лѣвому—Бабкѣ и малымъ рѣчкамъ и озерамъ въ бассейнѣ той же Сылвы. Послѣ того во второй половинѣ писцовой книги Кайсаровъ переходитъ къ лѣвому большому притоку Сылвы—рѣкѣ Ирени и описываетъ тогда расположенный здѣсь *Карьевскій улусъ татаръ, остяковъ и черемисъ* (упомянутъ и одинъ юртъ мордовскій). Такимъ образомъ вся писцовая книга состоитъ изъ подворнаго описанія двухъ главныхъ улусовъ: Рожина на р. Сылвѣ и Карьева на Ирени. Оба они состояли изъ остяцкихъ и татарскихъ юртъ, занимавшихъ и всѣ ближайшіе притоки Сылвы и Ирени, а также озера, протоки, заливы ихъ. Общій итогъ Кайсаровъ приводитъ слѣдующій. „А всего сылвенскихъ и иренскихъ остяковъ и татаръ 67 юртовъ, да 4 юрта черемисскихъ, да юртъ мордовскихъ людей, и въ нихъ остяковъ и татаръ 81 человѣкъ, да 4 чело-

*) Сравнить въ «Перм. Старинѣ» II, 121—122, 213—215.

**) См. предисловіе къ этимъ книгамъ въ изданіи Шишонко.

вѣка черемисина, да мордвинъ. Пашенные добрые земли около юртовъ 55 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ. А по государеву цареву и вел. кн. Михаила Ѳеодоровича... указу, съ тѣхъ юртовъ *остякомъ и татаромъ платить въ государеву казну по 14 сороковъ по 25 куницъ на годъ, да съ тѣхъ же юртовъ положено вновь* за пашню и за верховые оброки, и за рыбныя и за звѣриныя ловли, и за бобровые гоны, и за всякія угодья *съ 72 юртовъ 72 куницы, по куницѣ съ юрта.* А всего сылвенскимъ и иренскимъ татаромъ и остякомъ впредь платить въ Новгородскую четверть по 16 сороковъ и по 17 куницъ на годъ, да пошлинъ съ куницы по денгѣ, итого 3 рубля 9 алт. 3 денги. А прибыло сверхъ окладной росписи сылвенскаго и иренскаго ясаку 5 сороковъ и 17 куницъ, да пошлинъ прибыло 3 руб. 9 алт. 3 денги". На этомъ общемъ итогѣ писцовая книга татаръ и остяковъ 1623—24 г.г. и оканчивается. Слѣдовательно въ эти годы на всей территоріи будущаго Кунгурскаго уѣзда еще не было ниодного русскаго поселенія.

Но въ слѣдующемъ десятилѣтіи XVII вѣка началась и въ бассейнѣ верхней Сылвы русская колонизація и, разъ возникнувъ, стала дѣлать очень быстрые успѣхи. Первые поселенцы изъ русскихъ явились сюда изъ сосѣдней Перми Великой, и о нихъ мы уже имѣли случай говорить въ настоящемъ изданіи *). То были колоніи Соликамскаго Вознесенскаго и Пыскорскаго монастырей—пустыни (а нынѣ села) Воздвиженская и Рождественская, изъ коихъ первая основана въ 1632 году и вторая въ 1636 г. Къ числу первыхъ русскихъ селеній въ Сылвенскомъ краѣ нужно также отнести село Кишерть, купленное у татаръ Елисѣевыми, а отъ нихъ— Строгановыми **). Около этихъ первыхъ русскихъ поселеній скоро возникли русскіе же починки и деревни въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ. Послѣ того уже возникаетъ городъ

*) «Пермская Старина» II, 119—120.
**) ibidem, II, 168—169.

Кунгуръ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ и укрѣпленное селеніе Степаново Городище, что нынѣ села Троицкое или Старопосадское и Стефановское въ Осинскомъ уѣздѣ. Около нихъ въ свою очередь являются новые русскіе починки и деревни. Таковы были первыя русскія поселенія за предѣлами Перми Великой, но въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею, въ бассейнѣ р. Сылвы.

Для исторіи русской колонизаціи этихъ мѣстъ очень важное значеніе имѣютъ сохранившіяся въ архивѣ кунгурской городской управы *„селидебныя книги 7156—7159 годовъ“* (т. е. 1648—1651 г.г.), имѣющіяся у меня въ копіи. Въ рукописи, содержащей ихъ, заключаются: а) книги воеводы Прокопія *Елизарова* 1648 г., б) книги воеводы князя Петра *Прозоровскаго* и в) книги воеводы Семена *Кондырева*. Послѣднія двѣ переписи относятся къ одному 1651 году. Приведемъ существенныя данныя изъ всѣхъ этихъ источниковъ.

Послѣ Кайсарова слѣдующія по времени переписныя книги по Кунгурскому уѣзду составлены были въ 1648 г., по наказу воеводы Елизарова, который, какъ мы знаемъ, переписывалъ, подобно Кайсарову, и Пермь Великую. Но онъ не самъ составлялъ книги, а поручилъ ихъ составленіе по Кунгурскому уѣзду, при самомъ основаніи Кунгура, выборному Соликамскому посадскому человѣку Ивану *Суровцеву* и съѣзжіе избы подъячему Антипѣ *Вахутину*, какъ видно изъ предисловія къ книгамъ. Имъ велѣно было переписать и вывести за государя на Кунгуръ и на Степаново Городище на жительство, а затѣмъ и тягломъ обложить всѣхъ вятчинъ, кайгородцевъ, чердынцевъ и усольцевъ и другихъ городовъ людей, которые будутъ прибраны къ поселенію на Кунгурѣ. Въ составленныхъ Суровцовымъ и Вахутинымъ книгахъ подробно перечислены сначала государевы крестьяне, а затѣмъ отдѣльно бѣглые и бобыли, которые подлежали выселенію на Кунгуръ и Степаново Городище. Приведемъ здѣсь въ особой

таблицѣ общій итогъ изъ „селебныхъ“ переписныхъ кунгурскихъ книгъ Прокопія Елизарова 1648 года.

Откуда выведены.	Государевыхъ крестьянъ.		Бѣглыхъ и бобылей.		Итого мужского пола.	
	Семей.	Людей.	Семей.	Людей.	Семей.	Людей.
1) Изъ за Пыскорскаго монастыря	135	442	12	42	147	484
2) » » Соликамскаго Вознесенск.	67	219	9	26	76	245
3) » » Ѳедора Строганова . .	46	127	7	21	53	148
4) » » Андрея Строганова . .	15	23	3	20	18	43
5) » » Томила Елисѣева . .	60	205	16	59	76	264
6) » » Ивана Суровцева . .	7	19	8	19	15	38
Итого .	330	1035	55	187	385	1222

Всѣмъ выведеннымъ на Кунгуръ и Степаново Городище людямъ тогда же дано было земли подъ дворы и подъ огороды, и подъ пашни 1047 четвертей въ полѣ, а въ дву потому же, да сѣнныхъ покосовъ отъ Кунгура вверхъ по р. Ирени по обѣ ея стороны и между поль 10470 копенъ. А государевыхъ податей и со всякими доходами послѣ льготныхъ лѣтъ (льгота дана на 4 года) велѣно платить имъ по окладу по 132 рубля по 9 алтынъ по 2 деньги на годъ.

Такимъ образомъ правительство само колонизировало сылвенскій край, какъ пограничный и весьма безпокойный. Но первые русскіе насельники на берегахъ Сылвы сами и были, какъ мы видѣли во II выпускѣ этого изданія (стр. 120, 213), виновниками всей поземельной неурядицы на Сылвѣ и ея притокахъ. Какъ было и въ Башкиріи, они насильно завладѣли нѣкоторыми землями и разными угодьями прежнихъ обитателей здѣшнихъ мѣстъ—татаръ и отатарившихся остяковъ. Естественно поэтому, что ихъ сторону приняли башкиры, находившіеся въ подобномъ же положеніи.

Въ силу такихъ-то условій, для скорѣйшаго подавленія безпорядковъ на Сылвѣ, правительство и взяло въ свои руки колонизацію этого края Послѣ воеводы Елизарова (1647—48 г.г.) его преемнику по воеводству въ Перми Великой, князю Петру Прозоровскому, опять повелѣно было изъ Новгородскаго Приказа составить новыя, какъ бы повѣрочныя и дополнительныя, селидебныя книги по Кунгуру и его уѣзду. Подобно Елизарову, князь Прозоровскій поручилъ составить книги чердынской съѣзжей избы подьячему *Гаврилу Евдокимову*, который „пересмотрѣлъ и переписалъ людей" на Кунгурѣ и въ уѣздѣ его „сверхъ сыску и селитьбы Прокофья Елизарова". Начавъ съ Кунгура, Евдокимовъ сдѣлалъ подворную перепись и по всѣмъ деревнямъ и починкамъ въ уѣздѣ этого города, исключая села Кишерти и двухъ пустыней. Закончивъ свои книги, онъ помѣтилъ ихъ 1 декабря 1651 г. и подалъ князю Прозоровскому, именемъ котораго эти книги иногда и называются, подобно предыдущимъ книгамъ Елизарова, въ дѣйствительности составленнымъ Иваномъ Суровцевымъ. Оказалось, что послѣ Елизарова, „сверхъ его сыску и селитьбы", т. е. въ теченіе менѣе трехъ лѣтъ, на Кунгурѣ и въ его уѣздѣ прибавилось 86 дворовъ (въ городѣ 8) и 228 человѣкъ муж. пола (изъ нихъ въ городѣ 17). Важно въ переписи Евдокимова перечисленіе всѣхъ деревень и починковъ Кунгурскаго уѣзда съ указаніемъ въ каждомъ селеніи числа дворовъ и людей. Этотъ списокъ приведенъ у Шишонко *), но безъ цифровыхъ данныхъ и несходно съ нашимъ, почему не лишнимъ считаемъ вновь напечатать его здѣсь въ полномъ видѣ въ особой таблицѣ.

*) «Пермск. Лѣтопись», III, стр. 109—110.

№№	Названія селеній.	Дворов.	Людей.
1	Дер. Лалетина на устьѣ Кунгура	1	1
2	» Весляная	17	36
3	» Болотова вверхъ Ирени	1	2
4	» Степаново Городище	10	23
5	» Щучалова	1	4
6	» Колпашникова	3	8
7	» Тучнолобова	3	7
8	» Ушакова (она же Теплая)	3	5
9	Почин. Макковѣевъ	1	3
10	Дер. Патракова	3	6
11	» Подсошкова на усть Сухого логу	1	4
12	» на Мельничномъ истокѣ	4	10
13	» Галанова	1	1
14	» Черепанова	4	9
15	Почин. Шангинъ	1	2
16	Дер. Жаравлева	2	5
17	» Казакова	1	5
18	» Бахматова	1	5
19	» Гусельникова	1	2
20	Почин. Анкичевъ	2	10
21	Дер. Бѣляева	7	28
22	» Ватолина вверхъ Сухіе Орды	1	4
23	» Матвѣева на Ирени.	1	5
24	» Вверхъ Сылвы на Сосновомъ Мысу	2	8
25	» Варламова вверхъ Сылвы	1	5
26	» Верхъ Суксуна рѣчки.	4	13
27	» Черный Яръ на р. Сылвѣ	1	1
	Итого.	78	211

Въ самомъ городѣ Кунгурѣ, по той же переписи, прибыло 8 дворовъ крестьянскихъ и въ нихъ 17 человѣкъ. Съ уѣздомъ же общая прибыль оказалась 86 дворовъ и 228 человѣкъ.

Въ томъ же 1651 году послѣдовала перемѣна великопермскаго воеводы: вмѣсто князя Прозоровскаго въ Чердынь назначенъ былъ стольникъ Семенъ Тимоѳеевичъ Кондыревъ. Такъ какъ на Кунгуръ и въ его уѣздъ по прежнему бѣжали многіе чердынцы, зная плодородіе тѣхъ мѣстъ и ихъ малонаселенность, а также являлись туда выходцы изъ другихъ городовъ и уѣздовъ и селились по Сылвѣ и ея притокамъ самовольно, безъ поручныхъ записей, то новому вое-

водѣ данъ былъ наказъ изъ Новгородской Чети *) за приписью дьяка Андрея Немирова „*сыскать за вотченниками сверхъ Прокопья Елизарова и князь Петровыхъ Прозоровскаго селебныхъ книгъ* прихожихъ крестьянъ вятчанъ, и кайгородцевъ, и Соливычегодцкой, и съ Устюга Великаго и иныхъ разныхъ городовъ и поручныя записи въ житьѣ и въ государевѣ тяглѣ взять". Согласно этого наказа, *воевода Кондыревъ вновь сыскалъ на Кунгурѣ и въ его уѣздѣ 174 семьи, а людей въ нихъ 428 человѣкъ*, которые за вотчинниками не живали. При содѣйствіи двухъ выборныхъ кунгурскихъ крестьянъ Андрея Иванова Шастина и Григорія Ларіонова Ослякова Кондыревъ обложилъ новыхъ пришельцевъ государевымъ тягломъ, давъ имъ льготы на 4 года, съ 1 сентября 1651 г. до 1 сентября 1655 г., и поселилъ ихъ не только на Кунгурѣ и Степановѣ Городищѣ, но и въ разныхъ деревняхъ; затѣмъ „противъ прежнихъ селебныхъ кунгурскихъ книгъ и дачь" воевода Кондыревъ далъ имъ земли подъ дворы, и подъ огороды, и подъ пашни 522 чети въ полѣ, а въ дву потому же, да сѣнныхъ покосовъ по Сылвѣ, и по Ирени, и по Кунгуру, и по Кишерти, и по инымъ рѣчкамъ и между поль 5220 копенъ. „А государевы подати во всякіе доходы послѣ льготныхъ лѣтъ по окладу платить имъ по 50 рублевъ по 28 алтынъ по 2 деньги на годъ". Въ новоселебныхъ книгахъ Кондырева, сравнительно съ таковыми же Евдокимова, упоминаются слѣдующія новыя селенія въ Кунгурскомъ уѣздѣ (нынѣ нѣкоторыя деревни въ Осинскомъ уѣздѣ, за границей Кунгурскаго): дерев. Неволина, дер. Неклюева, дер. Шулаева, дер. „у Сухія рѣчки", д. Лаврикова, дер. Верхъ-Кишерти, почин. Чечулинъ, поч. Подюковъ, дер. Верхъ-Кунгура, д. Верхъ-Иргины рѣчки, д. Усть-Иргины рѣчки, д. Тиханова, д. Бакланова. Нѣтъ сомнѣнія, что

*) Въ свое время такой же наказъ изъ Новгор. Чети данъ былъ Елизарову за приписью дьяковъ Алмаза Иванова и Никифора Демидова.

не всѣ изъ этихъ селеній возникли именно въ 1651 г., а только въ первый разъ упоминаются подъ этимъ годомъ.

Такъ совершилось первое заселеніе Кунгурскаго уѣзда, когда самый городъ стоялъ еще на первомъ мѣстѣ, нынѣ въ Осинскомъ уѣздѣ. Для исторіи колонизаціи Кунгурскаго уѣзда кромѣ указанныхъ источниковъ важнымъ пособіемъ является трудъ священника *Петра Пономарева*: „Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда“ (Кунгуръ 1897 г.). Интересующихся подробностями мы и отсылаемъ къ нему. Здѣсь читатель находитъ много полезныхъ указаній и географическаго характера *). Изложеніе дальнѣйшей исторіи колонизаціи новаго уѣзда, со временемъ совершенно отдѣлившагося по управленію отъ Чердынскаго и имѣвшаго своихъ воеводъ, въ нашу задачу не входитъ. Эта исторія весьма сложная и могла бы быть изложена только въ отдѣльномъ выпускѣ, но такой возможности въ настоящее время мы не имѣемъ, какъ и предупреждали читателя во введеніи къ этой книгѣ.

А. Дмитріевъ.

*) О началѣ Кунгура и его новаго уѣзда въ этой книгѣ см. стран. 232 и многія послѣдующія.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

1) Осинская писцовая книга Палицына и Аристова 1596 г.

Библіографическія свѣдѣнія объ изданіи этой книги г. Шишонко и критическій разборъ этого изданія мы привели въ главѣ II, *B*, гдѣ была рѣчь о Прикамской или Осинской Башкиріи. Здѣсь мы воспроизводимъ подлинный текстъ книги по списку XVIII вѣка, найденному нами въ Перми въ 1890 году. Списокъ исполненъ хорошо, почти безъ пропусковъ. Въ архивахъ и библіотекахъ обѣихъ столицъ нѣтъ списковъ книги 1596 г. по городу Осѣ. Настоящее изданіе является первымъ *полнымъ* въ печати.

„Лѣта 7104 году іюня въ 23 день, по указу воеводы князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ товарищи, за приписью государева дьяка Алексѣя Щепилова, Аверка Палицынъ да подьячей Федоръ Аристовъ въ Казанскомъ уѣздѣ, вверхъ рѣки Камы, на Осинскомъ городищѣ въ Новониколской слободѣ писали дворы, а во дворѣхъ людей и пашню пахотную и переложную, и заросли и дубровы пашенныя, и сѣнные покосы, и всякія угодья.

„*Въ Казанскомъ уѣздѣ*, вверхъ рѣки Камы съ наполные стороны, *на Осинскомъ городищѣ Новая Николская слобода*, а въ ней Божія милосердія храмъ великаго чюдотворца Николы поставленъ новой клѣтцки; въ церкви царскихъ дверей и образовъ, и книгъ, и сосудовъ, никотораго церковнаго строенія и попа нѣтъ. А подъ церковь мѣста, и подъ дворы попу и дьячку, и подъ кельи вдоль и поперекъ по пятидесяти саженъ; пашни церковныя добрыя земли попу и дьячку, залогу и зарослей семь десятинъ съ полудесятиною въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна на Тулвѣ рѣкѣ и около церковныя пашни триста копенъ; лѣсъ и всякія угодья по пашнѣ.

„Въ слободѣ жъ дворъ *слободчика Нечая Григоръева сына Калуженина* да брата ево Филипа на лготѣ съ сотого году ноября съ 18 числа до сто шестого году ноября по 18 число, по государевѣ царевѣ и великаго князя Феодора Ивановича всея Россіи

грамотѣ за приписью государева дьяка Андрея Щелканова,—на полувыти.

„Въ слободѣ жъ дворы крестьянъ пашенныхъ полувытныхъ: Иванъ Григорьевъ сынъ Кортяшъ, да Василей Тимофеевъ сынъ Жуневъ да дѣти ево Никифорко да Семенка; Иванъ Ерофеевъ сынъ Соловей Верховскіе да сынъ ево Гришка; Семенъ Федоровъ сынъ Коневъ да сынъ ево Пантелейко; Рычко Семеновъ сынъ Туневъ да сынъ ево Максимко.

„По четверти выти: Алферка да Матюшка Даниловы дѣти Коншинова; Давыдко Аксеновъ сынъ Кучумовъ да братья ево Максимко да Тараско; Дмитрей Семеновъ сынъ Брюхановъ да братья ево Худякъ да Павелко; Дмитрей Прокофьевъ сынъ Богатырь верхокамецъ да сынъ ево Тренка.

„По получетверти выти: Аврамко Ерофеевъ сынъ Тима верхокамецъ; вдова Марья Дорофеева дочь Ивановская жена Кутнина.

„И всего 12 дворовъ и съ слободчиковымъ, а людей въ нихъ 25 человѣкъ; пашни имъ пахать 4 выти съ четвертью. Сѣли на лготѣ въ сотомъ году (1591 г.) на пять лѣтъ ноября съ 18 числа до ста шестого году ноября по 18 число, а въ тѣ имъ лготные годы дворы построить и пашни распахать, и поля загородить. А какъ лготные годы отойдутъ—и имъ давать оброку въ государеву казну съ году на годъ за посыпной хлѣбъ, за рыбныя ловли и за кузницы по срокомъ по шти рублевъ по 12 алтынъ по полуторы денги—по полутора рубля съ выти, да пошлинъ по 8 денегъ съ рубля.

„*Вытные* (дворы): Калинка Микитинъ сынъ Боклемышевъ да дѣти ево Титко да Семенъ да Никифорко. *Полувытные*: Меншикъ Афанасьевъ сынъ да дѣти ево Оверка да Микитка. *По четверти выти*: Иванъ Дмитреевъ сынъ Максимовъ пермитинъ да сынъ ево Микита. *По получети выти*: Михайло Артемьевъ сынъ Бѣлявинъ пермитинъ.

„Всего 4 двора, а людей въ нихъ 11 человѣкъ; пашни имъ пахать 2 выти безъ получети. Сѣли на лготѣ во сто второмъ году (1593 г.) сентября въ 30 числѣ до сто седьмаго году сентября до 30 числа, а въ тѣ имъ лготные годы дворы построить и пашни распахать, и поля загородить. А какъ лготные годы отойдутъ—и имъ давать оброку въ государеву казну съ году на годъ за посыпной хлѣбъ и за рыбныя ловли, и за кузницы

2 рубля 27 алтынъ съ полуденгою—по полутора рубля съ выти, да пошлинъ по 8 денегъ съ рубля.

„*Вытные*: Третьякъ Афанасьевъ сынъ Батуевъ. *Полувытные*: Ананія Савельевъ сынъ Костылевъ, Обросимъ Григорьевъ сынъ Чутко, Нифантъ Федоровъ сынъ Ропотуновъ да дѣти ево Первышка да Зинко да Тренка; Степанъ Яковлевъ сынъ Камгородецъ. *По четверти выти*: Микула Астафьевъ сынъ Пожнинъ—пермитинъ, Афонасей Андреевъ сынъ Устюженинъ, Василей Григорьевъ сынъ Пермитинъ, Афонасей Ивановъ сынъ Дьяковъ—Берегися; Василей Харитоновъ сынъ Колчинъ—Лодейщиковъ да братъ ево Питранейко, да зять ево Сысойко; прозвище Некрасъ Дмитреевъ сынъ Устюженинъ, Василей Павловъ сынъ Пьянковъ—пермитинъ, Бѣляй Ивановъ сынъ Осокинъ—верхокамецъ, Андрей Семеновъ сынъ Аристовъ—пермитинъ, Матвей Софоновъ сынъ Пермитинъ, Архипъ Алексѣевъ сынъ Дерзакъ—пермитинъ, Петръ Степановъ сынъ Верхокамецъ да сынъ ево Максимко, Максимъ Тимофеевъ сынъ Кожа—верхокамецъ, Василей Перфиловъ сынъ Усолецъ да сынъ ево Логинко, Игнатей Семеновъ сынъ Верхокамецъ да дѣти ево Ивашко да Морозко, Костянтинъ Григорьевъ сынъ Оботуровъ да сынъ ево Филка, Василей Харитоновъ сынъ Дулцовъ—гайнинецъ да дѣти ево Ивашко да Тараско, Афонасей Федоровъ сынъ Некрасъ—верхокамецъ да сынъ ево Кононко, Емельянъ Куприяновъ сынъ Суханъ—усолецъ да братья ево Семенъ да Моисей, Ларіонъ да Елка Никитины дѣти Тютрюмовы,.... Козминъ сынъ Кузнецъ. *По получетверти выти*: Родіонъ Аксеновъ сынъ Верхокамецъ, Степанъ Степановъ сынъ Верхокамецъ, Иванъ Лукояновъ сынъ Кустовъ, Матвѣй Гавриловъ сынъ Москвинъ, вдова Анна Ивановская жена Чертова.

„Всего 30 дворовъ, а людей въ нихъ 46 человѣкъ; пашни имъ пахать 8 вытей съ полувытью и съ получетью. Сѣли на лготѣ во сто третьемъ году (1595 г.) маія съ 9 числа на пять лѣтъ до сто осьмаго году маія же по 9 число; а въ тѣ имъ лготные годы дворы построить, и пашни роспахать, и поля загородить. А какъ лготные годы отойдутъ,—и имъ давать оброку въ государеву казну съ году на годъ за посыпной хлѣбъ, и за рыбныя ловли, и за кузницы по 12 рублевъ по 30 алтынъ по полуосмы денги—по полутора рубля съ выти, да пошлинъ по 8 денегъ съ рубля.

„*И всего въ Новой Николской слободѣ* пашенныхъ 46 дворовъ, а людей въ нихъ 81 человѣкъ; а пашни имъ пахать 15 вытей

безъ чети, а на выть пашенные земли по пяти четей безъ полуосмины и безъ получетверика, да по полторы десятины залогу, да по десятинѣ съ четью зарослей. И обоего на выть—пашенные земли и залогу, и зарослей по двѣсти четей въ полѣ, а въ дву потому же, сѣна на выть по 200 копенъ.

„*И всего четвертные пашни добрые земли* 147 четей съ осминою въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна 2950 копенъ по Тулвѣ рѣкѣ вверхъ по правой сторонѣ; лѣсу пашеннаго и непашеннаго по рѣкѣ Камѣ и по Тулвѣ рѣчкѣ и по Осѣ рѣчкѣ, имъ же дуброву на 40 верстъ вдоль, а поперекъ на 30 верстъ; да за рѣкою Камою съ Казанскую сторону лѣсу пашеннаго и раменья, и бору до Пермскаго и Вятскаго уѣзду на шесть днищъ. *Ко всей Новой Николской слободѣ пахать крестьянскую пашню со ста четвертаго году іюня 23 числа* (съ 1596 г.). Осталось залоговъ и зарослей и дубровъ пашенныхъ на 40 верстъ вдоль по рѣчкѣ Барду, а поперекъ на 5 верстъ въ полѣ, а въ дву потому же, сѣна по обѣ стороны рѣки Камы и Тулвы и по дубровѣ около пашенъ по смѣтѣ на 15 тысячъ копенъ.

„*Въ слободѣ же двѣ кузницы*: кузница Ивашки Иванова сына Покидки, кузница Савки Кузмина сына Гулянки. Поставили на лготѣ во сто четвертомъ году маія въ 23 числѣ до сто пятаго году маія же до 23 числа; а какъ лготной годъ отойдетъ—и имъ съ тѣхъ кузницъ давать оброку въ государеву казну: Ивашку по сказкѣ по 2 гривны да пошлинъ по 2 денги, а Савкѣ Кузмину по 5 алтынъ да пошлинъ по полуторѣ денги.

„*Въ слободѣ жъ бобыли*: Федка Фоминъ сынъ Нагаевъ—пермитинъ, Лука Артемьевъ сынъ Вычегженинъ—и всего два двора, а людей въ нихъ тожъ. Сѣли на лготѣ на два года во 103 году въ сентябрѣ въ 30 числѣ до ста пятаго году сентября жъ по 30 число; а какъ лготные годы отойдутъ, то имъ оброку давать въ государеву казну за всякіе государевы мелкіе доходы по гривнѣ на годъ, да пошлинъ по денгѣ.

„И всего въ Новой Николской слободѣ въ государеву казну оброковъ въ 105 году сентября въ 30 число съ кузницъ и съ бобылей 19 алтынъ $1^1/_2$ денги; да во 106 году ноября въ 18 числѣ съ пашенныхъ крестьянъ оброку, которые выйдутъ изо лготы, 6 рублевъ 12 алт. 3 денги, да пошлинъ 8 алт. 2 денги; во 107 году сентября въ 30 числѣ 9 рублей 7 алт. пол—2 денги, да пошлинъ 12 алт. съ денгою; во 108 году маія 9 числѣ 22 рубли 4 алт. съ денгою, да пошлинъ 29 алт. 2 денги. И съ обоего

съ пашенныхъ крестьянъ съ живущихъ вытей и съ кузницъ, и съ бобылей оброку и съ пошлинами 23 руб. 19 алт. пол—3 ден.

„*Въ Осинскомъ уѣздѣ къ Новой Николской слободѣ рыбныя ловли въ р. Камѣ и въ малыхъ рѣчкахъ въ Тулвѣ и въ Сивѣ, и въ Бую, и въ Сарапулѣ, и въ Нытвѣ, и въ Очерѣ*—рыбу ловятъ пермичи изъ оброковъ и *хмѣль берутъ* по тѣмъ же рѣчкамъ по тому же изъ оброковъ *отъ Осы внизъ Камою до Бѣлые Воложки, а вверхъ отъ Осы до рѣчки Ласвы.*

„*Въ Осинскомъ же уѣздѣ бортевыя уѣодья—ходятъ Башкирцы*, а оброку съ нихъ государю не даютъ ни въ которой годъ до государева указу; а *кунной ясакъ даютъ въ государеву казну въ Казань* по пяти куницъ.

„Въ Осинскомъ же уѣздѣ съ башкирскихъ свадебъ съ жениха *за выводную куницу въ государеву казну три рубли.*

„*Въ слободѣ жъ ярыжные*: Первышка Васильевъ сынъ Важенинъ, Федка Афанасьевъ сынъ Вятченинъ, Пашка Ивановъ с. Турзинъ, Ивашка Степановъ с. Вятченинъ, Андрюшка Ивановъ с. Бурундукъ, Панко Некрасовъ с. Верхокамецъ, Іевко Перфильевъ сынъ....., Афонка Павловъ сынъ Худоба—верхокамецъ, Захарко Екимовъ с. Горлицевъ—обвинецъ. И всего 9 человѣкъ, а оброкъ на нихъ не положенъ для того, что они живутъ у государевыхъ дѣлъ въ розсылкѣ, а своихъ у нихъ дворовъ нѣтъ, живутъ по крестьянскимъ дворамъ.

„*На Осѣ же, отъ слободы версты съ двѣ, за рѣкою Камою* съ Казанскую сторону, на берегу подъ городищемъ, *часовня попа черного священника Іоны Прокофьева Пошехонца да старца Арсенія Мезенца, а строитъ* тотъ государевъ богомолецъ *монастырь во имя Преображенія* Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да Изосима и Саватія Соловетскихъ чюдотворцевъ. И подъ монастыремъ земли вдоль и поперекъ по 50 саженъ. Подъ монастырскіе дворы мѣста подлѣ боярака вдоль 50, поперекъ 40 саженъ, пашенныхъ и зарослей 5 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому же.

„Въ Осинскомъ же уѣздѣ на рѣкѣ Камѣ и на усть рѣчкѣ Тулвѣ, и на рѣчкѣ Осѣ на 15 копенъ сѣна *) косится, а около ихъ пашенная земля лѣсомъ уросла, а нынѣ отъ городища пашутъ осинскіе крестьяна“.

У подлинныхъ книгъ пишетъ тако: къ симъ книгамъ Осинской Егорьевской попъ Максимище Афонасьевъ руку приложилъ.

*) Вѣроятно, надо читать «15 *тысячъ* копенъ». Очевидный пропускъ слова.

У подлинныхъ же *копій по листамъ писано тако:* князь Иванъ Дашковъ, Афонасей Дохтуровъ, секретарь Петръ Соколовъ.

Съ подлинными копіями свидѣтельствовалъ секретарь Тимофей Климовъ. Съ подлинными читалъ подканцелярист Павелъ Свѣчниковъ. У копіи подписано жъ по листамъ: Сарапулской волости головы должность помощникъ Николай Ижбалдинъ. Съ подлинными читалъ писецъ Петръ Поддубковъ. Читалъ земской Андрей Зылевъ.

Примѣчаніе: На спискѣ, съ котораго напечатана здѣсь эта писцовая книга, по листамъ сдѣлана надпись: «съ подлинной копіей свѣрялъ удѣльной депутатъ Шабалинъ». Судя по почерку, эта надпись болѣе поздняго происхожденія, нежели самый списокъ. Всѣ предыдущія надписи показываютъ, что настоящаго подлинника книги 1596 г. все-таки никто не видалъ, такъ какъ его могли подписать только сами составители книги Палицынъ и Аристовъ. Попъ «Максимище» тоже подписалъ уже копію. Вѣроятно, оригиналъ книги исчезъ въ Москвѣ во время пожара Дворцоваго Архива 29 мая 1737 года.

2) Извлеченіе изъ дозорныхъ книгъ Осипа Зюзина и Терентія Матвѣева 1621 г. по Осинскому уѣзду.

Подлинныя книги хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Онѣ значатся въ «Описаніи документовъ и бумагъ» этого Архива въ книгѣ I-й (СПБ. 1869 г.) подъ № 842 на стр. 83. Съ этого экземпляра и сдѣлано настоящее извлеченіе для печати. Въ этой же дозорной описываются, кромѣ Никольской слободы на Осѣ, слобода Рыбная, села Тресвятское на Елабугѣ и Вознесенское на Сарапулѣ—всѣ дворцоваго вѣдомства.

„Лѣта 7129 іюня въ 10 день, по государевѣ царевѣ и вел. кн. Михаила Феодоровича всеа Русіи грамотѣ и по наказу боярина и воеводъ *) князя Бориса Михайловича Лыкова, князя Ѳедора Петровича Борятинскаго да дьяковъ Ондрея Симанова да Ивана Васильева, *Осипу Зюзину да подьячему Терентью Матвѣеву велѣно: въ Казанскомъ уѣздѣ, въ государевыхъ дворцовыхъ селѣхъ:* на Анаташѣ въ Рыбной слободѣ, на Опарѣ въ Тресвятскомъ, что на Елабугѣ, въ Вознесенскомъ, что на Сарапулѣ, въ Николской слободѣ, что на Осѣ, съ деревнями, взявъ съ собой тѣхъ селъ поповъ и дьяконовъ, и крестьянъ, и околныхъ деревень людей, *дозрити и описати крестьянскіе и бобыльскіе живущіе и пустые дворы*, и мѣста дворовые, и пашню паханую, и перелогъ, и сѣно, и лѣсъ, и всякія угодья, и въ которыхъ селѣхъ на государя

*) Тогдашніе Казанскіе воеводы, коимъ подчинена была Никольская дворцовая слобода на Осѣ.

пашутъ десятинную пашню, и поскольку четьи или десятинъ на выть пашутъ, или какова земля—добра или средняя или худа, и поскольку въ которомъ селѣ на выть земли.

„И Осипъ и подьячей Терентей, пріѣхавъ въ тѣ государевы дворцовые села, взявъ съ собою тѣхъ селъ поповъ и дьяконовъ, и крестьянъ, и околныхъ деревень людей, дозирали и описали крестьянскіе и бобыльскіе живущіе и пустые дворы, и мѣста дворовые (далѣе все повторяется тѣми же словами).... и то писано въ сихъ книгахъ порознь, по статьямъ.

„*Николская слобода что на Осъ рѣкѣ, а въ ней крестьянъ въ острогѣ*: во дворѣ Офоня Ивановъ Дьяковъ на чети выти, во дворѣ Гуляй Борисовъ Бѣлавинъ на получети выти, во дворѣ Иванъ Ермолинъ Крапивинъ на получети выти (далѣе перечислены еще 6 дворовъ на получети выти). *За острогомъ*: во дворѣ Софонко Обросимовъ Чевковъ на получети выти....

Примѣчаніе: Всего насчитано далѣе дворовъ на получети и потомъ пол-получети выти 85. Затѣмъ такіе же дворы перечисляются въ числѣ 34-хъ внѣ слободы «вверхъ по Камѣ и по Тулвѣ, по Пезѣ рѣчкамъ». Всѣ эти крестьянскіе живущіе дворы приписаны были къ Никольской же слободѣ.

„Къ Николской же слободѣ деревня *Семакова*, въ ней 5 дворовъ; деревня *Онаньина* 15 дворовъ; деревня *Пѣтухова* на рѣчкѣ Сидяжѣ 12 дворовъ.

„Всего крестьянскихъ живущихъ въ Николской слободѣ и что вверхъ по Камѣ рѣкѣ и по Тулвѣ, и по Пезерѣ рѣчкамъ, и въ околныхъ въ ближнихъ въ запольныхъ деревняхъ въ Семаковѣ и въ Онаньинѣ, и въ Пѣтуховѣ *сто шестьдесятъ одинъ дворъ, а въ живущемъ 17 вытей съ полувытью и пол-пол-чети выти. Пашни на государя крестьяне пашутъ на десятинахъ, на выть по двѣ четверти ржи* въ таможенную мѣру; а всего 135 чети съ четверикомъ ржи, а овса вдвое; да крестьянскіе пашни мягкіе добрые земли, съ деревнями не въ розводѣ, по смѣтѣ и по дозору, по 212 четвертей безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потому же, — на выть по 12 четьи; да крестьянскіе же мягкіе земли впустѣ, по смѣтѣ и по дозору, 20 чети съ полуосминою, да перелогу 45 четей. И всего государевы и крестьянскіе пашни и перелогу 312 четьи и съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна вверхъ и внизъ по Камѣ рѣкѣ и по Тулвѣ рѣчкѣ и около поль по дубровамъ на 6500 копенъ; лѣсу со всѣми осинскими деревнями вмѣстѣ не въ розводѣ вверхъ по Камѣ рѣкѣ въ длину на 30 верстъ на рѣчкѣ на Ошапѣ, а внизъ по Камѣ рѣкѣ на

70 верстъ до верхніе изголовы рѣчки Костоваты, а поперекъ версты на 3, и на 4, и на 5. Подъ Николскою же слободою угодья на рѣчкѣ на Осѣ—государева мелница большое колесо на ходу.

„За Камою рѣкою деревня *Нечкина*, въ ней 4 двора. *И всего 4 двора, а въ живущемъ выть.* На государя пашутъ десятинные пашни на Осинскомъ полѣ двѣ четверти ржи въ таможенную мѣру, а овса вдвое; крестьянскіе пашни двѣ росчисти, по смѣтѣ по 3 чети съ осминою въ полѣ....; сѣна по Камѣ на 350 копенъ; лѣсъ писанъ съ Осинскою слободою не въ розводѣ.

„Деревня *Гашкова*, въ ней 3 двора. И всего три двора, а въ живущемъ четверть и пол-пол-чети выти. На государя пашутъ десятинные пашни на Осинскомъ полѣ осмину съ четверикомъ ржи въ таможенную мѣру, а овса вдвое. А ихъ крестьянскіе пашни и росчисти по смѣтѣ три четверти въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна по Камѣ рѣкѣ на 300 копенъ; лѣсъ писанъ съ Николскою Осинскою слободою не въ розводѣ".

„Деревня *Жуланова*, а въ ней 11 дворовъ. Всего 11 дворовъ, а въ живущемъ выть и полъ-чети и пол-пол-чети выти. На государя десятинные пашни пашутъ на Осинскомъ полѣ двѣ четверти съ полуосминою и съ четверикомъ ржи въ таможен. мѣру, а овса вдвое. А ихъ крестьяне пашни ихъ росчистей по 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потому же. Сѣна на Камѣ рѣкѣ на 800 копенъ. Лѣсъ писанъ съ Николскою Осинскою слободою не въ розводѣ.

„Деревня *Толстое*, а въ ней 9 дворовъ. И всего 9 дворовъ, а въ живущемъ три четверти и пол-пол-чети выти; на государя пашутъ десят. пашни на Осинскомъ полѣ четверть съ осминою и съ четверикомъ въ таможен. мѣру, а овса вдвое; а ихъ крестьянс. пашни ихъ росчистей по смѣтѣ и по дозору по 4 чети съ осминою въ полѣ...., сѣна по Камѣ 550 копенъ; лѣсъ съ Николскою слободою не въ розводѣ.

„Тое жъ Николскіе слободы дворы крестьянскіе *пустые*: дворъ Иванка Ильина, жилъ на пол-пол-чети выти и т. д.

„И всего пустыхъ 19 дворовъ, а въ нихъ полторы выти и полчети и пол-пол-чети выти. Въ десятинную пашню ихъ выть на государя *крестьяна пашутъ взгономъ*, а тѣхъ дворовъ пашня ихъ лежитъ пуста и писана въ порозжей землѣ. А сказали про нихъ Осинскіе слободы крестьяна, что тѣхъ пустыхъ дворовъ крестьяна съ женами и съ дѣтьми *отъ мірского тягла*, что съ нихъ сбирали

въ подводы и въ иные подати, *бѣжали безвѣстно, а иные померли въ 127 и во 128 и во 129 годѣхъ.*

„Дворы *бобыльскіе, которые платятъ въ Казани* въ государеву казну *оброкъ:* во дворѣ Дмитрейко Денисовъ оброку 20 алтынъ и т. д. „*И всего* оброчныхъ бобыльскихъ шесть дворовъ, оброку съ нихъ со всѣхъ два рубли 18 алтынъ 2 денги.

„Дворы *бобыльскіе жъ живущіе,* которые въ государеву казну оброку не платятъ, *а емлютъ съ нихъ Николскіе Осинскіе слободы крестьяна оброкъ въ міръ:* во дворѣ Игнашко Ивановъ, во дворѣ Ивашко Даниловъ, во дворѣ Замятѣнко Андреевъ и т. д. „*И всего безоброчныхъ бобылскихъ 26 дворовъ,* а сказали тѣхъ дворовъ бобыли, что съ нихъ оброкъ сбирали въ міръ Осинскіе крестьяна во всякіе подати алтынъ по пяти и по шти, и по 10, и болши съ человѣка; а крестьяна сказали, что они съ осинскихъ бобылей оброку сбирали по семи рублевъ и по 25 алтынъ, и тѣ оброчные деньги платятъ въ государеву казну въ Казани.

„*Мѣста дворовые крестьянскіе:* мѣсто Юшки Иванова Паркова, жилъ на пол-пол-чети выти; мѣсто Фетки Фомина Нагово, жилъ на получети выти и т. д. „И всего крестьянскихъ пустыхъ дворовыхъ 8 мѣстъ, а жили на трехъ четвертяхъ выти и на пол-пол-четверти. А сказали про нихъ Николскіе слободы крестьяне, что де тѣхъ мѣстъ *дворы погорѣли, а крестьяне* тѣхъ дворовыхъ мѣстъ съ женами и съ дѣтми *розбрелись безвѣстно, а иные померли.*

„Дворы *бобылскіе пустые:* дворъ Симонка Прокофѣева, дв. Емельки Петрова и т. д. „И всего бобылскихъ 4 двора; оброку съ нихъ было 20 алтынъ. И тое жъ Николскіе слободы крестьяне сказали, что *тѣ бобыли обнищали и бѣжали безвѣстно*“.

„*Село Вознесенское, что на Сарапулѣ,* а въ немъ крестьянъ 132 двора. „И всего въ живущемъ 132 двора, а въ живущемъ девять вытей съ четью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети выти. А платятъ въ государеву казну оброкъ по 14 рублевъ по получетверти денги на годъ, *съ выти по полутора рубли.* А ихъ крестьянскіе пашни ихъ росчистей по дозору и по смѣтѣ по 79 четьи и пол-четверика въ полѣ, а въ дву потому же; середніе земли по 8 четьи съ осминою на выть. Сѣна по Камѣ рѣкѣ на 5700 копенъ, *мѣсу къ селу Сарапулу и къ селу Березовкѣ* со всѣми Сарапулскими деревнями не въ розводѣ, вверхъ по Камѣ рѣкѣ, на 45 верстъ, по верхнюю изголовь *рѣчки Костоватые,* а внизъ по Камѣ *по Саколовъ истокъ* на 40 верстъ“.

Къ селу жъ Сарапулу вверхъ по Камѣ рѣкѣ, на рѣчкѣ Костоватой, деревня *Костоватая*, а въ ней крестьянъ 6 дворовъ. „И всего въ живущемъ 6 дворовъ, а въ живущемъ пол-выти безъ пол-пол-пол-чети выти; оброку платятъ въ государеву казну 23 алтына пол-третьи денги. Пашни новые ихъ крестьянскіе росчисти, по смѣтѣ и по дозору, 4 четверти въ полѣ .... середніе земли. Сѣна по Камѣ рѣкѣ 350 копенъ. Лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

Деревня *Сива*—8 дворовъ. „И всего крестьянскихъ живущихъ 8 дворовъ, а въ живущемъ три чети и пол-пол-чети выти; оброку платятъ въ госуд. казну 1 рубль 7 алт. 2 денги. Пашни ихъ крестьянс. росчисти, по смѣтѣ и по дозору, три четверти съ осминою въ полѣ .... середніе земли; сѣна по Камѣ рѣкѣ на 400 копенъ. Лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

Деревня *Дока*—11 дворовъ, въ живущемъ три чети и пол-пол-чети выти, оброку 1 р. 7 алт. 2 д., пашни крестьянск. 4 чети съ осминою въ полѣ...., сѣна на Камѣ 500 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ.

Деревня *Гальяны*—12 дворовъ, въ живущемъ пол-выти и пол-2 чети и пол-3 чети выти, оброку.... 29 алт. пол-пяты денги, пашни крестьянс. 4 чети съ осминою въ полѣ....; сѣна по Камѣ 550 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

Деревня *Нечкина*—8 дворовъ, въ живущемъ пол-выти и пол-3 чети выти, оброку 26 алт. пол-четверти денги, пашни крестьянс. по 3 чети въ полѣ, а въ дву.... середніе земли, сѣна по Камѣ 350 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

Деревня *другая Нечкина*—15 дворовъ, въ живущемъ выть и пол-чети и пол-3 чети выти, оброку 1 р. 24 алт. 3 д., пашни 10 четвертей съ четверикомъ въ полѣ .... середніе земли, сѣна по Камѣ 570 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

„Къ Сарапулу жъ деревня *Ершовка* 21 дворъ, въ живущемъ выть съ четью и пол-чети и пол-3 чети выти, оброку 2 р. 3 ал. 4 д., пашни 10 четвертей въ полѣ .... середніе земли, сѣна по Камѣ 950 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ.

Деревня *Момылева* 24 двора, въ живущемъ полторы выти и пол-чети выти, оброку 2 руб. 14 алт. пол-четверти денги, пашни 12 чети въ полѣ.... середніе земли, сѣна по Камѣ 1050 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

„*Къ Сарапулу жъ село Никольское, что на рѣчкѣ Березовкѣ*,— 80 дворовъ, а въ живущемъ четыре выти и пол-чети и пол-3 чети

выти, оброку 6 руб. 7 алт. 5 ден., по полутора руб. съ выти, пашни крестьянс. добрые мяхкіе земли 54 чети и пол-пол-четверика въ полѣ, а въ дву ..... *по 13 чети на выть*, сѣна по Камѣ р. 3500 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

Деревня *Силаева* 7 дворовъ, въ живущемъ 1/4 выти и пол-пол-четверти выти, оброку 15 алт. 4 д., пашни двѣ четверти съ осминою въ полѣ ....., сѣна на Камѣ 350 копенъ, лѣсъ съ Сарапуломъ не въ розводѣ".

„Въ селѣ жъ Вознесенскомъ, что на Сарапулѣ, *дворы бобыльскіе*—63 дв. „И всего бобыльскихъ живущихъ 63 двора, оброку платятъ въ государеву казну 4 руб. 5 алт. 5 ден."

„Дворы *крестьянскіе пустые* 12 дворовъ, въ нихъ пол-выти и пол-четверти и пол-пол-пол-четверти выти. А сказали села Вознесенскаго крестьяне, что тѣхъ пустыхъ дворовъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми бѣжали безвѣстно во 127 году.

„Дворы *бобыльскіе пустые* 9 дворовъ, а сказали про нихъ Сарапульскіе крестьяне, что тѣ бобыли бѣжали безвѣстно".

3) Шадринскіе акты XVII вѣка.

«Указная память на заведеніе Шадринской слободы» напечатана была дважды (см. выше гл. II В)—сначала А. Н. Зыряновымъ въ «Пермс. Губ. Вѣдом.» 1870 г. № 72 и потомъ перепечатана Шишонко въ «Пермской Лѣтописи» т. III, стр. 795—796. Поэтому мы не станемъ еще разъ перепечатывать тотъ же документъ. Здѣсь мы помѣщаемъ слѣдующіе по времени шадринскіе акты, собранные нами за много лѣтъ въ Пермской губ. въ подлинныхъ столбцахъ XVII вѣка и находящіеся теперь въ нашемъ собраніи рукописей въ г. Перми. Всѣхъ ихъ я имѣю значительное количество, для котораго здѣсь не найдется мѣста. Избираю наиболѣе древніе изъ нихъ. Всѣ они въ печати появляются впервые.

1) Челобитная и поручныя записи бѣломѣстныхъ казаковъ Шадринской слободы 1666 года.

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу и государю благовѣрному царевичю и вел. кн. Алексѣю Алексѣевичю .... и Ѳеодору Алексѣевичю .... и Симеону Алексѣевичю .... бьетъ челомъ сирота вашъ, государевъ, гулящей человѣкъ Трифанко Даниловъ. Милосердый государь царь и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ всеа .... (опять перечислены и всѣ царевичи съ полными

титулами, какъ выше), пожалуйте меня, сироту своего, велите, государи, *мнѣ быть въ новой Шадринской слободѣ* въ вашей, великихъ государей, службѣ *въ бѣломѣстныхъ казакахъ*. Царь-государь и благовѣрные царевичи, пожалуйте!"

„Се язъ Васка Дмитреевъ, да язъ Ромашка Ѳедосѣевъ, да язъ Тимошка Ивановъ, да язъ Евсѣйко Евдокимовъ, *новые Исѣтскіе Шадринскіе слободы великихъ государей бѣломѣстные казаки, поручились есми по бѣломѣстномъ же казакѣ* по Илюшкѣ Обросимовѣ въ томъ, что жити ему, Илюшкѣ, за нашею порукою ихъ, великихъ государей, въ новой Шадринской слободѣ въ бѣломѣстныхъ казакахъ; и живучи ему, Илюшкѣ, за нашею порукою въ новой Шадринской слободѣ въ ихъ, великихъ государей, въ службѣ, никотораго дурна не учинить; а куды его, Илюшку, станутъ посылать на ихъ, великихъ государей, службу, въ казнѣ помѣхи и хитрости, дурна не чинить. А живучи ему, Илюшкѣ, въ новой Шадринской слободѣ, дворъ построить и никакимъ воровствомъ—костью и карты не играть, корчмы и бледни не держать и воровскимъ людемъ стану не чинить, и никуды ему, Илюшкѣ, изъ новые Шадринскіе слободы, не спрашивавшись, не ходить и не сбѣжать. А буде онъ, Илюшка, въ новой Шадринской слободѣ за нашею порукою живучи, въ ихъ, великихъ государей, службѣ будучи, помѣху и хитрость въ казнѣ учинитъ, куды будетъ посланъ, на ихъ, вел. государей, службѣ станетъ себѣ въ чемъ корысть учинять, въ ихъ, вел. государей, казнѣ какое воровство учинится, костью и карты станетъ воровать, бледню и корчму держать, или воровскихъ людей станъ учинитъ, и двора себѣ не построитъ, или безвѣстно изъ новые Шадринскіе слободы сбѣжитъ или дурно учинитъ—и на насъ, на порутчикахъ, великихъ государей пеня, а пеню что великіе государи укажутъ, *въ томъ порушную дали въ новой Шадринской слободѣ въ государеву казну слободчику Галахтіону Пясталову;* а на то послухъ Сергушка Григорьевъ. А порушную писалъ Стеѳанко Васильевъ лѣта 7174 году (1666 г.) маія въ 7 день".

Примѣчаніе. На оборотѣ столбца сдѣланы подписи поручителей и послуха (свидѣтеля). Вслѣдъ за этой поручной записью въ томъ же столбцѣ слѣдуютъ еще совершенно подобныя же поручныя записи бѣломѣстныхъ казаковъ Шадринской слободы отъ того же 7 мая 1666 года. Поэтому мы только кратко перечислимъ ихъ.

Вторая поручная запись отъ 7 мая 1666 г. Поручители: Антипка Ивановъ, Ромашко Ѳедосѣевъ, Тимошка Ивановъ, Евсѣйко Евдокимовъ, Трифанко Даниловъ, Васка Стеѳановъ—бѣломѣст-

Конашѣ преже сего подъ мельницу мѣсто въ дачѣ никому не бывало".

На оборотѣ надпись: „186 г. іюня въ 12 д. допросить и измѣрить и дозоръ принести, не спорное ли и въ дачѣ коей не бывало-ли. Къ сей челобитной вмѣсто Кирилка Сутормина съ товарыщи, по ихъ велѣнію, Стенка Микифоровъ руку приложилъ".

8) Списокъ съ памяти о сыскѣ бѣглыхъ людей Строгановыхъ 1678 г.

„186 года іюля въ 10 день, по указу вел. государя, бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ съ товарыщи отпустилъ въ Шадринскую слободу съ Тоболска Тоболскихъ атамана Ивана Ярославцова да приказной полаты подьячего Ивана Никитина для сыску бѣглыхъ крестьянъ имянитого человѣка Данила Строганова жены ево, Агаѳьи Тимофіевы дочери, а для узнаванья бѣглыхъ людей посланы люди ея Аѳонка Лаговкинъ съ товарыщи четыре человѣка. За помѣтою дьяка Перфилья Оловянникова, за справою подьячего Степана Шишейна".

9) Списокъ съ Тобольской указной памяти 1697 года о новомъ порядкѣ судопроизводства.

Списокъ съ Тоболскіе указные памяти. „Лѣта 7205 (1697) іюля въ 29 день, по указу вел. государя, память Тоболского уѣзду во всѣ остроги и слободы прикащикомъ и слободчикомъ. Въ нынѣшнемъ 205 году іюля во 2 день въ грамотѣ вел. государя писано въ Тоболскъ къ ближнимъ стольникомъ и воеводамъ Андрею Ѳедоровичу Нарышкину съ товарыщи: указалъ вел. государь — въ которыхъ дѣлахъ всякихъ чиновъ людей бываютъ въ приказехъ суды и очные ставки отставить для того, что въ судехъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отъ отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ де многіе истцы исковъ своихъ, затѣвая напрасно, и отвѣтчики въ прямыхъ искехъ отвѣчаютъ неправдою и составными своими вымыслы и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйными отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій, а иные истцы и отвѣтчики, хотя такихъ же своихъ коварствовъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды и въ очные ставки свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ, воровъ и душевредцовъ; и за

тѣми ихъ воровскими, ябедническими и составными вымыслы и лукавствомъ въ вершеніи тѣхъ дѣлъ правымъ и маломочнымъ людемъ во оправданіи чинится многая волокита и напрасные харчи и убытки и разореніе; а виннымъ людемъ, что довелось по его, вел. государя, указу и по уложенію, учинить указъ отъ того отбывательства и продажные ябедникомъ и воромъ пожитки. А вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ по челобитью всякихъ чиновъ людей въ обидахъ и въ разореніяхъ чинить розыскъ въ брани и въ безчестьяхъ, или въ бою и въ увѣчьѣ и во всякихъ обидахъ и въ разореніи. Кто истецъ на свидѣтелей пошлется всякихъ чиновъ людей на одного человѣка или на двухъ или болши, а отвѣтчикъ на тѣхъ людей пошлется же на всѣхъ безотводно, или изъ нихъ пошлется и на одного же человѣка— и тѣхъ свидѣтелей противъ ссылокъ допрашивать въ приказехъ передъ судьями въ правду по евангелской заповѣди Господни и вершить тѣ дѣла по свидѣтелевой сказкѣ. А будетъ отвѣтчикъ противъ истца ссылки свидѣтеля кого учнетъ отводить недружбою или ссорою или обидою какою и разореніемъ—и его допрашивать, какая у него недружба или ссора, и сколь давно, и гдѣ учинилась, и челобитье его отвѣтчиково на него, свидѣтеля, въ которомъ приказѣ; и по тому его допросу и по справкѣ съ приказомъ про то, что у него, отвѣтчика, съ тѣмъ свидѣтелемъ явится въ приказѣ дѣло въ обидахъ—и того свидѣтеля не допрашивать. А буде отвѣтчикъ свидѣтеля учнетъ отводить недружбою кромѣ приказного свидѣтельства—и про тое недружбу сыскивать въ правду, и буде по сыску явится подлинно, что у него съ тѣмъ свидѣтелемъ недружба есть—и того свидѣтеля не допрашивать же. А буде отвѣтчикъ учнетъ свидѣтеля отводить такими вышеписанными отводы затѣявъ напрасно, хотя отбыть иску, а у него съ нимъ, свидѣтелемъ, по справкѣ съ приказы, или по сыску недружбы и дѣла никакова не явится—и того, кто ложно отводитъ, тѣмъ обвинить, а свидѣтеля не допрашивать. А буде въ какихъ искехъ свидѣтеля отвѣтчикъ отведетъ вышеписанными отводы, по справкѣ съ приказы или по сыску, а истецъ въ челобитьѣ напишетъ или скажетъ, что его кто бранилъ и обезчестилъ, или билъ, или какую обиду и разореніе учинилъ, а про то никто не вѣдаетъ, а отвѣтчикъ въ томъ иску запрется— и истцемъ и отвѣтчикомъ въ такихъ искехъ дать вѣру, а у вѣры быть истцу и отвѣтчику самимъ, а не дѣтямъ и не свойственникамъ и не людемъ ихъ и крестьяномъ; а приводить ихъ къ вѣрѣ

въ соборной церкви протопопомъ предъ святымъ евангеліемъ по чиновной книгѣ съ великимъ прещеніемъ и говорить протопопомъ предъ ними, истцомъ и отвѣтчикомъ, у крестоприводства накрѣпко, чтобъ они, памятуя въ себѣ страхъ Божій и праведный свой судъ, и къ крестному цѣлованію приступали жъ и цѣловали крестъ во всякой правдѣ, безо всякого душевредства, не желая себѣ никакихъ либо малыхъ временныхъ прибытковъ, чтобъ тою неправдою они, истцы и отвѣтчики, душъ своихъ напрасно не губили. А буде кто къ крестному цѣлованію приступитъ въ неправдѣ, и про то сыщется—и такому лукавцу за лживое крестное цѣлованіе учинить казнь смертная. А будетъ кто свидѣтель скажетъ въ свидѣтельствѣ лживо и про то сыщется—и за то его ложное свидѣтельство казнить смертью. Да и о бѣглыхъ людяхъ, и о крестьянехъ, и о земляхъ и во всякихъ дѣлехъ, въ которыхъ дѣлахъ были суды и очные ставки, отставить же, а быть по вышеписанному, вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, розыскъ же, и въ крѣпостныхъ дѣлехъ по розыску, а пошлины съ исковъ съ тѣхъ розыскныхъ дѣлъ на виноватомъ имать по прежнему его, великаго государя, указу и по уложенію. А которые судные дѣла и очные ставки до сего, вел. государя, указу въ приказехъ и въ городехъ вершены, а послѣ того вершенія на тѣ дѣла тому (?) по се число не было—и тѣмъ быть такъ, какъ они вершены; а о невершенныхъ и на которые вершенные дѣла челобитье принесено до сего его, вел. государя, указу—и по тѣмъ дѣламъ ихъ чинить по сему вел. госуд. указу. И кто всякихъ чиновъ люди на кого учнутъ ему, вел. государю, бить челомъ въ какихъ обидахъ и въ разоренiяхъ—и о томъ у истцовъ принимать челобитныя за руками и по тѣмъ челобитнымъ отвѣтчиковъ допрашивать въ приказной полатѣ передъ собою, и къ тѣмъ допросемъ истцу и отвѣтчику въ тоже время приложить руки и собрать по отвѣтчикахъ поручную запись, что ему ставиться въ приказной полатѣ по вся дни до вершенія того дѣла, а безъ указу вел. государя никуда не съѣхать. А прикладывать истцу къ отвѣтчиковымъ допроснымъ рѣчамъ руки для того, чтобъ отвѣтчикъ тѣхъ допросныхъ рѣчей послѣ того какимъ вымысломъ не перемѣнилъ, и подьячей тѣхъ допросныхъ рѣчей не переписалъ. А проѣсты и волокиты на виноватомъ имать по прежнему, по уложенію, какъ имать по суднымъ дѣламъ. А которые статьи въ уложеньѣ надлежатъ къ розыску—и по тѣмъ статьямъ розыскивать по прежнему.

И какъ къ вамъ ся память придетъ—и вы бъ чинили по сему вел. государя вышеписанному, чтобъ истцу и отвѣтчику волокиты не было, и вышеписанной вел. государя указъ велѣли въ слободахъ и въ острогахъ впредь для вѣдома записать въ книгу и списать списки, и сію подлинную память посылать бы вамъ изъ слободы въ слободу съ росписко̀ю. На подлинной памяти помѣта дьяка Алексѣя Протопопова, справа подьячего Михайла Протопопова".

10) Списокъ съ Тобольской указной памяти 1698 г. о сборѣ всякихъ денежныхъ доходовъ съ Исецкихъ и Міасскихъ остроговъ и слободъ.

„Лѣта 7207 года октября въ 15 день, по указу вел. гос. царя и вел. кн. Петра Алексѣевича всеа В. и М. и Б. Росіи самодержца память въ Исецкіе и въ Міяскіе слободы и остроги прикащикомъ и капитаномъ и слободчикомъ: въ нынѣшнемъ 207 году посланы изъ Тоболска указные памяти къ вамъ, въ Исецкіе и въ Міяскіе остроги и слободы—велѣно вамъ на нынѣшней 207 годъ по окладной денежной книгѣ вел. государя денежныхъ всякихъ доходовъ и за извозъ, и за сдѣлье, и на Устюжскую покупку, и на винокурню, на дрова, и за работниковъ, и за охоботье по гривнѣ съ десятни, да проварныхъ по десять денегъ съ двора, собравъ все сполна, прислать въ Тоболескъ, не замотчавъ. А сколко съ которой слободы порознь взять—и тому въ слободахъ приходные денежные книги и росписи есть; и вы тѣхъ окладныхъ всякихъ вышеписанныхъ денежныхъ доходовъ изъ остроговъ и слободъ октября по 15 число нынѣшняго 207 году не присылывали, чинитесь прежнихъ указныхъ памятей ослушны; и за тою вашею тѣхъ денежныхъ доходовъ неприсылкою, въ Тоболску на винокурнѣ наемъ работниковъ и покупка дровъ, и въ Рускіе городы для покупки .... вел. государя казны отпускъ остановился, и въ винномъ куреньѣ чинится мотчаніе. А изъ которыхъ остроговъ и слободъ въ прошлыхъ годѣхъ на винокурню иманы были работники—и за тѣхъ работниковъ велѣно взять съ тѣхъ остроговъ и слободъ денгами по четыре рубля за работника противъ прошлого 206 году.

И какъ къ вамъ ся память придетъ, и вы бы всякіе слободскіе денежные доходы по окладу и неокладные на нынѣшней 207 годъ съ крестьянъ и съ бобылей и за работниковъ, и съ

кузницъ, и съ мельницъ, и съ рыбныхъ ловель, и проварные и охоботные деньги, и за извозъ, и за сдѣлье, и на покупку въ рускихъ городѣхъ желѣза свицкого (шведскаго), и гвоздья и скобъ судовыхъ, и на винокуренную поварню, на покупку дровъ, за работниковъ деньгами собравъ, тотчасъ прислали въ Тоболескъ безо всякой понаровки и отсрочки сполна, и о томъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ князю Михайлу Яковлевичю, столнику князю Петру Михайловичю Черкаскимъ, дьякомъ Ивану Обрютину, Аѳонасью Гарасимову писали, а сю память по всѣмъ Исѣцкимъ острогамъ и слободамъ и по Міяскимъ посылали изъ слободы въ слободу безъ замотчанія съ нарочными посылщики, чтобъ по сей памяти изо всѣхъ Исѣцкихъ остроговъ и слободъ всякіе денежные доходы высланы были безъ мѣшкоты, чтобъ за деньгами въ рускіе городы и на Ирбицкую ярманку для покупокъ насылкѣ и на винное куренье не остановилось. А буде въ тѣхъ вышеписанныхъ всякихъ доходовъ вскорѣ въ Тоболскъ не вышлете, или учнете присылать по окладу не сполна, и за тою вашею тѣхъ денегъ невысылкою учинится въ рускіе городы и на Ирбицкую ярманку покупка, и въ Тоболску винное куренье остановится—и за то ваше ослушаніе учинено будетъ наказаніе и доправлена будетъ пеня и приставу изъѣздъ безо всякіе понаровки.

У подлинной памяти помѣта дьяка Ивана Обрютина, справа подьячего Степана Степанова.

Списана ноября въ 5 день".

Примѣчаніе: Далѣе слѣдуетъ въ столбцѣ подобная же, но болѣе ранняя память въ тѣ же Исецкіе и Міасскіе остроги и слободы отъ 15 сентября того же 1698 г. за приписью дьяка Аѳонасья Герасимова и за справою подьячего Якова Лапина. Вторая память была болѣе сильнымъ напоминаніемъ по тому же предмету.

11) Списокъ съ Тобольской указной памяти 1698 г. о поимкѣ бѣглыхъ Верхотурскихъ крестьянъ, сосланныхъ въ Нерчинскъ и Илимскъ.

„Списокъ съ указные Тобольскіе памяти. Лѣта 7206 августа въ 15 день, по указу вел. гос. царя и в. кн. Петра Алексѣевича всеа Вел. и М. и Б. Росіи Самодержца, память Тобольского уѣзду въ Тоболные, въ Міясскіе и въ Исѣцкіе остроги и слободы драгунскому головѣ, и прикащикомъ, и капитаномъ: въ нынѣшнемъ въ 206 году августа въ 12 день бѣжали изъ Тоболска Верхотурского уѣзду крестьяне, которые посланы были въ Нерчинскъ и

въ Илимскъ Ивашко Евсивьевъ съ товарыщи съ женами и съ дѣтьми 14 человѣкъ, а чаять ихъ побѣгъ Тоболского уѣзду въ слободы. И какъ къ вамъ ся память придетъ, и вы бы вышеписанныхъ бѣглыхъ крестьянъ Ивашка Евсивьева съ товарыщи велѣли въ острогахъ и въ слободахъ и въ уѣздахъ сыскивати; и буде они гдѣ явятся, и вамъ бы тѣхъ крестьянъ велѣть поймать и скованыхъ прислать въ Тоболескъ не замотчавъ; и о томъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ князю Михайлу Яковлевичю, столнику князю Петру Михайловичю Черкаскимъ, дьякомъ Ивану Обрютину, Аѳонасью Гарасимову писали. А прочитая сію память и списывая списки, посылать отъ слободы до слободы съ нарочными посылщики.

У подлинной памяти помѣта дьяка Аѳонасья Гарасимова, справа подьячего Михайла Протопопова".

12) Списокъ съ Тобольской указной памяти 1698 г. о некурѳніи вина изъ государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ вслѣдствіе неурожая въ Сибири.

„Лѣта 7207 сентября въ 15 день, по указу вел. гос. царя и в. кн. Петра Алексѣевича всеа В. М. Б. Росіи самод., память въ Исѣцкіе и въ Міясскіе остроги и слободы прикащикомъ и слободчикомъ: въ прошломъ 206 году августа въ 20 день въ грамотѣ великаго государя писано въ Тоболескъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ князю Михайлу Яковлевичю да столнику князю Петру Михайловичу Черкаскимъ, да дьякомъ Ивану Обрютину, Аѳонасью Гарасимову: указалъ вел. государь въ Тобольску и во всѣхъ Сибирскихъ городехъ для продажи горячего вина на кружечные дворы и на неокладные расходы изъ его вел. государя хлѣбныхъ запасовъ не курить, потому что въ прошлыхъ годехъ изъ розныхъ Сибирскихъ городовъ воеводы въ отпискахъ писали: въ Сибири де волею Божіею хлѣбу учинился недородъ и оттого хлѣбнымъ запасомъ передъ прежнимъ дороговизна и въ людехъ скудость; а по образцамъ, каковы къ Москвѣ изъ Тобольска и изъ иныхъ мѣстъ вину въ присылкѣ въ Сибирской Приказъ были, изъявилось, что вино зѣло плохо и подогрѣтое не горитъ, знатно, что воровствомъ приставниковъ многое число того вина покрадено, а вмѣсто того кладена вода, а то вино становилось со всякими расходы въ цѣнѣ дорого. А во многихъ городехъ хлѣба впредь въ запасѣ, также на дачу его, вел. государя, на-

стоящаго жалованья въ житницахъ мало, а индѣ ничего нѣтъ; а въ городѣхъ потачкою воеводскою и прикащиковъ слободскихъ крестьяна много хлѣба на вино пережигаютъ и на пивахъ пропиваютъ напрасно и впредь для недороду хлѣба у себя отнюдь не берегутъ и въ запасъ для такова случая хлѣбнаго недор[illegible] не оставляютъ. А буде въ которыхъ Сибирскихъ городех[illegible] роду ды, а Тоболского уѣзду въ слободахъ прикащики [illegible]ъ воевостанутъ свой (хлѣбъ) ради прихотей на про[illegible] и крестьяне пьянства черезъ тотъ его, вел. государя, у[illegible]одажу для своего выхъ и своихъ запасовъ въ вино кури[illegible]казъ и его государевыхъ городовъ доправлены будутъ [illegible]ть—и на воеводахъ низовъ куренье выйдетъ, да на нихъ хлѣбные запасы, что на вино пени по пяти рублевъ, а н[illegible]ъ же за всякое ведро взято будетъ да сверхъ того пеня [illegible] прикащикахъ и на крестьянехъ тоже, указу. А Тоболско[illegible] наказаніе, противъ его, вел. государя, [illegible]го уѣзду и въ иныхъ Сибирскихъ городехъ и въ уѣздехъ, гдѣ хлѣбъ пашутъ, послать человѣка добраго и велѣть о томъ прикащикомъ и крестьяномъ сказать, съ большимъ подкрѣпленіемъ учинить заказъ противъ прежняго его, вел. государя, указу, чтобъ никто вина не курили и пивъ лишнихъ не варили. А когда Господь Богъ дастъ хлѣбу родъ—и имъ по четверти на пиво себѣ съ явкою варить. А буде для своей нужды, и для платежу драгунскихъ денегъ, и на иные свои потребы кому доведется хлѣба продать—и такимъ продавать велѣть, смотря по уроду хлѣба, а за тѣмъ бы и у всякаго всегда для нужного случая оставалось; и которой хлѣбъ у нихъ за продажею на лицо останется—и тотъ для своего недостатку берегли. А къ Соли Камской и на Чусовую и въ иные мѣста въ рускіе городы, пока въ Сибири хлѣбу недородъ и скудость, не пропущать и о томъ учинить на заставѣхъ заказъ съ великимъ подтвержденіемъ*). А когда и родъ хлѣбу будетъ, а похочетъ хто для продажи въ рускіе городы везти—и у такихъ людей прикащикомъ имать сказки, что хлѣбъ везетъ за остаткомъ, а въ запасѣ сколко есть у него осталось—и то въ сказкѣ своей ему отписать.... А буде въ Сибирскихъ городехъ хлѣбу будетъ когда недородъ, и въ то время изъ рускихъ городовъ возить будетъ за дальностію, также за дороговизною въ тѣхъ городѣхъ и за трудностію многою не мочно, и отъ того опасно въ Сибирскихъ городѣхъ на людей

*) Любопытное указаніе на то, что въ концѣ XVII в. уже не метрополія снабжала хлѣбомъ Сибирь, какъ было раньше, а наоборотъ.

великаго голоду—и по той его, вел. государя, грамотѣ ближнимъ боярину и воеводамъ князю Михайлу Яковлевичю, да столнику кн. Петру Мих-чю Черкаскимъ, да дьякомъ Ив. Обрютину, Аѳон. Гарасимову велѣно чинить по тому его, вел. государя, указу, какъ о томъ писано въ той его, вел. гос., грамотѣ выше сего. И смотря по роду хлѣбныхъ запасовъ, вездѣ велѣно собрать передъ прежнимъ со многою прибавкою и беречь со всякою опасностію и осторожностію, чтобы отъ огня и воды и какова воровства.... тому хлѣбу никакой гибели и утери не было, и всегда бъ лежалъ въ житницахъ въ цѣлости. А сколко какова хлѣба въ городѣ передъ прежнимъ явится—о томъ къ нему, вел. государю, писать.

„И какъ къ вамъ ся память придетъ, и вы бъ въ острогахъ и въ слободахъ всякихъ чиновъ людемъ вышеписанной вел. государя указъ сказали съ большимъ подкрѣпленіемъ и учинили заказъ противъ прежняго его, вел. государя, указу, чтобъ никто вина не курили, и пивъ лишнихъ не варили, и хлѣбныхъ запасовъ въ рускіе городы для продажи не возили—и о томъ на заставахъ учинить заказъ съ подтвержденіемъ, и о всемъ вышеписанномъ чинить, какъ о томъ написано въ сей памяти выше сего. А прочитая, съ сей памяти списывати списки и оставлять ихъ (у себя), а подлинную память посылать отъ слободы до слободы съ посылщиками. У подл. пам. помѣта дьяка Аѳ. Гарасимова, справа подьяч. Якова Лапина“.

13) Списокъ съ Тобольской указной памяти 1698 г. о посылкѣ жалованья драгунамъ въ слободы.

„Лѣта 7207 г. сентября въ 19 день, по указу вел. гос. царя и вел. кн. Петра Алексѣевича всеа В. М. и Б. Росіи Самодержца,—память въ Исѣцкіе и въ Тоболные слободы драгунскимъ капитанамъ: въ нынѣшнемъ въ 207 году сентября въ 16 день, по указу вел. гос. и по грамотѣ и по приказу ближнихъ боярина и воеводъ князя Михайла Яковлевича, столника князя Петра Михайловича Черкаскихъ, дьяковъ Ивана Обрютина, Аѳанасья Гарасимова, послано изъ Тоболска вел. государя жалованье на 206 годъ сержантомъ и капитаномъ и рядовымъ въ ихъ оклады къ прежней Московской дачѣ восьми стамъ девяносту пяти человѣкамъ по рублю человѣку—съ выборнымъ ихъ челобитчикомъ съ Левкою Пономаревымъ съ товарыщи. И какъ къ вамъ ся память придетъ—

и вамъ бы то вел. государя жалованье по наличнымъ заручнымъ имяннымъ росписямъ роздать драгунамъ—всякой капитанъ своей сотнѣ, которые драгуны служатъ,—съ росписки; а за очи, и подставою, и на мертвыхъ и бѣглыхъ и коихъ въ лицахъ нѣтъ—отнюдь бы дачи не было. И давать бы вамъ подъ посланную вел. государя казну провожатыхъ драгунъ, по сколку человѣкъ пристойно. А о взятьѣ у васъ драгунскихъ наличныхъ росписей и присылкѣ въ Тоболескъ роздаточныхъ книгъ къ головѣ драгунскому къ Ивану Текутьеву память послана. У сей памяти помѣта дьяка Ивана Самсоновича (Обрютина), справа подьячего Михайла Протопопова".

14) Списокъ съ Тобольской памяти о счисленіи годовъ съ 1 января 1700 года и о дачѣ жалованья служилымъ людямъ *).

„Лѣта отъ Рожества Христова 1700-го ноября въ 23 день, по указу великаго государя царя и вел. кн. Петра Алѳксѣевича, всея В. и М. и Б. Росіи Самод., память въ Исецкіе, Тоболные, Міясскіе остроги и слободы полковнику Давиду Яковлевичю Мейну и капитаномъ, и прикащикомъ. Въ нынѣшнемъ 1700 году февраля въ 22 день въ грамотѣ великаго гусударя писано въ Тоболескъ къ ближнему боярину и воеводамъ князю Михайлу Яковлевичю, столнику князю Петру Михайловичю Черкаскимъ, дьякомъ Аѳонасью Парѳенову, Ивану Обрютину: указалъ вел. гусударь во всякихъ приказныхъ мірскихъ дѣлехъ лѣта писать и числить годы генваря съ 1-го числа 7208 году и считать отъ Рожества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1700 годъ, а годъ спустя—генваря съ 1 числа, впредь съ будущаго 7209 году, писать отъ Рожества Христова генваря съ 1 числа 1701 году и въ предбудущихъ годехъ чинить потому же. А служилыхъ всякихъ чиновъ людемъ жалованье давать сентября съ 1 числа да сентября по 1 число, да имъ же велѣно дать по росчету съ сентября генваря по 1-е число 1701 году на четыре мѣсяца. И по указу вел. государя и по приказу ближнихъ боярина и воеводъ князя Михайла Яковлевича, столника князя Петра Михайловича Черкасскихъ, дьяковъ Аѳонасья Парѳенова, Ивана

*) Этотъ документъ предварительно напечатанъ мною въ «Пермск. Губ. Вѣдом.» въ № 258 отъ 28 ноября 1899 г., въ статьѣ: «*Въ виду [наступленія новаго столѣтія*».

Обрютина, велѣно въ вышеписанныхъ острогахъ и слободахъ съ крестьянъ на прошлые годы изъ доимки и по Ивановымъ книгамъ Качанова сентября съ 1 числа 1700 года да генваря по 1 число 1701 года на крестьянехъ драгуномъ и ямщикомъ на жалованье денги доправить. И въ которомъ острогѣ и слободѣ сколко драгунскихъ и ямскихъ денегъ на крестьянехъ на прошлые годы и по Ивановымъ книгамъ Качанова изъ доимки съ сентября 1 числа да генваря по 1-е число 1701 года доправить— и прислать тому подъ сею памятью роспись. И для высылки тѣхъ денегъ посланъ къ вамъ Тоболской Приказной полаты приставъ Ивашко Смольяниновъ. И какъ къ вамъ ся память придетъ, а съ сею памятью въ вышеписанные остроги и слободы приставъ Ивашко пріѣдетъ, и вамъ бы по росписи, какова подъ сею памятью, потребныя денги драгуномъ и ямщикомъ при немъ, Ивашкѣ, доправить и выслать въ Тоболескъ на срокъ декабря къ 20 числу, не дожидаясь о томъ къ себѣ изъ него указу и нарочного для правежу тѣхъ денегъ посылшика.... И о сборѣ драгунскихъ и ямскихъ денегъ велѣти имъ, крестьяномъ, межъ собою верстатца по указу вел. государя и по грамотѣ и по прежнимъ указнымъ памятемъ, чтобы въ сборѣ тѣхъ денегъ бѣднымъ людемъ предъ пожиточными людми тягости, а пожиточнымъ людемъ льготы не было. А если вы по росписи, какова подъ сею памятью, драгуномъ и ямщикомъ денегъ не доправите и въ Тоболескъ на вышеписанной указной строкъ не вышлите и запустите для своихъ взятокъ, норовя крестьяномъ, впредь въ доимку, и тѣ денги доправятца на васъ, прикащикахъ и капитанахъ, безо всякія поноровки для того, что о правежу и о присылкѣ по Ивановымъ книгамъ Качановымъ изъ доимки на прошлой годъ посыланы къ вамъ съ нарочными посылщики многіе указные памяти, и вы, капитаны и прикащики, запустили ту доимку, а по указу великаго государя и по грамотамъ велѣно.... денги править на томъ, кто ихъ въ доимку запустилъ. А прочитая сію память и списывая съ нея списки, оставливать въ слободахъ въ судныхъ избахъ.

„Помѣта дьяка Аѳонасья Парѳентьева.

Справа подьячего Ивана Слонова.

15) Списокъ съ памяти 1700 г. о содѣйствіи сыну боярскому Максиму Ѳеѳилову въ устройствѣ засѣкъ на окольныхъ дорогахъ.

„Лѣта отъ Рожд. Христ. 1700-го декабря въ 16 день, по указу вел. государя ц. и в. кн. Петра Ал-ча всея В. М. Б. Росіи Самод., память въ Исѣцкіе слободы полковнику Давыду Яковлевичю Мейну, и полуголовѣ Степану Текутьеву, и приказщикомъ и капитаномъ. Въ нынѣшнемъ 1700 году, по указу вел. государя, посланъ изъ Тоболска Тоболского уѣзду въ Арамилскую слободу и въ Катайской острогъ Тоболской сынъ боярской Максимъ Ѳеѳиловъ (съ) служилыми людми для заставы на околніе дороги. И какъ къ вамъ ся память придетъ, а онъ, Максимъ, (съ) слу-

жилыми людми въ которую слободу пріѣдутъ, и вамъ бы давать ему, Максиму съ служилыми, постоялые дворы и по подорожней подводы отъ слободы до слободы безъ задержанія и для засѣки околныхъ дорогъ крестьянъ и драгунъ, сколко человѣкъ понадобитца. А прочитая сію память и списывая списки, а подлинную память отдавать ему, Максиму.

„У подлинной памяти помѣта дьяка Ивана Обрютина, на оборотѣ справа подьячего Ивана Слонова.

4) Вѣдомости о количествѣ потребленія вина и соли въ Исецкой провинціи въ половинѣ XVIII вѣка.

Сенатскій указъ отъ 19 сентября 1755 г. о поставкѣ вина въ казну въ восточныхъ провинціяхъ сталъ примѣняться только съ 1757 года. По полученіи его, камеръ-коллегія, на основаніи собранныхъ за предыдущее десятилѣтіе свѣдѣній, составила для каждой провинціи особые реэстры съ указаніемъ, сколько вина и по какой цѣнѣ надлежало поставлять въ слѣдующее десятилѣтіе ежегодно въ каждую провинцію. Въ Исетскую провинцію Оренбургской губерніи такой указъ камеръ-коллегіи, съ приложеніемъ реэстра, былъ посланъ отъ 11 апрѣля 1756 г. (Печатанъ на особомъ большомъ листѣ въ Москвѣ, въ Сенатской типографіи, съ извлеченіями изъ сенатскаго указа 1755 г.). Приведемъ этотъ реэстръ*).

Реэстръ, сколько Исѣцкой провинціи въ дистрикты, состоящіе на сибирскихъ правахъ, съ 1757 году въ десятилѣтнее время вина по сложности числомъ ведръ и по какой сложной цѣнѣ ставить надлежитъ.

А имянно:	Число ведръ.	По какимъ цѣнамъ. копейки.
Въ Шадринской дистриктъ	1046	69 съ половиною.
Въ Исѣцкой	1401	70 съ четвертью.
Въ Окуневской	780	56 съ четвертью.
Итого . .	3227	

Да сверхъ вышеписаннаго числа ведръ во всѣхъ оныхъ мѣстахъ поставщикамъ отдавать на усышку и утечку на каждые сто ведръ по три ведра безденежно.

*) Первоначально напечатанъ въ «Тобольск. Губерн. Вѣдом.» 1894 г. № № 39 и 40 въ нашей статьѣ о виноторговлѣ на Уралѣ и въ Сибири.

Въ приведенномъ документѣ особенно любопытна стоимость ведра вина въ казенной поставкѣ полтораста лѣтъ тому назадъ. Указанное количество потребленія вина получитъ значеніе, если мы опредѣлимъ, хотя приблизительно, населеніе трехъ дистриктовъ Исетской провинціи. Весьма близкія къ тому времени (1757 г.) свѣдѣнія о числѣ жителей въ Исетской провинціи мы находимъ въ „Топографіи Оренбургской“ *Рычкова* (Спб. 1762 г.), гдѣ показано слѣдующее число жителей мужеского пола въ тѣхъ же трехъ дистриктахъ:

1) въ Исетскомъ дистриктѣ . . .	12066 чел.	(ч. II,	165).
2) „ Шадринскомъ	9098 „	(„	172).
3) „ Окуневскомъ	6860 „	(„	177).
Итого .	28024 чел.		

Въ этомъ числѣ не считаются служилые люди, а только одно податное населеніе; но число служилыхъ было сравнительно не велико. Присоединимъ сюда женскую половину крестьянскаго населенія и получимъ приблизительно все населеніе трехъ дистриктовъ равнымъ свыше 56000 чел., исключая дѣтей.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ количествомъ ежегоднаго потребленія вина по оффиціальному реэстру ясно, что на каждаго мужчину на годъ приходилось менѣе $^1/_9$ ведра вина, а если взять все населеніе обоего пола, то приходится только $^1/_{17}$ ведра на человѣка. Само-собой разумѣется, что въ дѣйствительности этого не могло быть, и въ камеръ-коллегію отовсюду доставлялись весьма невѣрныя свѣдѣнія о количествѣ ежегоднаго потребленія, которое, безъ сомнѣнія, было гораздо значительнѣе.

Теперь приводимъ вѣдомости о поставкѣ въ казну соли *).

Росписаніе 1767 году, въ какія имянно вѣдомства Мехонской воеводской канцеляріи мѣста имѣющуюся нынѣ въ саду на Степномъ Абеляѣ-озерѣ соль надлежитъ вывозить, и за вывозъ ея волно охочимъ людемъ плату по коликому числу за каждый пудъ, противъ бывшихъ до 1757 году цѣнѣ, производить, чрезъ какія Уйской линіи крѣпости то отправленіе чинить—о томъ значитъ ниже сего.

Въ какія именно мѣста.	Отъ оныхъ до Абеля-озера число верстъ.	По какимъ цѣнамъ плату производить за каждый пудъ.	Коликое число на два года соли въ каждыя порознь мѣста заготовить потребно	Чрезъ которыя Уйской линіи крѣпости изъ оныхъ мѣстъ отправленіе чинить.
Въ остроги:		за перевозку.		Черезъ Усть-Уйскую крѣпость.
Исетской . . .	625	по 13 коп.	8400	
Красногорской . . .	645	тоже	2800	
Мехонской . . .	564	по 12	5000	
Окуневской . . .	515	по 12	5400	
Въ городъ Шадринскъ .	560	по 12	30000	
Въ слободы:				
Бешкильскую . . .	659	по 13	2600	
Ингалинскую . . .	665	по 13	800	
Терсюкскую . . .	584	по 12	4800	
Усть-Мiясскую . . .	540	по 12	2800	
Буткинскую . . .	673	по 13	5600	
Куртамышскую . . .	395	по 9	3600	
Таловскую . . .	435	тоже	4600	
Каминскую . . .	360	тоже	3600	
Въ крѣпости:				
Усть-Уйскую . . .	250	по 8	3000	
Звѣриноголовскую . .	250	по 8	3000	

Подлинное подписали тако: Иванъ Лазаревъ. Въ должности секретаря канцелярист Михайло Шишминцевъ, канцелярист Аѳонасій Колесниковъ.

*) Перепечатываются также изъ нашей статьи о соляной торговлѣ на Уралѣ и въ Сибири въ «Тобольскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ» 1895 г. №№ 25 и 26.

Эта вѣдомость важна тѣмъ, что показываетъ, какія именно селенія составляли тогда вѣдомство мехонской воеводской канцеляріи, о которой въ мѣстной исторической литературѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Повидимому, это воеводство въ предѣлахъ Исетской провинціи имѣло въ 1760-хъ годахъ военно-административное значеніе и учреждено вслѣдствіе бывшаго въ 50-хъ годахъ бунта среди башкиръ и другихъ инородцевъ. Препровожденіе соляныхъ каравановъ подъ военнымъ конвоемъ, въ виду опасности отъ нападеній киргизъ, очевидно, возлагалось тогда на мехонскую воеводскую канцелярію. Кромѣ того, приведенная вѣдомость показываетъ общее количество соли, которая вывозилась съ озера Эбелей чрезъ каждые два года во всѣ главныя селенія вѣдомства мехонской канцеляріи. Какъ видимъ, количество это достигало до 86000 пудовъ на два года или, другими словами, ежегодное потребленіе соли въ указанномъ районѣ простиралось до 43000 пудовъ—болѣе вѣроятная цифра дѣйствительнаго потребленія соли въ Исетской провинціи во второй половинѣ прошлаго вѣка. Вѣдомость 1767 г. была приложена къ указу отъ 28 іюля изъ мехонской воеводской канцеляріи мехонского острога крестьянскому старостѣ о пріисканіи охочихъ людей ѣхать на Эбеляйозеро за солью. Изъ указа видно, что это „вновь учиненное росписаніе“ о поставкѣ соли составлено было въ исетской провинціальной канцеляріи въ Челябинскѣ. Въ нашихъ рукахъ есть и другая вѣдомость того же 1767 г. относительно всей Исецкой провинціи, но безъ указанія количества вывозимой соли. Эта вѣдомость послана была при указѣ той же мехонской воеводской канцеляріи отъ 13 іюля 1767 г. „вѣдомства коллегіи экономіи Долматовской вотчины села Николаевскаго“ крестьянскому старостѣ. Перечисливъ опять всѣ упомянутыя въ предыдущей вѣдомости селенія, она добавляетъ еще слѣдующія слободы и крѣпости Исецкой провинціи:

Въ слободы:	верстъ.	копеекъ.	
Песчанскую	438	по 12.	Черезъ Троицкую крѣпость.
Теченскую	403		
Карачельскую.	432		
Чумляцкую	398		

	верстъ.	копеекъ.	
Верхне-Увельскую	292	по 9.	Черезъ Троицкую крѣпость.
Нижне-Увельскую	251		
Въ село Кундравинское	330		
Въ крѣпости:			
Челябинскую	321	по 9.	
Чебаркульскую	332		
Эткульскую	286		
Троицкую	210		
А по сложности имѣетъ быть изъ 4-хъ цѣнъ каждый пудъ (за доставку соли съ озера)	—	по $11^{11}/_{28}$.	

Подлинные подписали тако: Секретарь Василій Гурьевъ. Канцеляристъ Аѳонасей Колесниковъ.

Самые же указы мехонской канцеляріи отъ 13 и 28 іюля подписалъ Андрей Яковлевъ.

Очевидно, что вторая вѣдомость перечисляетъ тѣ селенія, которыя не считались тогда въ вѣдомствѣ мехонской воеводской канцеляріи, но входили въ составъ той же Исецкой провинціи. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой провинціи можно найти въ „Топографіи Оренбургской“ *П. Рычкова.* (Спб. 1762 г.).

Приведенная въ первой вѣдомости точная цифра потребленія соли въ Исецкой провинціи, какъ замѣчено, ближе къ дѣйствительности, нежели указанная Рычковымъ (50000 пудовъ въ годъ для всей Оренбургской губерніи). Но мы увѣрены, что и наша цифра все-таки низка сама по себѣ. Цѣлый рядъ указовъ того времени, помѣщенныхъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, положительно убѣждаетъ въ существованіи тайнаго провоза соли въ широкихъ размѣрахъ какъ съ илецкаго мѣсторожденія, такъ съ озера Эбелея и съ соляныхъ озеръ Сибири. Главною причиною этого зла, какъ видно изъ указовъ, была слишкомъ высокая цѣна на соль, установленная самимъ правительствомъ (при Петрѣ I отъ 12 до 16 алтынъ за пудъ, со введенія устава 1728 г. нѣсколько ниже, при Елизаветѣ Петровнѣ 35 коп., а для нѣкоторыхъ мѣстъ выше). Довольно сказать, что въ Иркутской губерніи казенная цѣна соли въ прошломъ вѣкѣ доходила до 2 р. за пудъ!

Понятно, что такая цѣна была не по средствамъ большинства покупателей и вела къ неизбѣжнымъ злоупотребленіямъ. Главная соляная контора въ Москвѣ и сама сознавала это и объясняла въ указѣ отъ 22 марта 1764 г. незначительный расходъ соли изъ казенныхъ магазиновъ тѣмъ, что „она добывается обывателями потаенно", почему и во всей Сибири возложила главный надзоръ за добываніемъ и продажей ея на мѣстныхъ губернаторовъ *). Въ другомъ указѣ отъ 1750 г. она заявляла, что „въ Казани и Казанской губерніи въ городѣхъ и мѣстѣхъ, да въ городѣхъ же въ Астрахани, въ Красномъ Яру, въ Бахмутѣ въ половинѣ года въ продажѣ соли имѣлось: въ 1742 г. 1,093,585 пудъ, въ 1743 г.— 1,305,136 п., въ 1750 же году—442,569 пудъ; и въ томъ 1750 г. въ половинѣ года въ Казанской губерніи и въ вышеобъявленныхъ городѣхъ въ продажѣ меньше противъ 1742 г. на 651,016 п., а противъ 1743 г. на 862,567 пудъ" **). Безпошлинный провозъ соли изъ Оренбургскаго края въ Поволжье главнымъ образомъ практиковался при посредствѣ башкиръ, которые до 1753 г. за вносимый въ казну ясакъ пользовались правомъ дарового полученія соли съ Илека и съ Абелея, какъ и другіе инородцы. Главный начальникъ края, Неплюевъ, постепенно достигъ отмѣны ясака съ инородцевъ и подчиненія ихъ, наравнѣ съ русскими, обязательной покупкѣ соли изъ казенныхъ магазиновъ по одинаковой для всѣхъ цѣнѣ 35 коп. за пудъ. Благодаря его настояніямъ, сенатъ издалъ наконецъ указъ отъ 16 марта 1754 г., коимъ во всей Башкиріи вводилась казенная продажа соли, чтобы ниоткуда къ инородцамъ подвоза неуказной соли отнюдь не допускалось, взамѣнъ чего съ нихъ ясакъ былъ снятъ ***). Вскорѣ эти распоряженія были распространены и на Сибирь, которая получила одинаковое съ Оренбургскимъ краемъ соляное управленіе со второй половины XVIII-го вѣка.

Конецъ VIII выпуска.

*) «Полное Собраніе Законовъ» № 12,599.

**) Тамъ же № 9835.

***) Тамъ же, № 10.097 (указъ 7 мая 1753 г.) и № 10,198 (указъ 16 марта 1754 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора-издателя . . . . . III—IV.

Библіографическій указатель . . . . . V—IX.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Глава I. *О торговлѣ въ Пермскомъ Зауральѣ и Сибири. Верхотурская таможня. Начало Ирбитскаго торга* . . . . . 1—19.

Источники для изученія вопроса (1—2). Таможни внѣшнія и внутреннія. Провозъ хлѣба въ Сибирь и пушнины въ Русь (2—5). Таможенныя злоупотребленія и возвышеніе Ирбита (5—7). Заставы на обходимыхъ путяхъ (7). Торговый уставъ 1698 г. и Наказъ 1693 г. (8—11). Винокуреніе и виноторговля (11—12). „Винный уставъ 1698 г. (12—15). Торговля солью и соляной уставъ 1728 года (16—19).

Глава II. *Башкирія при началѣ русской колонизаціи.*

„ „ А) Уфимская Башкирія и основаніе гор. Уфы . . . . . 19—33.

Тюркское происхожденіе башкиръ. Періоды въ исторіи ихъ: Мадьярскій, болгарскій и татарскій (19—22). Господство ногаевъ въ Башкиріи (22—23). Подчиненіе башкиръ русской власти въ 1557 г. (23—24). Основаніе города Уфы (25—26). Начало Уфимскаго уѣзда (27—28) и его первоначальное заселеніе (28—30). Четыре башкирскія дороги (31). Число дворовъ и ясачныхъ людей на нихъ (32—33).

„ „ Б) Зауральская Башкирія при р. Исети и основаніе Шадринска . . . . . 33—54.

Зауральскіе башкиры и ихъ отношеніе къ пріуральскимъ (34—36). Башкирская дорога въ долинѣ р. Исети и

Стр.

первоначальное водвореніе здѣсь русскихъ (37—39). Башкирскія волости въ Зауральѣ и количество дворовъ и ясачныхъ людей въ нихъ (40—41). Русская колонизація въ долинѣ Исети (41—43). Основаніе Шадринской слободы (43—45) и прочихъ слободъ и остроговъ въ Исетскомъ краѣ (45—46). Способъ заселенія слободъ (47—48). Управленіе ими церковное и гражданское (48—51). Данныя о количествѣ населенія русскаго и инородческаго въ XVIII вѣкѣ (52—54).

„ „ В) Прикамская или Осинская Башкирія и основаніе Осы . . . . . 54—72.

Осинская башкирская дорога и волости на ней (55—57). Вопросъ о времени основанія Новониколской слободы (58—60). Смѣшеніе ея съ Николо-Березовской слободою (ibidem). Основаніе Осы, по писцовой книгѣ Палицина и Аристова (60—66). Осинскій уѣздъ и начало русской колонизаціи его (66—72).

Глава III. *Башкирскія возстанія въ XVII и XVIII в.в.* 72—103.

Общія причины недовольства башкиръ и ихъ волненій (72—75). *А*) Сеитовскій бунтъ въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи (75—83). *Б*) Алдаро-Кусюмовскій бунтъ (83—90). *В*) Кильмякъ-Карасакаловъ бунтъ (90—98). *Г*) Батыршинъ бунтъ (98—103).

Глава IV. *Далматовскій Успенскій монастырь и его вотчины* . . . . . 103—112.

Основаніе монастыря. Старецъ Далматъ и его сынъ Исаакъ (104—106). Введенскій женскій монастырь, приписной къ Далматовскому (106—107). Переписи монастырскихъ вотчинъ (107—108). Порядокъ основанія монастырскихъ деревень (108—109). Монастырскія поселья и перепись Черницына (109—110). Хозяйство Далматовскаго монастыря (111—112).

Глава V. *Къ исторіи гражданскаго управленія Исетскимъ краемъ въ XVII и XVIII в.в.* 112—122.

Исетскій край, какъ часть Тобольскаго уѣзда въ XVII вѣкѣ (112—113). Ростъ уѣзда Верхотурскаго (тамъ же). Выдѣленіе изъ нихъ самостоятельныхъ единицъ.—„Вѣдомства Екатеринбургскаго“ и „Вѣдомства Акинфія Демидова“ (113—

Стр.

114). Учрежденіе новой „Исетской провинціи“ въ 1737 г. (114—117). Списокъ мѣстныхъ управителей Шадринска и другихъ слободъ и остроговъ (117—122). Общій характеръ управленія Исетскимъ краемъ (122).

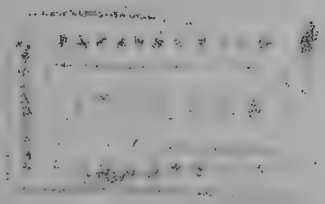
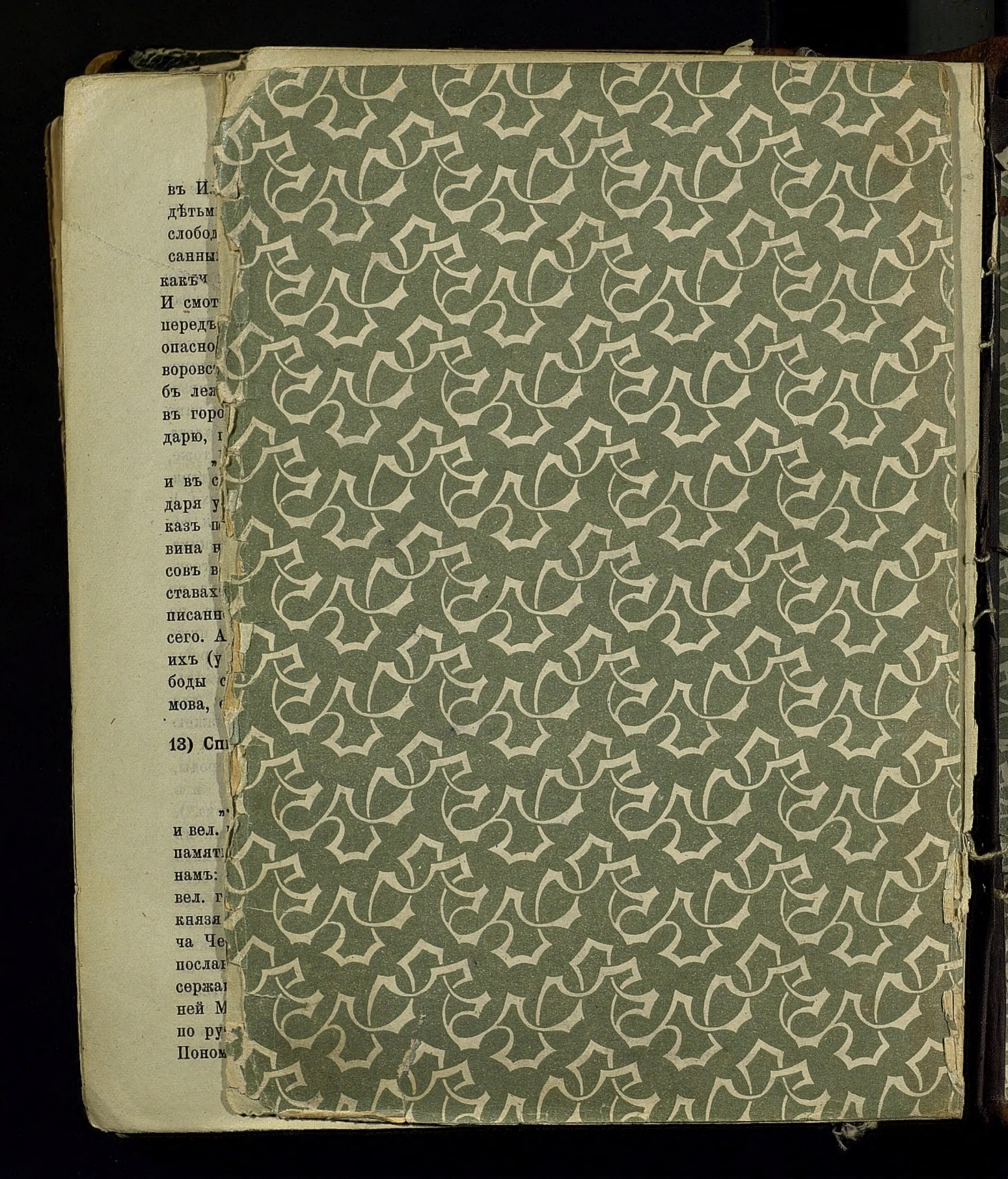
Глава VI. *Начало Кунгурскаго уѣзда* . . . . . 122—133.

Составъ первоначальнаго населенія этого края и перепись тамошнихъ инородцевъ Кайсаровымъ (122—127).—Вопросъ о времени основанія Кунгура (тамъ же). Усиленіе русской колонизаціи въ долинѣ р. Сылвы и ея притоковъ (127—128). „Селебныя книги“ г. Кунгура Прокопія Елизарова (128—129), кн. Прозоровскаго и Гаврила Евдокимова (130—131) и стольника Семена Кондырева (132—133).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

1) Осинская писцовая книга Палицына и Аристова 1596 года . . . . . 135—140.
2) Извлеченіе изъ дозорныхъ книгъ Осипа Зюзина и Терентія Матвѣева 1621 г. по Осинскому уѣзду . . . . . 140—145.
3) Шадринскіе акты XVII вѣка . . . 145—167.
4) Вѣдомости о количествѣ потребленія вина и соли въ Исецкой провинціи въ половинѣ XVIII вѣка . . . . . 167—172.

251.500

Глава
Глав
Гла